

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

ISSN 2658-5413

Ф

илософические
письма.

Русско-европейский
диалог

2/2022

P

hilosophical Letters.

Russian and European Dialogue

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
МЕЖДУНАРОДНАЯ ЛАБОРАТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ
РУССКО-ЕВРОПЕЙСКОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ДИАЛОГА

ФИЛОСОФИЧЕСКИЕ ПИСЬМА РУССКО-ЕВРОПЕЙСКИЙ ДИАЛОГ

2022
Том 5, № 2

ISSN 2658-5413

Эл. почта: philletters@hse.ru

Веб-сайт: phillet.hse.ru

Адрес редакции: 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, к. 217

Тел.: +7-(495)-772-95-90*12454

Редакция

Главный редактор

Владимир Карлович Кантор

Заместитель главного редактора

Марина Сергеевна Киселева

Ответственный секретарь

Анна Александровна Доронина

Шеф-редактор

Сергей Максимович Малков

Научный редактор

Ольга Анатольевна Жукова

Серийное оформление

Петр Павлович Ефремов

Компьютерная верстка

Игорь Юрьевич Кротов

Корректор

Марина Владиславовна Нагришко

NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY “HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS”
INTERNATIONAL LABORATORY FOR THE STUDY
OF RUSSIAN AND EUROPEAN INTELLECTUAL DIALOGUE

PHILOSOPHICAL LETTERS. RUSSIAN AND EUROPEAN DIALOGUE

2022
Vol. 5, no. 2

ISSN 2658-5413

Mail: philletters@hse.ru

Web-site: phillet.hse.ru

Address: 217, 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066

Phone: +7-(495)-772-95-90*12454

Editors

Editor-in-Chief

Vladimir Kantor

Deputy Editor-in-Chief

Marina Kiseleva

Executive secretary

Anna Doronina

Chief Editor

Sergey Malkov

Scientific Editor

Olga Zhukova

Layout designer

Peter Efremov

Computer layout

Igor Krotov

Proofreader

Marina Nagrishko

Редакционная коллегия

Владимир Карлович Кантор,

д. филос. н., профессор, ординарный профессор НИУ ВШЭ, заведующий Международной лабораторией (МЛ) исследований русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ

Марина Сергеевна Киселева,

д. филос. н., профессор, главный научный сотрудник ИФ РАН, главный научный сотрудник МЛ исследований русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ, профессор кафедры истории и философии науки ИФ РАН, Москва

Анна Александровна Доронина,

стажер-исследователь МЛ исследований русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ, аспирант школы философии факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ

Бенами Баросс Гарсиа,

PhD, доцент, Университет Гранады, Испания

Константин Абрекович Баршт,

д. филол. н., профессор, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН, Санкт-Петербург

Ирина Захаровна Белобровцева,

д. филос. н., профессор эмеритус, ст. научный сотрудник Таллинского университета, Эстония

Филипп Буббайер,

PhD, профессор, профессор Кентского университета, Великобритания

Игорь Леонидович Волгин,

д. филол. н., к. ист. н., президент Фонда Достоевского, Москва

Людмила Димерская-Цигельман,

PhD, профессор Еврейского университета в Иерусалиме, Израиль

Януш Добешевский,

PhD, профессор, профессор Варшавского университета, Польша

Ольга Анатольевна Жукова,

д. филос. н., профессор, гл. науч. сотр. МЛ исследований русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ, академический руководитель ОП «Философская антропология», научный руководитель философской и культурологической магистратуры НИУ ВШЭ

Корнелия Ичин,

д. филол. н., профессор филологического факультета Белградского университета, Сербия

Алексей Алексеевич Кара-Мурза,

д. филос. н., профессор, главный научный сотрудник ИФ РАН, Главный научный сотрудник МЛ

исследований русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ, Москва

Наталья Васильевна Корниенко,

член-корреспондент Российской академии наук, заведующая Отделом новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья ИМЛИ РАН, Москва

Хольгер Куссе,

PhD, профессор, директор Института Славистики Дрезденского технического университета, главный редактор журнала «Zeitschrift fuer Slawistik», Германия

Владислав Александрович Лекторский,

д. филос. н., профессор, академик Российской академии наук, Москва

Леонид Люкс,

PhD, профессор, научный руководитель МЛ исследований русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ, главный редактор журнала «Форум новейшей восточно-европейской истории и культуры», профессор Католического университета г. Айхштэтт, Германия

Алексей Валерьевич Малинов,

д. филос. н., профессор, профессор СПбГУ, Санкт-Петербург

Николетта Марчиалис,

PhD, профессор, профессор Римского университета Тор Вергата (Roma Due), главный редактор журнала «Studi Slavistici», Италия

Федор Борисович Поляков,

PhD, профессор, профессор Венского университета, Австрия

Ричард Темпест,

PhD, профессор славянских языков и литератур Иллинойского университета в Урбане-Шампейн, старший редактор Journal of Political Marketing, США.

Валерий Александрович Тишков,

д. ист. н., профессор, министр по делам национальностей Российской Федерации (1992), вице-президент Международного союза антропологических и этнологических наук, академик Российской академии наук, Москва

Татьяна Витаутасовна Чумакова,

д. филос. н., профессор, профессор Института философии СПбГУ, Санкт-Петербург

Татьяна Геннадьевна Щедрина,

д. филос. н., профессор, профессор МПГУ, Москва

О журнале

«Философические письма. Русско-европейский диалог» — академический рецензируемый журнал, посвященный теоретическим, эмпирическим и историческим исследованиям интеллектуального диалога России и Европы как равноправных партнеров. Журнал выходит четыре раза в год. В каждом выпуске публикуются оригинальные исследовательские статьи, обзоры, рецензии, рефераты и архивные материалы.

Цель

Наладить прямой контакт с западными коллегами для того, чтобы не просто предоставить возможность высказаться на страницах русских изданий (для этого много других площадок), а включить их в прямой диалог по проблемам взаимоважным для русской и европейской мысли.

Тематические рубрики

- Философия в литературном контексте.
 - Россия как иная Европа: культурфилософский контекст.
 - Русский путь к просвещению.
 - Современные аспекты диалога России и Европы.
 - Социальные трансформации в современном мире и сохранность интеллектуальной культуры.
 - Архивные материалы. Из неопубликованного.
- Научная жизнь. Рецензии. Обзоры.

Наша аудитория

- исследователи, занимающиеся изучением истории русской мысли, интеллектуальной историей России, русской литературой;
- преподаватели российских и зарубежных вузов по специальностям, связанным с историей философии;
- студенты, аспиранты и докторанты, изучающие соответствующие дисциплины;
- западные слависты, исследователи русской истории и культуры;
- журналисты и практики, занимающиеся решением социальных проблем России и вопросами коммуникации с Западной культурой;
- люди, не профессионально интересующиеся изучением наследия русской мысли.

Подписка

Журнал является электронным и распространяется бесплатно. Все статьи публикуются в открытом доступе на сайте: phillet.hse.ru. Чтобы получать сообщения о свежих выпусках, подпишитесь на рассылку журнала по адресу: philletters@hse.ru.

Editorial Board

Vladimir Kantor,

Doctor of Philosophy, Professor at the National Research University "Higher School of Economics", head of the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue of National Research University "Higher School of Economics"

Marina Kiseleva,

Doctor of Philosophy, Professor, chief research fellow at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, chief research fellow at the International laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, National Research University "Higher School of Economics, Moscow

Anna Doronina,

postgraduate student in School of Philosophy of Faculty of Humanities of National Research University "Higher School of Economics", research assistant at the International laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue

Benamí Barros García,

PhD, Associate Professor, University of Granada, Spain

Konstantin Barsht,

Doctor of Philology, Professor, Leading Researcher at the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg

Irina Belobrovtsseva,

Doctor of Philosophy, Professor Emeritus, senior research fellow at the Tallinn University, Estonia

Philip Boobbyer,

PhD, Professor at the University of Kent, Great Britain

Igor Volgin,

Doctor of Philology, Candidate of Historical Sciences, President of the Dostoevsky Foundation, Moscow

Lyudmila Dimerskaya-Zigelman,

PhD, Professor at the Hebrew University of Jerusalem, Israel

Janusz Dobieszewski,

PhD, Professor of Philosophy at the University of Warsaw

Olga Zhukova,

Doctor of Philosophy, Professor, chief research fellow at the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue of the National Research University "Higher School of Economics". Academic Supervisor of the Philosophical Anthropology EP, Academic Supervisor of the Philosophical and Culturological Master's Degree at the Higher School of Economics

Cornelia Ichin,

Doctor of Philology, Professor at Faculty of Philology of the University of Belgrade, Serbia

Alexey Kara-Murza,

Doctor of Philosophy, Professor, chief research fellow of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sci-

ences, chief research fellow of the International laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, National Research University "Higher School of Economics, Moscow

Natalya Kornienko,

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, the head of the Department of Modern Russian Literature and Literature of the Russian Abroad, Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Holger Kuße,

PhD, Professor, Director of the Institute of Slavic Studies of Dresden Technical University, Editor-in-Chief of the journal "Zeitschrift fuer Slawistik", Germany

Vladislav Lektorsky,

Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Leonid Luks,

PhD, Professor, academic supervisor of the International Laboratory for the Study of Russian and European Dialogue of National Research University "Higher School of Economics", editor-in-Chief of the journal "Forum noveishey vostochnoevropeskoj istorii i kultury", Professor at the Catholic University of Eichstätt, Germany

Alexey Malinov,

Doctor of Philosophy, Professor at the Saint-Petersburg University

Nicoletta Marcialis,

PhD, Professor at the University of Rome Tor Vergata (Roma Due), Editor-in-Chief of the journal "Studi Slavistici", Italy

Fedor Polyakov,

PhD, Professor at the University of Vienna, Austria

Richard Tempest,

Professor of Slavic Languages & Literatures at the University of Illinois Urbana-Champaign, chief editor of the Journal of Political Marketing, USA

Valery Tishkov,

Doctor of Historical Sciences, Minister for Nationalities of the Russian Federation (1992), Vice-President of the International Union of Anthropological and Ethnological Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Tatyana Chumakova,

Doctor of Philosophy, Professor, Professor at the Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg

Tatyana Shchedrina,

Doctor of Philosophy, Professor at the Moscow Pedagogical State University, Moscow

About the Journal

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue is an academic peer-reviewed journal of theoretical, empirical and historical research in intellectual dialogue between Russia and Europe as equal partners. *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue* publishes four issues per year. Each issue includes original research papers, review articles and archival materials.

Aims

To establish direct contacts with Western colleagues in order to provide them with an opportunity to speak on the pages of Russian periodicals and include them in a direct dialogue on issues of mutual importance for Russian and European thought as well.

Scope and Topics

- Philosophy in a literary context.
- Russia as a different Europe: cultural and philosophical context.
- Russian way to enlightenment.
- Modern aspects of the dialogue between Russia and Europe.
- Social transformations in the modern world and the preservation of intellectual culture.
- Archival materials.
- Reviews.

Our Audience

- researchers engaged in the study of the history of Russian thought, the intellectual history of Russia, Russian literature;
- teachers of Russian and foreign universities in specialties related to the history of philosophy;
- undergraduate and postgraduate students studying relevant subjects; Western Slavic scholars, researchers of Russian history and culture;
- journalists involved in solving social problems of Russia and issues of communication with Western culture;
- people who are not professionally interested in studying the heritage of Russian thought.

Subscription

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue is an open access electronic journal and available online for free via phillet.hse.ru. To receive messages about new issues, please subscribe to the journal's newsletter at: philletters@hse.ru.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора

Кантор В. К. —

К вопросу о гибели петровско-пушкинской России,
или Революция Петра Великого и контрреволюция
Владимира Ленина9

Европа и Россия: парадоксы родства

Булдаков В. П. —

Россия и «Петра творенье» 45

Мазурек С. —

Парадокс Каффи 62

Гравина И. В. —

Деконструкция Единого: русский и европейский опыт 80

Литература. Философия. Религия

Соловьев С. М. —

Шаламов — Воронский — Мандельштам:
Литература как воля к сопротивлению 98

Шохина В. Л. —

Веселая наука: философия и Набоков 121

Бит-Юнан Ю. Г. —

«Аннибалова клятва»: к истории романа
В. С. Гроссмана «Жизнь и судьба» 146

Память культуры

Кондаков И. В. —

Диалог «войны» и «мира» в русской культуре 169

Червяков Н. А. —

Борьба за красоту в философии театра Е. М. Беспятова 187

Архивные материалы. Из неопубликованного

Корсаков С. Н. —

Жизнь Яна Стэна по документам из партийных,
академических и семейных архивов 199

Научная жизнь. Рецензии. Обзоры

Мильдон В. И. —

Преднамеренность судьбы»
Рецензия на книгу: Светлана Левит. Мир человека,
в слове явленный: Бытие человека в культуре 234

Акимова А. А. —

О книге А. К. Герцык «Жизнь на осыпающихся песках» 247

Зеркало Гутенберга 253

CONTENTS

From the Editor

- V. Kantor* —
On the Question of the Death of Peter the Great
and Pushkin's Russia, or the Revolution of Peter the Great
and the Counter-revolution of Vladimir Lenin9

Europe and Russia: Paradoxes of Kinship

- V. Buldakov* —
Russia and "Peter's Creation" 45
- S. Mazurek* —
The Caffi Paradox 62
- I. Gravina* —
Deconstruction of The One: Russian and European Experience 80

Literature. Philosophy. Religion

- S. Solovyov* —
Shalamov — Voronsky — Mandelstam: Literature as a Will to Resist 98
- V. Shokhina* —
Gay Science: Philosophy and Nabokov 121
- Yu. Bit-Yunan* —
"Hannibalian Oath": On the History of V. Grossman's Novel "Life and Fate" 146

Memory of Culture

- I. Kondakov* —
The Dialogue of "War" and "Peace" in Russian Culture 169
- N. Cherviakov* —
The Struggle for Beauty in E. M. Bespiatov's Philosophy of Theatre 187

Archival Materials. Unpublished Papers

- S. Korsakov* —
Yan Staen's Life according to Documents
from Party, Academic and Family Archives 199

Academic Life. Reviews

- V. Mildon* —
Premeditation of Fate. Book review: Svetlana Levit.
The World of Man, Revealed in the Word:
The Existence of Man in Culture 234
- A. Akimova* —
About the Book of A. K. Gertsyk "Life on the Crushing Sands" 247
- In a Gutenberg's Mirror 253

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 2. С. 9–44.

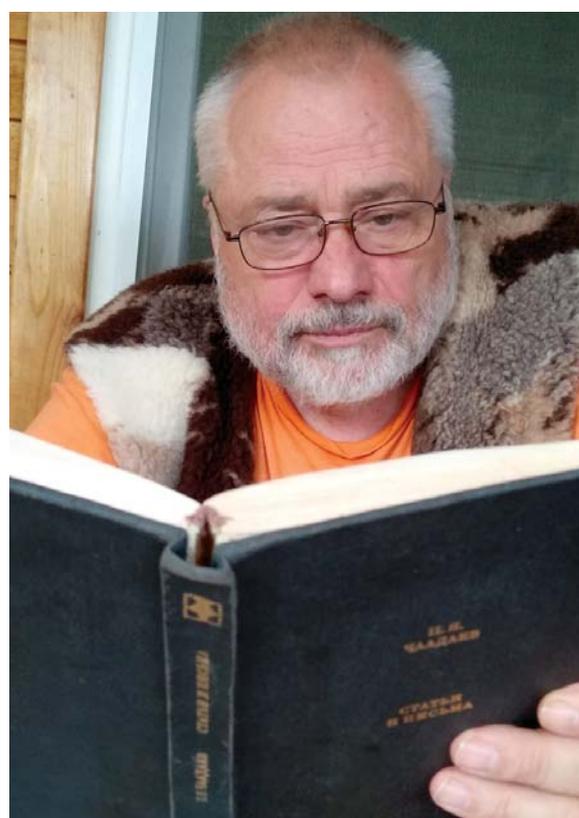
Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2022. Vol. 5, no. 2. P. 9–44.

Научная статья / Original article

УДК 821.161.1

doi:10.17323/2658-5413-2022-5-2-9-44

К ВОПРОСУ О ГИБЕЛИ ПЕТРОВСКО- ПУШКИНСКОЙ РОССИИ, ИЛИ РЕВОЛЮЦИЯ ПЕТРА ВЕЛИКОГО И КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ ВЛАДИМИРА ЛЕНИНА

Владимир Карлович Кантор
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, vlkantor@mail.ru

Аннотация. В статье обсуждается судьба России как важнейшая проблема ее истории. Созданная Петром и одухотворенная Пушкиным Российская империя была разрушена Владимиром Лениным. Созидательная сила Петра была направлена на создание: флота и регулярной армии для защиты

государства; нового алфавита и введение нового летоисчисления, а тем самым и христианского хронотопа; социальной структуры, состоящей из двух сословий — дворянства, обязанного государству службой, но и подарившего России ученых и писателей (от Пушкина до Бунина) и священников, давших стране политических деятелей (Сперанского и др.), блестящих историков (С. Соловьева, В. Ключевского и др.), а также писателей (Достоевского, Чернышевского, Шаламова и др.). Оба эти сословия обладали созидательной силой и определили развитие и просвещение России. Социальная структура была закреплена в табели о рангах, выполнявшей функцию социального лифта: образование и служба давали возможность социальному росту человека. Автор считает, что Петр пытался поставить принцип толерантности в основу своего правления, опираясь на идеи Локка и Лейбница, которые нашли применение, к примеру, в договорных отношениях государства со старообрядцами. В начале XVIII века внезапно вышедшая навстречу Европе Карла Великого Россия Петра Великого ошеломила и напугала Запад. Автор обращает внимание на своего рода «рецепты» от К. Маркса и Ф. Энгельса времен Крымской войны, предлагавших уничтожить Россию. Марксизм в руках Ленина стал идеологией, приведшей вождя большевистской партии к «антипетровскому перевороту» в России. Он усвоил идею Маркса о необходимости для блага европейского человечества покончить с Российской империей. Ленин, не колеблясь, принял помощь для разрушения России от ее врагов и действовал по всем направлениям: уничтожил созданные Петром сословия, отменил социальный лифт, создал «номенклатуру» и репрессивный аппарат (ВЧК), поставленный им над законом. Автор приходит к выводу, что Петр строил империю, европейское государство, а Ленин, разрушив его, заложил основы тоталитарной деспотии.

Ключевые слова: Петр Великий, Пушкин, Российская империя, свобода, крушение, революция, Ленин, деспотия, тоталитаризм

Благодарности: Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Ссылка для цитирования: Кантор В. К. К вопросу о гибели петровско-пушкинской России, или Революция Петра Великого и контрреволюция Владимира Ленина // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 2. С. 9–44. <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2022-5-2-9-44>.

From the Editor

ON THE QUESTION OF THE DEATH OF PETER THE GREAT AND PUSHKIN'S RUSSIA,
OR THE REVOLUTION OF PETER THE GREAT
AND THE COUNTER-REVOLUTION OF VLADIMIR LENIN

Vladimir K. Kantor

National Research University "Higher School of Economics"
(HSE University), Moscow, Russia, vlkantor@mail.ru

Abstract. The article discusses the fate of Russia as the most important problem of its history. Created by Peter and spiritualized by Pushkin, the Russian Empire was destroyed by Vladimir Lenin. The creative power of Peter was aimed at creating: a fleet and a regular army to protect the state; a new alphabet and the introduction of a new chronology, and thus the Christian chronotope; a social structure consisting of two estates — the nobility, who owed the state a service, but also gave Russia scientists and writers (from Pushkin to Bunin) and priests, who gave the country political figures (Speransky and others), brilliant historians (S. Solovyov, V. Klyuchevsky, etc.), as well as writers (Dostoevsky, Chernyshevsky, Shalamov, etc.). Both of these estates possessed creative power and determined the development and enlightenment of Russia. The social structure was enshrined in the table of ranks, which served as a social lift: education and service made it possible for a person to grow socially. The author believes that Peter tried to put the principle of tolerance at the basis of his government, relying on the ideas of Locke and Leibniz, which were used, for example, in the contractual relations of the state with the Old Believers. At the beginning of the 18th century, the Russia of Peter the Great, which suddenly came out to meet the Europe of Charlemagne, stunned and frightened the West. The author draws attention to a kind of "recipes" from K. Marx and F. Engels during the Crimean War, which proposed to destroy Russia. Marxism in the hands of Lenin became the ideology that led the leader of the Bolshevik party to the "anti-Petrine coup" in Russia. He adopted Marx's idea that it was necessary for the good of European humanity to end the Russian Empire. Lenin, without hesitation, accepted help for the destruction of Russia from her enemies and acted in all directions: he destroyed the estates created by Peter, abolished the social elevator, created the "nomenklatura" and the repressive apparatus (VChK), which he put above the law. The author comes to the conclusion that Peter was building an empire, a European state, and Lenin, having destroyed it, laid the foundations of totalitarian despotism.

Keywords: Peter the Great, Pushkin, Russian Empire, freedom, collapse, revolution, Lenin, despotism, totalitarianism

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University).

For citation: Kantor, V.K. (2022) ‘On the Question of the Death of Peter the Great and Pushkin’s Russia, or the Revolution of Peter the Great and the Counter-revolution of Vladimir Lenin’, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 5(2), pp. 9–44. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2022-5-2-9-44.

Хлябь, хаос — царство Сатаны,
Губящего слепой стихией
И вот дохнул он над Россией,
Восстал на Божий строй и лад —
И скрыл пучиной окаянной
Великий и священный Град,
Петром и Пушкиным созданный.

Иван Бунин

День памяти Петра. 1925

В русской истории, безусловно, возвышаются два правителя, два человека, определивших на многие годы судьбу страны, — это Петр Первый и Владимир Ленин. По слову Тютчева, «блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые». 1917 год предоставил эту возможность мыслящим русским людям. Как писал Бердяев, да это и так было ясно, в роковые минуты обнажаются исторические пласты, позволяющие задуматься о том, что происходит сегодня в историческом контексте. Чем вызван такой резкий поворот исторического руля, куда теперь поплывет корабль по имени Россия? — вот вопрос, который задавали себе мыслящие единицы.

Сравнение Петра и Ленина напрашивалось и звучало с первых моментов победы Октябрьского переворота. Если это была революция, то и деяния Петра, бесспорно, из того же ряда. Вспоминалось, что уже Пушкин сравнивал Петра с французским Конвентом, с Мирабо, видел в нем сразу Робеспьера и Наполеона. Не очень разобравшись в смысле и векторе российского землетрясения 1917 года, поэты ухватились за слова Пушкина о революционности Петра. Причем поэты гениальные, такие как Волошин и Цветаева.

I

Но начнем с Петра.

Стоит задуматься для начала, что было на нашей территории к моменту рождения Петра. Если кратко: был развал государства и национальный хаос, или, говоря формулой народных былин, в стране господствовало «горе-злочастье». Каков был выход? Вариант — стать колонией Польши или Швеции. Либо пробиться к морю. Получить выход в Европу. Моря, как мы знаем, связывают культуры, а леса и пустыни их разъединяют. Моря структурируют цивилизованное пространство, связывая торговыми путями разные страны. Таково было Средиземное море, создавшее античную цивилизацию. Таково было и Балтийское (оно же Варяжское, оно же Восточное). По словам Гердера, «Для северных обитателей Европы Восточное море послужило тем, чем для Южной Европы было Средиземное море. <...> Какая бы народность ни жила на этих берегах, к какому бы племени она ни принадлежала, здесь всегда, больше или меньше, занимались торговлей» [Гердер, 1977, с. 475].

Русь была отрезана шведами от Балтики. Как пишет современный шведский исследователь, шведы были уверены, что отныне они хозяева Варяжского моря, а угрозы русских выглядели как бессильные фразы побежденных. Цитирую: «При подписании Столбовского мирного договора в 1617 году, когда эта провинция перешла в руки шведов, русские представители так прямо и высказали это: раньше или позже Ингерманландия вернется к России»

В. Серов. Петр I на строительстве Петербурга. 1907

А. М. Матвеев. Петр Первый. 1724–1725

[Энглунд, 1995, с. 30]. До появления Петра было еще больше полувека, а при том состоянии, в котором пребывала Московская Русь, было понятно, что это всего лишь фраза бессилия. Ведь только счастливый случай, только провидение могло помочь слабой стране. Но Пушкин замечал, что нельзя забывать о великой силе Божьего предопределения.

Пушкин предложил свою формулу России, русской истории, ее шанса вырваться из объятий горя злочастья. И шанс этот он видит не в «пробуждении самобытного духа народа» [Полевой Н. А., Полевой Кс. А., 1990, с. 45], — его формула основана на вере в *чудо христианского откровения и преображения*. Он говорил о том, что человек «ви-

дит общий ход вещей и может выводить из оногo глубокие предположения, часто оправданные временем, но невозможно ему предвидеть *случая* — мощного, мгновенного орудия провидения» [Пушкин, 1959–1962, т. 6, с. 324]. Именно Петр стал тем случаем, тем орудием провидения, тем перводвигателем, «шкипером славным», «кем наша двинулась земля», кто удержал Россию «над самой бездной». Когда никто уже не ожидал спасения, когда страна вырождалась в бунтах и мелких интригах бояр, явился Преобразователь («наконец, явился Петр» [там же, с. 408]), которого никто, никакой ум предвидеть не мог, ибо было это — явление, то есть случай, для России — спасительный.

Вспомним эпоху, когда явился в России Петр: это «бунташный» XVII век. Попробуем заглянуть за привычный термин. Что за ним скрывается? Замечательно описал эту ситуацию С. М. Соловьев, говоря, что даже робкие попытки городского устройства Руси наталкивались на яростное сопротивление степного стихийного начала:

Польша и Швеция легли на дороге, загородили море, пробиться было невозможно с теми нестройными массами, какие представляло русское войско,

Из темной глубины фона выступает лицо Пушкина с заострившимися чертами, беспокойным взглядом глубоко запавших глаз. С поразительной силой отразились в этом портрете пушкинские настроения последних лет жизни - усталость от житейских забот, невыносимое бремя конфликтов со светским обществом. Здесь Пушкин представлен совершенно натурально, без всяких прикрас. Это последнее прижизненное изображение поэта.

И. Л. Линева. Портрет А. С. Пушкина

требовавшее для успеха коренного преобразования. На западе загорожена дорога, а восток, степной восток, употребляет последние усилия, чтоб удержать свою добычу, свою пленницу — Россию. В то время как царь Иоанн IV обратил все свое внимание на запад, крымский хан подкрался и сжег Москву, сжег так, что она уже после того не поправлялась. Только что при царе Борисе успели решить вопрос, что лучше отправить своих русских за границу учиться, чем вызывать иностранных учителей в Россию, только что распорядились исполнением этого решения, как степи снова всколыхнулись, явились оттуда казаки с самозванцами и выполнили степную работу опустошения, уравнения, т.е. уравнивали все с землею полчище татар; долго Россия должна была отдыхать, оправляться после посещения этих проповедников протеста. Путешественники рассказывают, что когда они проезжали местами, где гостили казаки, то, чтоб остановиться и погреться в избах, прежде нужно было очистить эти избы от трупов их прежних обитателей.

[Соловьев, 1995, с. 29]

Открываем «Историю Петра I» и видим, какое огромное место отводит Пушкин бунтам, сотрясавшим Россию накануне воцарения Преобразователя. В эти годы бунт с окраин государства переместился в столицу, и ситуация стала в некотором смысле хуже Смуты — не было династической смены, не шли на Москву иноземцы (напротив, они защищали верховную власть от собственного народа). Просто ненормальность явилась как норма, как образ жизни. Когда

Н. Д. Дмитриев-Оренбургский. Стрелецкий бунт. 1862

то по поводу восстания Степана Разина европейцы сетовали, что если падет Москва, единственное место, где возможны межгосударственные отношения, то Европа останется перед дикой и опасной степью. Но вот и Москва взорвана изнутри. Пушкин приводит простые факты: «Петр избран был 10 мая 1682 г. и в тот же день ему присягнули. Мая 15. Стрельцы, отпев в Знаменском монастыре молебен с водосвятием, берут чашу святой воды и образ Божьей матери, предшествуемые попами, при колокольном звоне и барабанном бое вторгаются в Кремль». Картинка впечатляющая: православные священники ведут бунтовщиков на православного царя. Но дальше: «Деда Петра, Кирила Полуехтовича, принудили постричься, а сына его Ивана при его глазах изрубили» [Пушкин, 1959–1962, т. 8, с. 20–21]. Необходимо добавить, что боярина Артамона Матвеева, в доме которого выросла и воспиталась мать Петра Наталья Нарышкина, стрельцы рубили на части на глазах десятилетнего мальчика. С этого дня у Петра начался нервный тик, лицевое подергивание.

Как писал Чернышевский, разбойничьи шайки в допетровскую эпоху напминали армии, и можно удивляться, что хоть какая-то часть населения уцелела и дожила до петровской революции, петровского переворота. А это была именно революция. Напомню слова Пушкина из «Материалов записных книжек»: «Только революционная голова, подобная Мирабо и Петру, может любить Россию так, как писатель только может любить ее язык. Все должно творить в этой России и в этом русском языке» [там же, т. 7, с. 347]. Здесь весьма важное слово *любить*. Как писал современник Пушкина Владимир Печерин,

Как сладостно отчизну ненавидеть
И жадно ждать ее уничтожения!
И в разрушении отчизны видеть
Всемирную десницу возрождения!
(1835)

Но ненависть бесплодна и разрушительна, творить можно только любя. Поэтому Петр создал из никакой России, разрушенной боярскими дрязгами, России-Гуляйполе, мощную державу, а Пушкин создал русскую литературу и русский язык. И с этой Россией удивленной Европе пришлось считаться: «Россия вошла в Европу, как спущенный корабль, при стуке топора и при громе пушек. Но войны, предпринятые Петром Великим, были благодетельны и плодотворны. Успех народного преобразования был следствием Полтавской битвы, и европейское просвещение причалило к берегам завоеванной Невы» [Пушкин, 1959–1962, т. 6, с. 408–409].

И уже русский европеец Тютчев писал: «В течение веков европейский Запад совершенно простодушно верил, что кроме него нет и не может быть другой Европы. <...> Наконец времена свершились, рука исполина сдернула завесу, и Европа Карла Великого оказалась лицом к лицу с Европой Петра Великого...» [Тютчев, 2003, с. 118]. Разумеется, Европа не хотела смириться с Россией, вошедшей в ее, как ей казалось, культурное пространство под грохот пушек. И пошли, говоря сегодняшним языком, *фейки*, которые на многие годы вперед вложены в сознание Запада и многих русских ученых, чтобы определять образ Петра. Как бы в поисках истины стали отказываться от пушкинского понимания великого императора, от того, как понимали Петра С. М. Соловьев и его сын В. С. Соловьев или даже историк-славянофил М. П. Погодин. Его слова приведу:

Место в системе Европейских Государств, управление, разделение, судопроизводство, права сословий, табель о рангах, войско, флот, подати, ревизии, рекрутские наборы, фабрики, заводы, гавани, каналы, дороги, почты, земледелие, лесоводство, скотоводство, рудокопство, садоводство, виноделие, торговля внутренняя и внешняя, одежда, наружность, аптеки, госпитали, лекарства, летоисчисление, язык, печать, типографии, военные училища, академия — суть памятники его неутомимой деятельности и его Гения.

[Погодин, 2010, с. 233]

В «Истории Петра I» Пушкин замечает: «Народ почитал Петра антихристом» [Пушкин, 1959–1962, т. 8, с. 12], потому что он отправлял русских юно-

шей на учебу в Европу. Для Пушкина, видевшего в Петре создателя России, это дикость. Ведь народ — это Пугачев и его воры, это холерные бунты, когда лечивших врачей и офицеров («благородных») закапывали живьем в землю и топили в колодцах. Правда, это и няня, но и кузнец Архип из «Дубровского». Народ охотно идет на бунт и более жесток, чем Дубровский, — так сжигают приказных, которых барин хотел отпустить. Пугачев приказал повесить астронома Ловица — «поближе к звездам». Так что это аргумент в пользу Петра, ибо народ не хочет образования. Антихрист пришел позже при поддержке народа.

К перечислению Погодина необходимо добавить, особенно учитывая второго персонажа моей статьи, изменение в социальной структуре страны. Петр утвердил два сословия:

- дворянство вместо боярства. Дворянин был обязан государству службой, прежде всего военной. А так как всё пошло на европейский манер, то дворяне ездили за обучением в Европу. Так создалось первое просвещенное сословие. Просвещение — это то, что Петр требовал от подданных;

- сословие священников. Петр ввел как обязательное условие обучение в семинарии для получения сана. А в семинариях кроме Священного писания

семинаристы обязаны были знать, разумеется, церковнославянский, латынь и один из современных европейских языков. Из этого слоя вышли Сперанский, Ключевский, С. М. Соловьев, Н. Страхов, вплоть до Евгения Замятина.

Далее, очень важна введенная Петром табель о рангах — это социальный лифт. Скажем, бывший крепостной мальчик Александр Никитенко стал русским академиком, а купеческий сын Алексей Гаврилович Венецианов — членом Петербургской академии художеств, то есть академиком живописи. Ну и т. д. Не говорю уж о Ломоносове.

Наконец, несколько слов о гуманизме Петра. Почему-то нынешние постсоветские ученые, пишущие о Петре, будто путают его с Лениным, без конца в духе «народных витий» с Запада обвиняют его в невероятной жестокости, по сути повторяя тезис Ленина, что Петр истреблял варварство варварскими методами. Но самое большое его «злодейство», которое могут припомнить, и то больше опираясь на картину Сурикова, — это казнь стрельцов. Не забудем, однако, что стрельцы изрубили близких ему людей на его глазах, глазах 10-летнего мальчика, что они охотились за ним, чтобы убить его.

Но вот раскольники — и отец, и царевна Софья — устраивали так называемые «проведывания», истребляя людей десятками. Петр в 1702 году заключил со старообрядцами Выговские договоры, дав им право отправлять службы по старым книгам и ряд экономических льгот. С тех пор власть их больше не трогала, и старообрядцы выросли в мощную интеллектуальную и экономическую силу. Почти все великие русские меценаты (Третьяков, Морозов, Рябушинский и др.) из раскольников. По точному выражению А. Г. Брикнера, Петр перенес вопрос о расколе *«из круга церковного ведомства в бюджетные соображения»*. Выговцы приняли предложенные властью условия: они платили налоги, были приписаны к Олонецким Петровским заводам, на которых выполняли важные производственные обязанности (по изысканию и разработке руды) — и тем самым обеспечили общежителю легальное положение.

Александр Густавович Брикнер (1834–1896)
русский историк немецкого происхождения

Хочется привести соображение Брикнера, актуальное и сегодня:

Развитие историческое происходит, в сущности, независимо от отдельных личностей. Россия и без Петра превратилась бы в европейскую державу; он не создал нового направления в историческом развитии России; но, благодаря гениальности и силе воли Петра-патриота, Россия особенно быстро и успешно подвинулась вперед в указанном ей уже прежде направлении. Народ, создавший Петра, может гордиться этим героем, бывшим как бы продуктом соприкосновения русского народного духа с общечеловеческой культурой. Глубокое понимание необходимости такого соединения двух начал, национального и космополитического, доставило Петру на вечное время одно из первых мест в истории человечества.

[Брикнер, 2007, с. 722]

Направление мыслей Петра ясно и из тех книг, которые он велел переводить. Напомню прежде всего книгу Джона Локка «О толеранции» («О веротерпимости»), Локка, идейного вдохновителя европейской демократии. Великий Лейбниц был его реальным советником в деле просвещения России. И философ до самой своей смерти переписывался с императором. Последняя их встреча произошла в 1716 году, незадолго до смерти Лейбница. Как известно, Лейбниц писал о Петре: «Удивляюсь в этом государе столько же его гуманности, сколько познаниям и острому суждению».

О гуманности Петра писал и Пушкин.

Напомню строчки из его стихотворения «Пир Петра I»:

Он с подданным мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пенит с ним одну;
И в чело его целует,
Светел сердцем и лицом;
И прощенье торжествует,
Как победу над врагом.

Однако западные путешественники и дипломаты стали утверждать в сознании своих соотечественников, да и наших ученых, опираясь на слухи и клеветы противников Петра, некий миф, доживший до наших дней. Пожалуй, впервые он был введен в оборот датским посланником в России Юстом

Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646–1716)

Юлем в его «Записках» за 1710 год, где утверждается, что, «как говорят», за первый год строительства в общей сложности погибло более 100 тысяч человек: «Царь в том же 1703 году заложил сильную, почти неприступную крепость, названную С.-Петербургом, при сооружении которой от работ, холода и голода погибло, как говорят, более 60 000 человек». А о замке Кроншлот: «говорят, при сооружении его погибло от голода, холода, морозов и изнурительной работы более 40 000 крестьян» [Юль, 2001, с. 153]. Типа сам не видел, но слышал. Иными словами, ненависть к неожиданно откуда-то взявшейся России была очевидна.

Любопытно, что почвенники российские и почвенники западные совпадали в неприятии римского пути России, назвав его ложным развитием или, если воспользоваться термином Шпенглера, «псевдоморфозом». Для немецкого культурфилософа ненависть к России подсказывает и ненависть к Петербургу как «бесплодной попытке» слабой и дикой расы выйти из самой природой очерченного ей круга примитивности. Ссылаясь на характеристики Достоевского об «умышленности» этого города, он формулирует:

Вслед за этой московской эпохой великих боярских родов и патриархов, когда старорусская партия неизменно билась против друзей западной культуры, с основанием Петербурга (1703) следует псевдоморфоз, втиснувший *при-*

митивную русскую душу (курсив мой. — В. К.) вначале в чуждые формы высокого барокко, затем Просвещения, а затем — XIX столетия. Петр Великий сделался злым роком русскости. *Примитивный московский царизм — это единственная форма, которая в пору русскости еще и сегодня* (курсив мой. — В. К.), однако в Петербурге он был фальсифицирован в династическую форму Западной Европы.

[Шпенглер, 1998, с. 197]

Шпенглер утверждал, что «никаких русских городов никогда и не бывало. Москва была крепостью — Кремлем, вокруг которого расстилался гигантский рынок. У Москвы никогда не было собственной души» [там же, с. 199]. Петр, строя Петербург, строил именно город, превращая Россию в городскую страну. Осознание того, что Россия вошла в Европу, освоив берег Варяжского моря, прозвучало в великом гетевском «Фаусте». Немецкий поэт очень оценил усилия Петра по преобразению покинутого местными жителями берега моря, его пустынных волн. Связь образа Петра и Фауста не раз отмечалась.

Я сошлюсь на подробный (с цифрами и точными данными) анализ этой ситуации, сделанный прекрасным историком Е. А. Андреевой, полностью разрушающий этот миф. Приведу заключительный пассаж ее статьи:

Можно сделать вывод о том, что смертность среди первых строителей Петербурга, составлявшая в среднем — 6–8%, была обычной для того времени и во много раз меньшей цифр, приводимых иностранными наблюдателями. И это неудивительно, ведь для создания Петербурга необходима была здоровая и трудоспособная рабочая сила. Работников с большим трудом удавалось собрать с разных концов страны и привести в Петербург, поэтому каждый был в цене, и правительство не было заинтересовано в их потере, которая, безусловно, имела место и была связана, в первую очередь, с необеспеченностью провиантом, а также неблагоприятными погодными условиями. Строительство новой Российской столицы имело для Петра I настолько первостепенное значение, что он самолично заботился об обеспечении строителей города не только денежным и хлебным жалованьем, но и доступными лекарственными и профилактическими средствами.

[Андреева, 2013, с. 39]

Итак, резюмирую: Петр строил русское государство, выстроил империю. Питерский историк пишет, что впервые в русской политической мысли были сформулированы понятия «долга», «обязанности» монарха, очерчены пределы

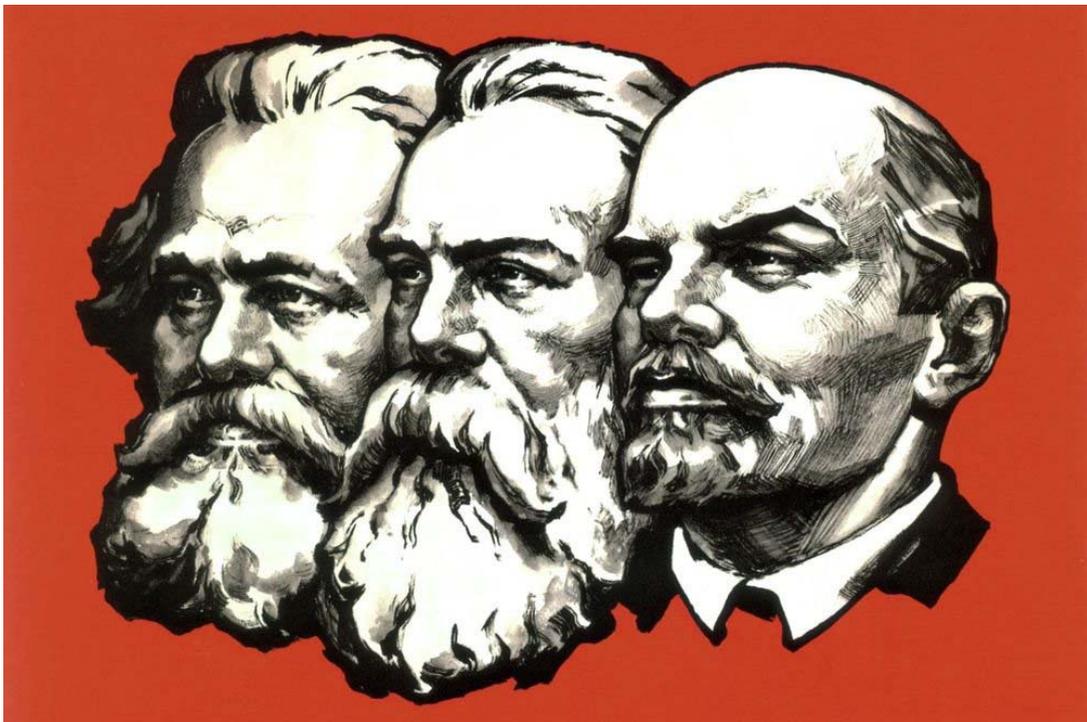
(точнее, признана беспределность) его власти — необходимейшее условие для эффективного исполнения «царской работы».

Идеи рационализма, начала «разума», «порядка» во многом владели умом Петра. Говоря о своеобразном демократизме, работоспособности, самоотверженности великого реформатора, нельзя забывать одного принципиального различия между «службой» царя и службой его подданных: для последних это была служба государю, с которой сливалась служба государству. Иначе говоря, своим каждодневным трудом Петр показывал пример служения себе, российскому самодержцу.

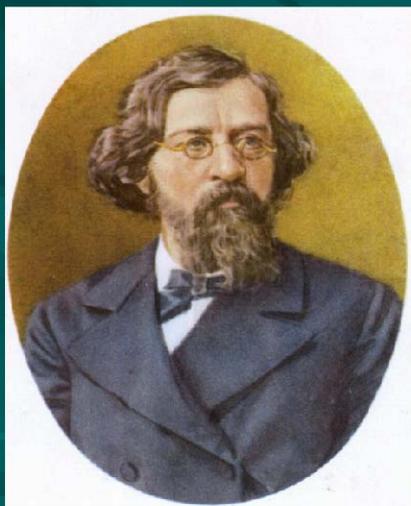
[Анисимов, 1989, с. 13]

II

Но каким образом на смену Петру пришел человек, сумевший полностью разрушить то, что создал великий император? Нужна была идеология, которая могла бы стать основой разрушения. Ведь Россия вопреки утверждениям Шпенглера уже вошла в пространство европейской культуры, где идея, теория играли очень большую роль. Неслучайно в XX веке вся Европа оказалась покрыта деспотическими идеократиями. Первой в этом ряду оказалась Россия. Так что у второго героя моей статьи была мощная идея, великая теория. Я

Коммунистический иконостас.
Висел в комнате моей бабушки, члена партии с 1903 г.

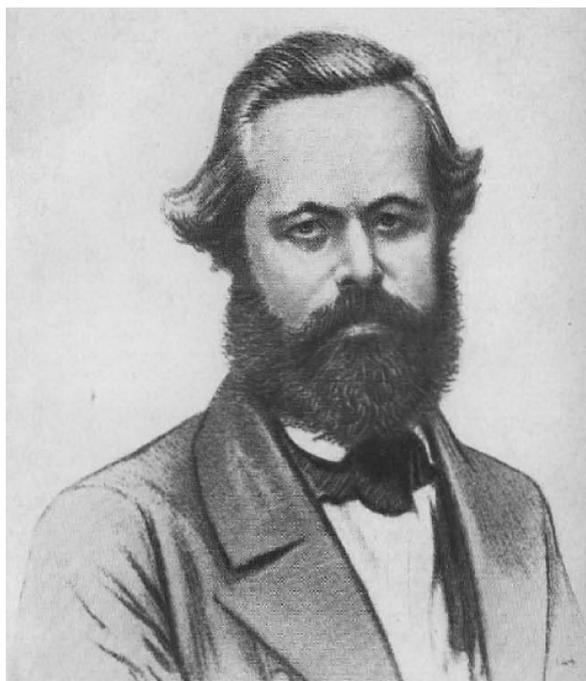

Николай
Гаврилович
Чернышевский
(1828 – 1889)

Выдающийся, сильный ум, обогащённый обширными познаниями, единогласно признавали в Николае Гавриловиче Чернышевском как его друзья и почитатели, так и его противники и враги

имею в виду марксизм, опираясь на который, Ленин построил жесточайшую тоталитарную деспотию. Неслучайно он говорил, что учение Маркса — ответ на все вопросы истории. В своей знаменитой статье «Три источника и три составных части марксизма» он написал: «Учение Маркса всеильно, потому что оно верно» [Ленин, 1971–1983, т. 23, с. 43]. Эта формула похожа на заклинание. Можно и наоборот: учение Маркса верно, потому что оно всеильно.

В СССР Маркс среди философов и других гуманитариев был обязателен. Разумеется, надо было читать «Манифест», первые главы «Капитала», очень читались «Немецкая идеология», «18 брюмера Луи Бонапарта», разные ста-

Карл Маркс (1818–1883)

тьи, книги — типа Маркс и Энгельс об искусстве с подборкой цитат, книги, составлявшиеся умными марксистами (Д. Лукач, Мих. Лифшиц), — и переписку этих классиков с русскими оппозиционерами, которых почему-то в те годы называли революционерами. Мы знали, что первый перевод «Капитала» был на русский язык. Русские радикалы и интеллектуалы были в упоении от Маркса, его читали, изучали, а Маркс присматривался к русским, но осторожно. Нравился ему и вызывал у него восхищение лишь Чернышевский, ради того, чтобы читать его работы, даже русский уже в зрелом возрасте выучил.

Чернышевскому Маркс вроде бы не нравился. Может быть, он чувствовал негативное отношение Маркса к России. Известно, что в беседе с таким же, как он, политкаторжанином С. Г. Стахевичем Николай Гаврилович сказал по прочтении «Капитала»: «Досадно одно: наша публика, прочитав у Маркса восхваление фабричных инспекторов, проникнется желанием иметь и у себя таких же инспекторов; того не подумают, что на нашей российской почве это чужеземное растение вырождается и примет совершенно другой вид, чем у них». «На книге “Capital” была сделана карандашная надпись: “пустословие в социальном духе”» [Стахевич, 2008, с. 161]. Иными словами, теория Маркса к России, по мнению Чернышевского, не подходила. Однако именно ее русские радикалы поставили во главу угла своей деятельности.

Фридрих Энгельс (1820–1895)

Надо сказать, что начетчик Ленин знал тексты Маркса и Энгельса почти наизусть. И где мог, работал по их лекалу. Если говорить об обращении классиков марксизма к теме России, то явно они обозначились по поводу Крымской войны.

Добавлю, что Крымская война велась англичанами с примкнувшими к ним французами против России. Энгельс и Маркс в этот момент жили в Лондоне, печатали свои тексты в нью-йоркской газете. То есть выражали англо-американские настроения.

Протестант Энгельс в статье «Европейская война» (1854) советовал союзникам, воевавшим против России:

Необходимо любой ценой добиться союза со Швецией, если понадобится, припугнуть Данию, развязать восстание в Финляндии путем высадки достаточного количества войск и обещания, что мир будет заключен только при условии воссоединения этой области со Швецией. Высаженные в Финляндии войска угрожали бы Петербургу, в то время как флоты бомбардировали бы Кронштадт. Правда, эта крепость занимает очень сильную позицию. Фарватер, ведущий к рейду, едва может пропустить два военных судна, идущие рядом, последние при этом вынуждены подставить свои борты под огонь батарей, рас-

положенных не только на главном острове, но и на небольших скалах, на отмелях и прилегающих островках. Некоторые жертвы не только людьми, но и судами неизбежны. Но если это будет учтено при составлении плана атаки, если будет решено пожертвовать тем или иным кораблем и если план будет осуществляться неуклонно и настойчиво, то Кронштадт должен будет пасть. <...> Во что превратилась бы Россия без Одессы, Кронштадта, Риги и Севастополя, если бы Финляндия была освобождена, а неприятельская армия расположилась у ворот столицы и все русские реки и гавани оказались блокированными? Великан без рук, без глаз, которому больше ничего не остается, как пытаться раздавить врага тяжестью своего неуклюжего туловища, бросая его наобум то туда, то сюда, в зависимости от того, где зазвучит вражеский боевой клич. Если бы морские державы Европы действовали с такой решимостью и энергией, то Пруссия и Австрия могли бы настолько освободиться от русского контроля, чтобы даже примкнуть к союзникам.

[Маркс, Энгельс, 1955–1981, т. 10, с. 4]

Стоит акцентировать, что прозвище Энгельса в семье Маркса было «генерал» — за его обзоры крымской кампании. Энгельс знал военное дело не понаслышке, не только из книг. Он сам служил в армии (в гвардейской пешей артиллерии), совмещая это занятие с посещением лекций в Берлинском университете. Во время революции 1848–1849 годов принимал участие в боевых действиях, проявив себя храбрым и грамотным офицером.

Но не отставал от него и Маркс (тоже протестант, имевший 12 колен раввинов, но, как и его отец, ставший выкрестом) в желании поставить Россию на колени, а то и вовсе уничтожить. В статье «Восточная война» (1854) он писал:

Без сомнения, турецко-европейский флот сможет разрушить Севастополь и уничтожить русский черноморский флот; союзники в состоянии захватить и удержать Крым, оккупировать Одессу, блокировать Азовское море и развязать руки кавказским горцам. То, что должно быть предпринято в Балтийском море, так же самоочевидно, как и то, что должно быть предпринято в Черном море: необходимо любой ценой добиться союза со Швецией; если понадобится, припугнуть Данию, развязать восстание в Финляндии путем высадки достаточного количества войск и обещания, что мир будет заключен только при условии присоединения этой провинции к Швеции. Высаженные в Финляндии войска угрожали бы Петербургу, в то время как флоты бомбардировали бы Кронштадт.

[Там же, с. 18]

В декабре 1858 года, накануне освобождения крестьян, в статье «Об освобождении крестьян в России» Маркс предрекал: «Настанет русский 1793 год; господство террора этих полуазиатских крепостных будет невиданным в истории, но оно явится вторым поворотным пунктом в истории России, и в конце концов на место мнимой цивилизации, введенной Петром Великим, поставит подлинную и всеобщую цивилизацию» [там же, т. 12, с. 701]. Он предрекал господство невиданного в истории террора, но видел в нем путь к *подлинной цивилизации*. Конечно, его ученик Ленин террора не боялся, сам его проводил.

Очень важно подчеркнуть поддержку Энгельсом русских террористов, охотившихся на императора. Он писал, что у русских нет другого варианта при якобы деспотическом режиме, и это в эпоху Великих реформ, открывшейся гласности, свободы печати, новых судов на европейский лад, военной реформы, то есть перехода от рекрутских наборов к всеобщей воинской повинности. *Не замечая этого, Маркс с Энгельсом приветствовали убийство Александра II.* Поразительно, сколь презрительно они говорили о петровских преобразованиях — «*мнимая цивилизация, введенная Петром Великим*». А ведь эта цивилизация дала миру (при их жизни) Пушкина, Гоголя, Глинку, Лобачевского, Бутлерова, Мечникова, Карамзина, С. М. Соловьева, Тургенева, Чернышевского, Льва Толстого, Достоевского, Чайковского, Римского-Корсакова, Мусоргского, Репина, Крамского, Александра Иванова. Из этих гениев они заметили только Чернышевского, может потому, что он был на каторге.

Некое резюме их отношения к России и Петру можно найти в словах Маркса:

Петр Великий действительно является творцом современной русской политики. Но он стал ее творцом только потому, что лишил старый московитский метод захватов его чисто местного характера, отбросил все случайно применявшееся к нему, вывел из него общее правило, стал преследовать более широкие цели и стремиться к неограниченной власти. <...> Петр Великий сочетал политическое искусство монгольского раба с гордыми стремлениями монгольского властелина, которому Чингисхан завещал осуществить свой план завоевания мира.

[Маркс, 1989, с. 10–11]

Ленин был истинным учеником Маркса и Энгельса, под корень разрушая петровскую империю, истребляя без жалости ее население.

Это презрение к России сыграло не последнюю роль как психологическая прелюдия Первой мировой войны. Стоит услышать слова Наума Коржавина из поэмы «Конец века»:

Всюду правит Прогресс.
 Все живут и разумно, и чисто.
Как наука велит,
 удобрения вносятся в грунт...
Только бомбы зачем-то
 швыряют в царей нигилисты.
Ну да это в России.
 Там вечно холера иль бунт.
Там парламента нет.
 И пока что вводить его рано.
Азиатский народ...
 Но настанут когда-нибудь дни —
И прогресс просвещенья
 захватит и дикие страны,
И приятною жизнью
 тогда заживут и они...
 ...
А пока что Прогресс.
 Всё, что с ним, —
 человечно и свято.
Все идеи — в почёте...
 И — тоже идеям
 верны,
Напрягая умы,
 колесят по земле дипломаты...
Самым чутким ушам
 уже слышится смех сатаны.

К. Н. Леонтьев в 1891 году писал:

Без строгих и стройных ограничений, без нового и твердого *расслоения* общества, без *всех* возможных настойчивых и неустанных попыток к восстановлению расшатанного сословного строя нашего, — русское общество, и без того довольно эгалитарное по привычкам, помчится еще быстрее всякого другого по смертному пути *всесмешения* и — кто знает? — подобно евреям, не ожидавшим, что из недр их выйдет Учитель *Новой Веры*, — и мы, неожиданно, лет через 100 каких-нибудь, из наших государственных недр, сперва бессловных,

а потом бесцерковных или уже слабо церковных, — родим того самого антихриста, о котором говорит Еп. Феофан.

[Леонтьев, 2007, с. 458–459]

И можно сказать, что русская культура на рубеже XIX и XX столетий была словно очарована темой антихриста. После Леонтьева эта тема явилась с невероятной силой в «Краткой повести об антихристе» (1900) Владимира Соловьёва, а один из сильнейших романов русской литературы — это роман Дмитрия Мережковского «Антихрист. Петр и Алексей» (1904–1905). В 1908 году был опубликован роман поразительного протоиерея Валентина Свенцицкого «Антихрист», в 1909 году Леонид Андреев пишет трагическую пьесу «Анатэма» (то есть анафема), герой которой не то дьявол, не то антихрист (в главной роли был великий В. Качалов). Все словно ждали антихриста, но когда он явился, ожидавшие испугались. Последователь Вл. Соловьёва, написавшего «Краткую повесть об антихристе» и чувствовавшего его приход, Александр Блок, всего через 18 лет изобразивший разнузданное движение войска Антихриста в рассказе о 12 каторжниках, назвал — словно с испугу — вождя этого движения Христом: «в белом венчике из роз впереди Иисус Христос». Безумие поэта отразило безумие человечества.

И антихрист явился. Вообще-то XX век породил несколько антихристов. Но все же первым был, как и предполагал Леонтьев, появившийся в России. И интересно, что, как и было предсказано в Евангелии, принимали этого разрушителя жизненных устоев за Спасителя. А говорилось в Новом Завете вот что:

Смотрите, не ужасайтесь, ибо надлежит всему тому быть, но это еще не конец; ибо восстанет народ на народ, и царство на царство; и будут глады, моры и землетрясения по местам; всё же это — начало болезней. Тогда будут предавать вас на мучения и убивать вас; и вы будете ненавидимы всеми народами за имя Мое; и тогда соблазняются многие, и друг друга будут предавать, и возненавидят друг друга; и многие лжепророки восстанут, и прельстят многих. <...> Тогда, если кто скажет вам: вот, здесь Христос, или там, — не верьте. Ибо восстанут лжехристы и лжепророки, и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных.

(Мф. 24:6–11, 23–24)

Стоит обозначить время его явления: в грохоте, дыму и пожарах подступавшей и наступившей вскоре мировой войны, страшной войны, в сущности

бойни, унесшей за 3–4 года десятки миллионов жизней, явственно проступил облик некоего Сверхчеловека.

Как писал Бердяев, из войны вышел новый антропологический тип, который дал кадры: в России большевиков, а в Германии нацистов. И этот новый антропологический тип возглавило жестокое, невиданное ранее по жесткости существо. В речи «Миссия русской эмиграции» Бунин говорил о Ленине: «Выродок, нравственный идиот от рождения, Ленин явил миру как раз в разгар своей деятельности нечто чудовищное, потрясающее, он разорил величайшую в мире страну и убил миллионы людей, а среди бела дня спорят: благодетель он человечества или нет?» [Бунин, 2006, с. 393]. По сути дела, он продолжил ужасы войны. Ленин сломал прежнюю, петровскую Россию, не структурировал, а сломал. По словам Г. П. Струве, Ленин как вершитель и организатор Коммунистического интернационала оборвал традицию и разрушил дело Петра Великого, отбросив Россию как государство в XVII век. И сделал он это разрушительное дело сперва при явной поддержке внешнего врага, ведшего с нашим государством войну, а потом при более или менее откровенной или прикровенной поддержке того же дела всеми враждебными нам внешними силами.

Ленин, однако, все же ссылаясь на Петра. В работе «О “левом” ребячестве и о мелкобуржуазности» (1918) он писал: «Пока в Германии революция еще медлит “разродиться”, наша задача — учиться *государственному капитализму немцев, всеми силами перенимать его, не жалеть диктаторских* (курсив мой. — В. К.) приемов для того, чтобы ускорить это перенимание еще больше, чем Петр ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства» [Ленин, 1971–1983, т. 36, с. 301]. В деятельности Петра он искал оправдание собственных варварских средств.

Но что же это был за человек? Ведь легенд и мифов о нем бесчисленно. Остановлюсь на некоторых, важных для его культур-философского анамнеза. Про детство маленького Володи рассказано много умилительных историй, но чаще всего тиражировался рассказ о том, как он загонял младшего брата Митю под диван, а потом командовал: «Шагом марш из-под дивана!» Нас, помню, восхищала эта история. А ведь тут проявилась в классическом виде в детстве родившаяся похоть власти, желание подчинять и командовать. Как потом увидим, ради удовлетворения этой похоти он был готов на всё. И все с детства это принимали как должное.

Он в Симбирске родился,
И никто не знал о том,

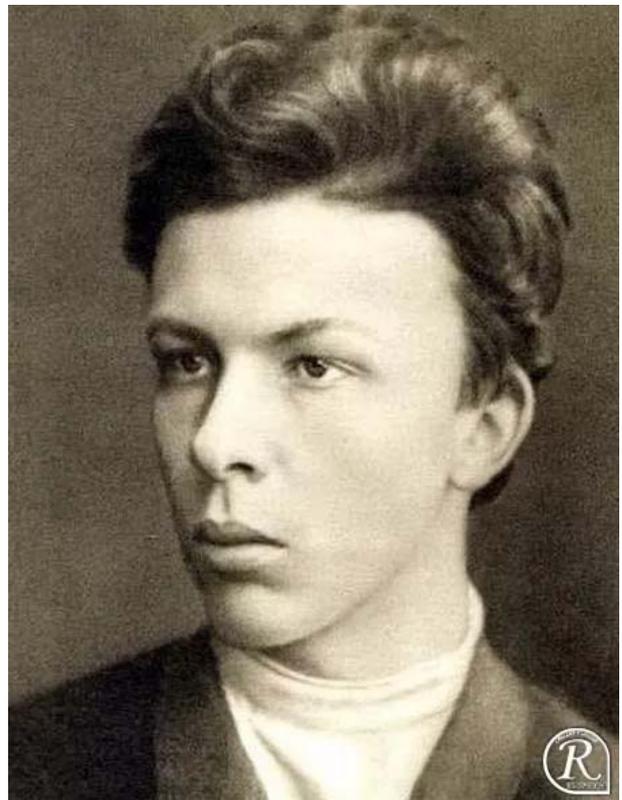
Кем же станет тот Володя.
А Володя стал вождем!

Это стихи семиклассницы (1983), ходившей во Дворец пионеров в литературный кружок. Вождизм его очень чувствовался юными пионерами и комсомольцами. Да, Ленин — вождь мирового пролетариата, задолго до Гитлера фюрер, правда, не Германии, а *Führer des Weltproletariats*.

Вторая история — о беззаветной любви к старшему брату Саше. И подражание Саше во всем. Все мы помним фразу юного Володи: «Я как Саша». И в сознании выросших в СССР людей эта братская близость стала как бы символом революционного братства. Утвердилась точка зрения, что революционная деятельность Ленина была определена мстью за казнь брата. Но не надо забывать, что старший брат был террорист, пытавшийся убить царя, убить ни за что, просто из идейных соображений. Несостоявшийся убийца, предтеча современных беспощадных террористов.

Известна фраза Ленина после казни брата, что, мол, мы «пойдем другим путем». Его жизнь показала этот другой путь, он заменил индивидуальный террор массовым, с привлечением народных низов, не знавших пощады и не понимавших, что есть культура. Он себя воспитывал и представлял как беспорочного лидера. Но отвергнув индивидуальный террор, он не отверг героев «Народной воли». Один из них, знаменитый Степан Халтурин, пользовался его особым почетом, — Халтурин, при покушении на императора убивший по меньшей мере десятков невинных людей. 5 февраля 1880 года Халтурин подпалил запальный шнур и сбежал из дворца. Взрывом были убиты 11 героев Русско-турецкой войны, служивших в почетной охране императора, и еще 56 человек ранено. Царь не пострадал. Кремлевский кабинет Ленина украшали два горельефа — Карла Маркса и Степана Халтурина.

Но для победы Ленин искал абсолютной, почти религиозной власти.

Александр Ильич Ульянов (1866–1887)

Приведу слова П. Б. Струве:

Можно сказать почти наверное, что Ленин умер от последствий сифилиса; но на мой взгляд это было во всяком случае чистой случайностью. Понятие распущенности, во французском смысле либо *débauche*, либо *libertinage*, вовсе не вяжется с психологической личностью Ленина. Даже с религиозной точки зрения его личность ставит не проблему банальной греховности рядового человека или крайней свободы, свободы от всяких сдержек и уз, то есть в сущности распущенности, сверхчеловека, а скорее проблему рациональной и дьявольской праведности. Она столь же далека от святости Христа, как фантастический образ Антихриста далек от исторического образа Христа.

[Струве, 1970, с. 164]

Преобладающей чертой его характера все же можно назвать жестокость.

Все с детства помнят полусказочный стих Некрасова «Дед Мазай и зайцы» — как старый охотник спасал с затопленных островов зайцев и перевозил их на другой берег.

Зайцы вот тоже, — их жалко до слез!
Только весенние воды нахлынут,
И без того они сотнями гинут, —
Нет! еще мало! бегут мужики,
Ловят, и топят, и бьют их баграми.
Где у них совесть?.. Я раз за дровами
В лодке поехал — их много с реки
К нам в половодье весной нагоняет —
Еду, ловлю их. Вода прибывает.
Вижу один островок небольшой —
Зайцы на нем собралися гурьбой.
С каждой минутой вода подбиралась
К бедным зверькам; уж под ними осталось
Меньше аршина земли в ширину,
Меньше сажени в длину.
Тут я подъехал: лопочут ушами,
Сами ни с места; я взял одного,
Прочим скомандовал: прыгайте сами!
Прыгнули зайцы мои, — ничего!
Только уселась команда косая,

Весь островочек пропал под водой:
“То-то! — сказал я, — не спорьте со мной!
Слушайтесь, зайчики, деда Мазая!”

Для Ленина разлив реки и бегство спасающихся зайцев на острова означал удобный случай для массового убийства зверьков. По воспоминаниям Крупской,

Владимир Ильич был страстным охотником, только горячился очень. Осенью идем по далеким просекам. Владимир Ильич говорит: «Знаешь, если заяц встретится, не буду стрелять, ремня не взял, неудобно будет нести». Выбегает заяц, Владимир Ильич палит. Поздней осенью, когда по Енисею шла шуга (мелкий лед), ездили на острова за зайцами. Зайцы уже побелеют. С острова деться некуда, бегают, как овцы, кругом. Целую лодку настреляют, бывало, наши охотники.

[Крупская, 1933, с. 31]

Уже сам его лозунг о превращении войны империалистической в войну гражданскую был вполне людоедский, ибо предполагал братоубийство. В статье «О национальной гордости великороссов» (сентябрь 1914) он писал: «Неверен лозунг “мира”, лозунгом должно быть превращение национальной войны в гражданскую войну» [Ленин, 1971–1983, т. 26, с. 108–109].

Генерал Эрих Людендорф (1865–1937), подлинный отец большевизма, куратор и партнер В. И. Ленина

Но как выйти из войны мировой, когда будущий вождь русской революции находится за пределами страны? Ничтоже сумняшеся, Ленин принимает помощь враждующего государства и в знаменитом plombированном вагоне въезжает через Германию в Россию. Мотивы, которыми руководствовалось германское правительство, чуть позже генерал Э. Людендорф изложил так: «С военной точки зрения пропуск Ленина в Россию был оправдан: Россию необходимо было разбить любыми средствами» [Lüdenborff, 1919, S. 407].

В ночь с 3 на 4 апреля Ленин выступил во дворце Кшесинской на собрании большевиков с «Апрельскими тезисами». Н. Н. Суханов писал:

Мне не забыть этой громоподобной речи, потрясшей и изумившей не одного меня, случайно забредшего еретика, но и всех правоверных. <...> Казалось, из своих логовищ поднялись все стихии, и дух всеокрушения, не ведая ни преград, ни сомнений, ни людских трудностей, ни людских расчётов, — носится по зале Кшесинской над головами зачарованных учеников. Ленин вообще хороший оратор — не оратор законченной, круглой фразы, или яркого образа, или захватывающего пафоса, или острого словца, — но оратор огромного напора, силы, разлагающий тут же, на глазах слушателя, сложные системы на простейшие, общедоступные элементы и долбящий ими, долбящий, долбящий по головам слушателей до бесчувствия, до приведения их к покорности, до взятия в плен.

[Суханов, 1992, с. 11]

Как удержать народ и повести за собой? Напомню слова французского философа Пьера-Жозефа Прудона — «*La propriété c'est le vol*» («Собственность — это кража»). Иными словами, лозунг-призыв Ленина «Грабь награбленное», поддержанный массой, имел как бы европейское, даже почти философское обоснование. А развернувшаяся вакханалия грабежей и убийств была невероятной. Шел обычный русский бунт, бессмысленный и беспощадный. Законом № 1 отменено единоначалие в армии, армия начала разваливаться. Явочным порядком упразднена неприкосновенность личности, убивали без суда и следствия офицеров, депутатов Госдумы, людей «в очках и шляпах». Был уничтожен с отменой (в декабре 1917-го) дворянства социальный лифт. Вместо него стала выстраиваться номенклатура, основанная на преданности фюреру и режиму. Это беззаконие было Лениным возведено в принцип политики. Вот отрывок из его речи 5 июля на V Всероссийском Съезде Советов, проходившем 4–10 июля 1918 года:

Революционер, который не хочет лицемерить, не может отказаться от смертной казни. <...> Ссылаются на декреты, отменяющие смертную казнь. Но плох тот революционер, который в момент острой борьбы останавливается перед незыблемостью закона. Законы в переходное время имеют временное значение. И если закон препятствует развитию революции, он отменяется или исправляется.

[Ленин, 1971–1983, т. 36, с. 503, 504]

Петра называли в народе антихристом, обожаемый народом Ленин им был.

Петр — строил всё, Ленин всё разрушал. Государство, веру, науку, искусство, церковь, армию, промышленность, сельское хозяйство, доведя в кратчайшие сроки страну до разрухи и тотального голода. Построил репрессивный аппарат для управления страной, уже в декабре 1917 года создав Чрезвычайную комиссию во главе с Дзержинским, наделив ее правом бессудных расправ.

Петр построил три культурных слоя — дворянство, поддержал купечество и дал толчок к созданию церковного образованного слоя — семинарии. Из этого слоя вышли крупнейшие русские историки, ученые, писатели.

Ленин попов истреблял как насекомых. В письме-распоряжении Молотову от 9 марта 1922 года он писал:

Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей, и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления. <...> Поэтому я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий. <...> Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше.

[Ленин, 1990, С. 191–193]

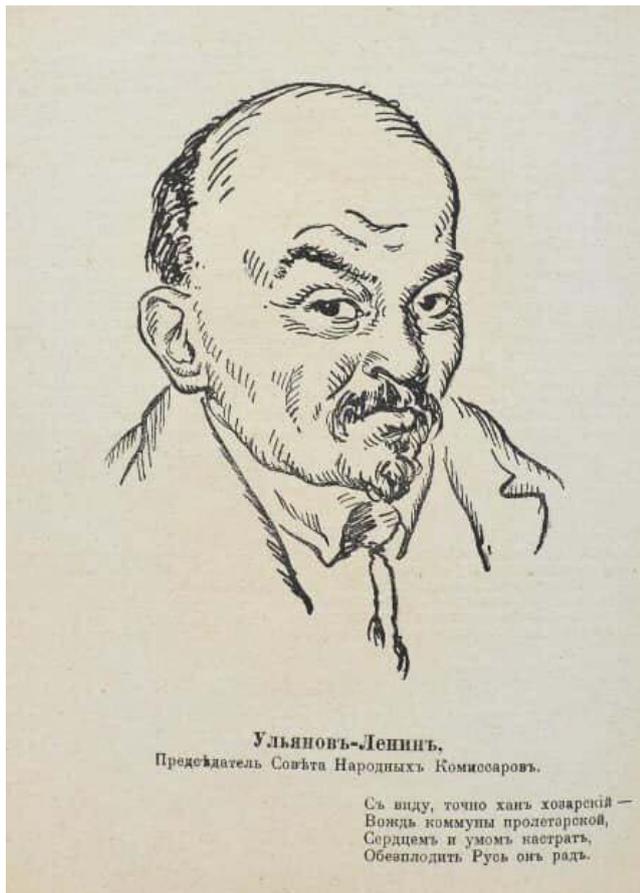
Петр строил государство, Ленин — тоталитарную деспотию. Нельзя историей XX века подменять петровскую историю, говоря об их похожести.

Сохранились десятки писем большевистского вождя с требованием массовых расстрелов. Но одно стоит привести, где он пишет, что сам будет расстреливать. Зайчиков неслучайно убивал.

Письмо от 16 июня 1920 года. В. И. Ленин — Отделу топлива Московского Совета Депутатов трудящихся: «Если не будут приняты героические меры, я лично буду проводить в Совете Обороны и в Цека не только аресты всех ответственных лиц, но и расстрелы...» [Ленин, 1971–1983, т. 51, с. 216].

Ленин был истинным учеником Маркса и Энгельса, под корень разрушая петровскую империю, истребляя без жалости ее население.

Задача Ленина была Россию развалить. Отдана Аляска, Финляндия, Польша, принят Брест-Литовский мир и отдано Германии все, что она хотела. По-

Карикатура на В. И. Ленина из эмигрантского журнала начала 1920-х годов

том в 1922 году был создан СССР. Сталинский план «автономизации» подконтрольных большевикам территорий — прямого включения выделенных за время Гражданской войны формально независимых советских республик обратно в состав РСФСР на правах автономных республик Российской Федерации — был Лениным отклонен. Под давлением Ленина был принят «интернационалистский» проект, в соответствии с которым все существовавшие на тот момент основные советские республики, основанные не по административному, а по национальному принципу, получали формальное равноправие друг с другом с правом свободного выхода из Союза. По словам В. В. Путина, Ленин предложил даже не федерацию, а конфедерацию.

Путь к развалу страны. Это была мина замедленного действия. И она рванула в 1991 году в результате беловежского путча. Замысел Ленина удался.

Эмиграция издевалась над ним, но как писал еще И. А. Крылов, мол, «Васька слушает да ест». А пули его обходили. Выстрел как бы Каплан (существует предположение, что барышню подставили, а инициатором выстрела был Свердлов, который вскоре скончался от испанки [см. Тополянский, 2002]). Слишком быстро Фанни Каплан расстреляли, практически не допросив.

Умирал он страшно. В романе Марка Алданова «Самоубийство», полудокументальной биографии Ленина, написано о его последних днях: «В Москве ходила глухая молва, будто по ночам Ленин “воет как собака”, случайные прохожие в ужасе прислушиваются издали».

Его предсмертные фотографии вызывают ужас.

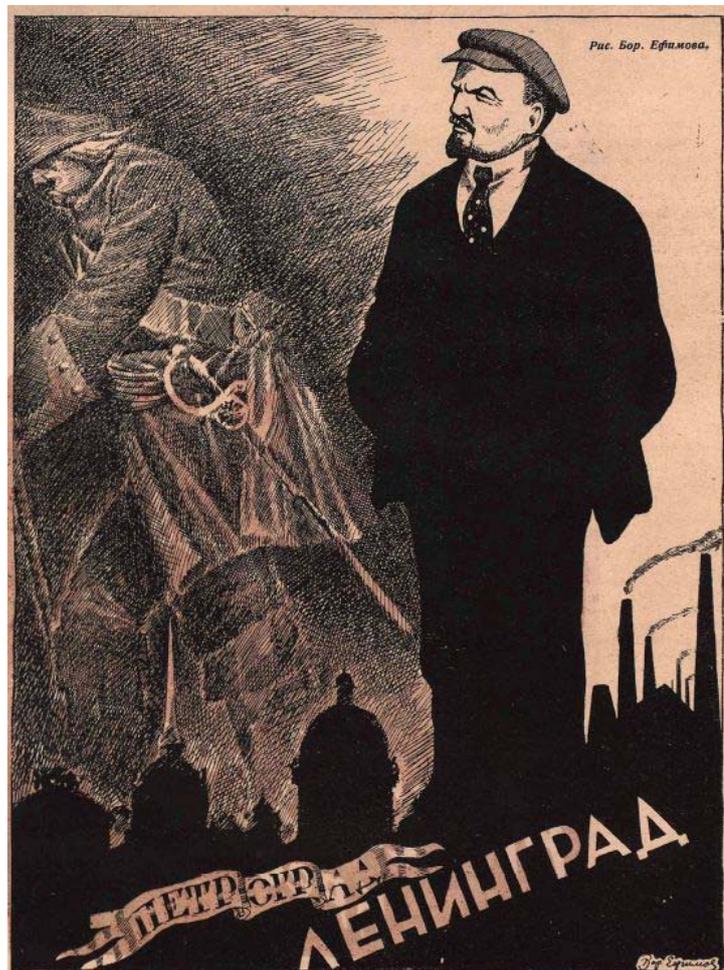
Но Ленин вроде бы победил Петра. Город, построенный Петром, назвали Ленинградом. Художник Борис Ефимов нарисовал в 1924 году плакат о переименовании города, об изгнании Петра Лениным. Бунин в ужасе писал, «что Эйфелева башня принимает радио о похоронах уже не просто Ленина, а нового Демиурга», но еще страшнее то, «что Град Святого Петра переименовывается в

Ленинград», а потому «охватывает поистине библейский страх не только за Россию, но и за Европу» [Бунин, 2006, с. 393–394].

После победы Ленина в стране стали создавать парадные портреты вождя — И. Бродский, К. Петров-Водкин и др., также проза и поэзия — Зощенко, Есенин, Маяковский, Клюев. Сплошные восторги. Нашлись, правда, два самых смелых в те годы писателя — Илья Эренбург и Евгений Замятин. Эренбург в своем великом романе «Хулио Хуренито» назвал Ленина великим инкви-

зитором, а Замятин в романе «Мы» — Благодетелем, уничтожающим живые мысли и души. Сервильную поэму Маяковского «Владимир Ильич Ленин» читали обязательно в средней школе.

Маяковского и Бриков стал первый заместитель Ягоды Я. С. Агранов, в их доме его называли “Яня”. Этот человек, как известно, вел дело Н. Гумилёва и подписал ему смертный приговор, а также был повинен в гибели в начале 20-х годов ряда выдающихся ученых, среди которых А. Ганин, В. Таганцев, С. Мельгунов, А. Чаянов» [там же, с. 347]. Известно, что когда поэт попросил свою возлюбленную Веронику Полонскую уйти из его квартиры, сказав странную фразу, что если ничего не случится, он придет к ней в театр, последним его визитером был как раз Агранов. А в ночь перед самоубийством он звонил Асееву. «Оксана Синякова (жена Асеева) под страшным секретом рассказывала Наталье Шмельковой, что накануне самоубийства (?) раз 15 ночью звонил им и повторял все время: “Коля, я знаю точно, меня все равно убьют”» [там же, с. 136].

Впрочем, это уже были постленинские испарения. А самого Ленина забальзамировали и предложили архитектору Щусеву соорудить нечто на Красной площади, чтобы народ мог приходить и поклоняться мертвецу. До революции 1917 года архитектор Алексей Щусев рисовал иконостасы и строил церкви, а в советские годы возвел Мавзолей Ленина и здание НКВД. Щусев опирался в этом случае на ближневосточный вавилонский или шумерский принцип строительства зиккуратов, которые в представлении древних шумеров, ассирийцев и вавилонян должны были олицетворять лестницу между землей и небом. То есть Ленин как бы шел к небу.

Уже в брежневскую эпоху ходило множество анекдотов, связанных с мавзолеем. Один приведу.

В советские годы дети были убеждены в бессмертии созданного Лениным. Как-то в начале 1970-х я спросил сына дачного приятеля:

Зиккурат Ленина

Шутка времен застоя: 15 человек на сундук мертвеца — Политбюро на мавзолее

— Виталик, ты хочешь жить вечно?

Ответ:

— Что я, дело Ленина, что ли?

Но и дело Ленина оказалось не вечным, несмотря на воздвигнутые им гекатомбы из трупов. Поразительно трагическое стихотворение Мандельштама 1930 года под названием «Ленинград», где поэт слышит голоса умершего Петербурга, ищет адреса умерших петербургских друзей. Этим стихотворением я хочу закончить статью.

Ленинград

Я вернулся в мой город, знакомый до слез
До прожилок, до детских припухлых желез.

Ты вернулся сюда, — так глотай же скорей
Рыбий жир ленинградских речных фонарей.

Узнавай же скорее декабрьский денек
Где к зловещему дегтю подмешан желток.

Петербург, я еще не хочу умирать:
У тебя телефонов моих номера.

Петербург, у меня еще есть адреса,
По которым найду мертвецов голоса.

Я на лестнице черной живу, и в висок
Ударяет мне вырванный с мясом звонок.

И всю ночь напролет жду гостей дорогих,
Шевеля кандалами цепочек дверных.

1930 г.

Список источников

- Андреева Е. А.* Петербург — “город на костях”? (О мифологизировании истории) // *Вопр. философии*. 2013. № 6. С. 29–40.
- Анисимов Е. В.* Петр I: рождение империи // *Вопр. истории*. 1989. № 7. С. 3–20.
- Брикнер А. Г.* Иллюстрированная история Петра Великого. М.: Фирма СТД, 2007. 735 с.
- Бунин И. А.* Миссия русской эмиграции (Речь, произнесенная в Париже 16 февраля 1924 г.) // *Бунин И. А. Полное собрание сочинений и писем: в 13 т. М.: Советский писатель, 2006. Т. 8. С. 388–398.*
- Гердер И. Г.* Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. 703 с.
- Громова Наталья.* Узел. Поэты: дружбы и разрывы. М.: Эллис Лак, 2006. 685 с.
- Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. Части I и II. [М.]: Партиздат, 1933. 290 с.
- Ленин В. И.* Письмо В. М. Молотову для членов Политбюро ЦК РКП(б) 19 марта 1922 г. // *Известия ЦК КПСС*. 1990. № 4. С. 190–195.
- Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. М.: Политиздат, 1971–1983. 55 т.
- Леонтьев К. Н.* Над могилой Пазухина // *Леонтьев К. Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 томах. СПб.: Владимир Даль, 2007. Т. 8. С. 445–460.*
- Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2-е. М.: Госполитиздат, 1955–1981. 50 т.
- Маркс Карл.* Разоблачение дипломатической истории XVIII века // *Вопр. истории*. 1989. № 4. С. 5–19.
- Погодин М. П.* Петр Великий // *Погодин М. П. Избранные труды*. М.: РОССПЭН, 2010. С. 229–244.
- Полевой Н. А., Полевой Кс. А.* Литературная критика. Л.: Худож. лит., 1990. 589 с. (Русская литературная критика).
- Пушкин А. С.* Собрание сочинений: в 10 т. М.: ГИХЛ, 1959–1962. 10 т.
- Соловьев С. М.* Публичные чтения о Петре Великом // *Соловьев С. М. Сочинения: в 18 кн. М.: Мысль, 1995. Кн. XVIII: Работы разных лет. С. 5–152.*

Стахевич С. Г. Среди политических преступников // Н. Г. Чернышевский: Pro et contra. Антология / сост. А. А. Демченко. СПб.: РХГА, 2008. С. 126–190.

Струве П. Б. Мои встречи и столкновения с Лениным // Вестник РХСД, 1970. № 95–96. С. 143–166.

Суханов Н. Н. Записки о революции: в 3 т. М.: Республика, 1992. Т. 3. 420 с.

Тополянский Виктор. Загадочная испанка // Континент. 2002. № 112. С. 284–315.

Тютчев Ф. И. Россия и Германия // Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. Письма: в 6-ти т. М.: Классика, 2003. Т. 3. С. 111–129.

Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М.: Мысль, 1998. Т. 2: Всемирно-исторические перспективы. 606 с.

Энглунд Петер. Полтава. Рассказ о гибели одной армии. М.: Новое книжное обозрение, 1995. 225 с.

Юль Ю. Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом: 1709–1711 // Лавры Полтавы / сост. В. Наумов. М.: Фонд Сергея Дубова, 2001. С. 9–396.

Lüdenorff E. Meine Kriegserinnerungen 1914–1918. Berlin: Ernst Siegfried Mittler und Sohn, 1919. VIII, 628 S.

References

Andreeva, E.A. (2013) ‘Peterburg — “gorod na kostyakh”?’ (O mifologizirovanii istorii) [‘Is Petersburg a “City on the Bones”?’ (On the Mythologization of History)], *Voprosy filosofii*, 6, pp. 29–40.

Anisimov, E.V. (1989) ‘Petr I: rozhdenie imperii’ [‘Peter I: The Birth of an Empire’], *Voprosy istorii*, 7, pp. 3–20.

Brikner, A.G. (2007) *Ilyustrirovannaya istoriya Petra Velikogo* [An Illustrated History of Peter the Great]. Moscow: Firma STD.

Bunin, I.A. (2006) ‘Missiya russkoi emigratsii (Rech’, proiznesennaya v Parizhe 16 fevralya 1924 g.)’ [‘The Mission of the Russian Emigration (Speech Delivered in Paris on February 16, 1924)’], in Bunin, I.A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 13 tomakh. Tom 8* [Complete Works and Letters: in 13 vols. Vol 8]. Moscow: Sovetskii pisatel’, pp. 388–398.

Gerder, I.G. (1977) *Idei k filosofii istorii chelovechestva* [Ideas for the Philosophy of the History of Humanity]. Moscow: Nauka.

Gromova, Natal’ya (2006) *Uzel. Poety: druzhby i razryvy* [Node. Poets: Friendships and Breaks]. Moscow: Ellis Lak.

Krupskaya, N.K. (1933) *Vospominaniya o Lenine. Chasti I i II* [Memories of Lenin. Parts I and II]. [Moscow]: Partizdat.

Lenin, V.I. (1990) 'Pis'mo V.M. Molotovu dlya chlenov Politbyuro TsK RKP(b) 19 marta 1922 g.' ['Letter to V.M. Molotov for Members of the Politburo of the Central Committee of the RCP(b) March 19, 1922'], *Izvestiya TsK KPSS*, 4, pp. 190–195.

Lenin, V.I. (1971–1983) *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works] (55 vols). Moscow: Politizdat.

Leont'ev, K.N. (2007) 'Nad mogiloi Pazukhina' ['Over the Grave of Pazukhin'], in Leont'ev, K.N. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 12 tomakh. Tom 8* [Complete Works and Letters: in 12 vols. Vol. 8]. St. Petersburg: Vladimir Dal', pp. 445–460.

Marks, K. & Engel's, F. (1955–1981) *Sochineniya: v 50 tomakh* [Works: in 50 vols]. 2nd edn. Moscow: Gospolitizdat.

Marks, Karl (1989) 'Razoblachenie diplomaticheskoi istorii XVIII veka' ['Exposing the Diplomatic History of the 18th Century'], *Voprosy istorii*, 4, pp. 5–19.

Pogodin, M.P. (2010) 'Petr Velikii' ['Peter the Great'], in Pogodin, M.P. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow: ROSSPEN, pp. 229–244.

Polevoi, N.A., Polevoi, Ks.A. (1990) *Literaturnaya kritika* [Literary Criticism]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura. (Russkaya literaturnaya kritika [Russian Literary Criticism]).

Pushkin, A.S. (1959–1962) *Sobranie sochinenii: v 10 tomakh* [Collected Works: in 10 vols]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

Solov'ev, S.M. (1995) 'Publichnye chteniya o Petre Velikom' ['Public Readings about Peter the Great'], in Solov'ev, S.M. *Sochineniya v 18 knigakh. Kniga XVIII: Raboty raznykh let* [Works: in 18 Books. Book XVIII: Works of Different Years]. Moscow: Mysl', pp. 5–152.

Stakhevich, S.G. (2008) 'Sredi politicheskikh prestupnikov' ['Among Political Criminals'], in N.G. Chernyshevskii: *Pro et contra. Antologiya* [N.G. Chernyshevsky: Pro et Contra. Anthology]. Compiled by A.A. Demchenko. St. Petersburg: RKhGA, pp. 126–190.

Struve, P.B. (1970) 'Moi vstrechi i stolknoveniya s Leninym' ['My Meetings and Collisions with Lenin'], *Vestnik RKhSD*, 95–96, pp. 143–166.

Sukhanov, N.N. (1992) *Zapiski o revolyutsii: v 3 tomakh. Tom 3* [Notes on the Revolution: in 3 vols. Vol. 3]. Moscow: Respublika.

Topolyanskii, Viktor (2002) 'Zagadochnaya ispanka' ['Mysterious Spaniard'], *Kontinent*, 112, pp. 284–315.

Tyutchev, F.I. (2003) 'Rossiya i Germaniya' ['Russia and Germany'], in Tyutchev, F.I. *Polnoe sobranie sochinenii. Pis'ma: v 6 tomakh. Tom 3* [Collected Works. Letters: in 6 vols. Vol. 3] Moscow: Klassika, pp. 111–129.

Shpengler, O. (1998) *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoi istorii. Tom 2: Vsemirno-istoricheskie perspektivy* [Decline of Europe. Essays on the Morphology of World History. Vol. 2: World-historical Perspectives]. Moscow: Mysl'.

Englund, Peter (1995) *Poltava. Rasskaz o gibeli odnoi armii* [*Poltava. The Story of the Death of one Army*]. Moscow: Novoe knizhnoe obozrenie.

Yul', Yu. (2001) 'Zapiski Yusta Yulya, datskogo poslannika pri Petre Velikom: 1709–1711' ['Notes of Yust Yul, the Danish envoy to Peter the Great: 1709–1711'], in *Lavry Poltavu* [*Lavra of Poltava*]. Compiled by V. Naumov. Moscow: Fond Sergeya Dubova, pp. 9–396.

Lüdenorff, E. (1919) *Meine Kriegserinnerungen 1914–1918*. Berlin: Ernst Siegfried Mittler und Sohn.

Информация об авторе: В. К. Кантор — доктор философских наук, ординарный профессор, главный научный сотрудник, заведующий Международной лабораторией русско-европейского интеллектуального диалога, главный редактор журнала «Философические письма. Русско-европейский диалог». Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, каб. 215.

Information about the author: V. K. Kantor — DSc in Philosophy, Full Professor, Chief Research Fellow, the Head of International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, Editor-in-Chief of the journal “Philosophical Letters. Russian and European Dialogue”. National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 215, 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.05.2022;
принята к публикации 21.05.2022.

The article was submitted 02.05.2022;
accepted for publication 21.05.2022.

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 2. С. 45–61.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2022. Vol. 5, no. 2. P. 45–61.

Научная статья / Original article

УДК 93/94

doi:10.17323/2658-5413-2022-5-2-45-61

РОССИЯ И «ПЕТРА ТВОРЕНЬЕ»

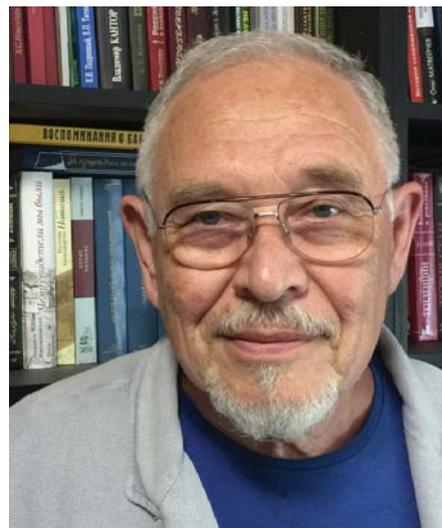
Владимир Прохорович Булдаков

Институт российской истории

Российской академии наук,

Москва, Россия,

kuroneko@list.ru

Аннотация. Автор показывает истоки противоречий в сегодняшнем восприятии личности Петра Великого. Они в значительной степени связаны с противоречивостью самой личности первого российского императора: радикального западника, внедрявшего свои идеи российскими феодально-крепостническими методами. Модернизаторские успехи Петра сегодня кажутся несомненными. На деле они оказались преходящими. Это, естественно, не согласуется с неистребимой общественной потребностью в «славном прошлом». Тем не менее современная Россия остается именно петровской со всеми ее достижениями и неудачами.

Ключевые слова: Россия, Санкт-Петербург, Петр I, реформы

Ссылка для цитирования: Булдаков В. П. Россия и «Петра творенье» // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 2. С. 45–61. <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2022-5-2-45-61>.

© Булдаков В. П., 2022

Europe and Russia: Paradoxes of Kinship

RUSSIA AND “PETER’S CREATION”

Vladimir P. Buldakov

The Institute of Russian History
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, kuroneko@list.ru

 Abstract. The author shows the origins of contradictions in today's perception of the personality of Peter the Great. They are largely connected with the inconsistency of the very personality of the first Russian emperor: a radical Westerner who implemented his ideas using Russian feudal methods. Peter's modernization successes seem undeniable today. In fact, they turned out to be transient. This, of course, is not consistent with the ineradicable social need for a “glorious past”. Nevertheless, modern Russia remains precisely Peter's Russia, with all its achievements and failures.

 Keywords: Russia, St. Petersburg, Peter I, reforms

 For citation: Buldakov, V.P. (2022) ‘Russia and “Peter’s Creation”’, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 5(2), pp. 45–61. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2022-5-2-45-61.

Юбилей Петра I — воистину Великого! — отмечались, однако, не часто. Через сто лет о нем не могла не вспомнить Екатерина II: если первый российский император «в Европу прорубил окно», то ей приличествовало объявить, что Россия «есть европейская держава». Символом таковой стал «Медный всадник», живым воплощением — «град Петров». Образ внушительный, хотя, как показал не в меру проникательный Пушкин, отнюдь не однозначный: всадник топтал «людишек», а город периодически «тонул».

Еще через сто лет Александр II постарался убедить, что его «освободительные» реформы — продолжение дела, начатого Петром I. Конечно, возникали сомнения. Однако зачем они, если образ царя-реформатора благодаря выдающимся французским просветителям — от Ф. Вольтера до Д. Дидро, а также российским историкам — от Н. Карамзина до С. Соловьева — становился монументально хрестоматийным?

«Чтобы сделать Петра великим, его делают небывалым и невероятным, — заметил в свое время проницательный В. О. Ключевский. — Между тем надобно изобразить его самим собою...» [Ключевский, 1968. с. 326]. Но смог ли он проделать это сам? Сравнивая лекции выдающегося историка с его же дневниками, можно заключить, что порой он словно уговаривал себя держаться поближе к сложившимся канонам. Преодолеть притяжение «обаяния империи» и державной мощи крайне трудно.

Петр I, вольно или невольно, попал в завихрения большого исторического времени, неожиданно для себя встав в ряд символов эпохи Просвещения. В глазах Запада самим своим существованием он как бы подтверждал: новые ценности настолько несомненны, что их адептом стал неотесанный, но страстный властитель громадной «варварской» страны. В общем, Петр оказался востребован не только в «отсталой» России, но и в «просвещенной» Европе. Появление его бюста во Французской академии наук символично. Существует версия, что в результате визита в Академию за представленную карту Каспийского моря 22 декабря 1717 года Петр был избран ее членом [Мезин, 1999. с. 29].

Однако в советское время о трехсотлетию Петра I словно забыли. Да и зачем вспоминать великого реформатора, когда его империя, будучи перелицованной, впала в подобие допетровской спячки, а Санкт-Петербург стал Ленинградом и впечатляюще захирел под коммунистическим саваном?

Так *что* и почему мы отмечаем сегодня? Как нам видятся деяния Петра? И различимы ли они вообще через 350 лет после его появления на свет? Наконец, что из его противоречивого наследия мы выбираем?

Лично у меня в школьные годы образ Петра I почти не вызывал эмоций: он был таким, каким ему *положено* было быть. Даже глухие напоминания о «избыточной» жестокости Петра и непреложный факт сыноубийства не впечатляли. Считают же некоторые историки, что «Петр не отличался какой-то особой кровожадностью»: лишь однажды «он указал запороть до смерти двух упорствующих старообрядцев» [Анисимов, 2010, с. 67]. И даже факты собственноручного усекновения им голов упрямых стрельцов казались обычными для того времени явлениями. Больше запомнилось, что Петр самолично резал купеческие бороды, вводил налоги на дубовые гробы. Неслучайно позднее даже Ключевский недоумевал: «Перерождение умов посредством штанов и кафтанов. Мистика» [Ключевский, 1968, с. 392]. В общем, Петр оставался именно тем героем, без которого наша история осталась бы недостаточно выразительной, не совсем полной и даже не вполне объяснимой.

Положение менялось по мере того, как я становился историком, причем «плохим» историком — представителем того самого профессионального мень-

шинства, которое постоянно лезет с «лишними» вопросами и высказывается «невпопад». Тогда и вспомнилась посмертная маска Петра: чудовищный сгусток жестокости и боли. Со временем добавилось еще одно впечатление: одна знакомая — работница музея (какого не скажу) — попыталась примерить камзол Петра — ей, девице вовсе не крупной, он оказался узок в плечах. В общем, со знакомым образом стало что-то «не то».

Конечно, я не был оригинален. Очень соблазнительно представить Петра обычным реформатором, успешно воплотившим в жизнь продуманную систему преобразований. На деле всё было с точностью наоборот: его дела — это серия спонтанных и противоречивых экспериментов. За ними стояло настоящее буйство эмоций, движимое желанием вырвать Россию даже не из «отсталости», а из «застойной» предопределенности. А поэтому образ Петра остается амбивалентным, причем *таинственно* амбивалентным, а сообщество историков, подобно своему герою, кидается из стороны в сторону: эмоции противятся монументализации пугающе захватывающей фигуры. Петр многолик настолько, что в обыденное сознание не хочет уместаться.

Казалось, для допетровской России привычнее и предпочтительнее был эволюционный путь, намеченный выдающимися западниками — А. Л. Ординым-Нащокиным и В. В. Голицыным. Петр I мог стать продолжателем дела своего отца Алексея Михайловича — правителя неспешного, но не чуждого новациям. Однако вмешался «случай», направивший события в «революционное» русло. Несовершенство российской системы престолонаследия, допускавшее правление нескольких малолетних царей, не могло не вызвать серии кризисов власти. В результате юному царю пришлось силой вырывать «шапку Мономаха» из враждебных рук. Поначалу он не думал о грандиозных преобразованиях — образования не хватало. Просто от занудливого старорусского школярства его не могло не потянуть к «немецким» наукам.

Впрочем, всё это скорее домыслы, которыми и без того полна старая и новая российская и западная историография. Даже событие, которое, вероятно, оказало решающее влияние на характер будущего самодержца, описывалось по-разному. Одни мемуаристы, а вслед за ними историки, утверждали, что в апреле 1682 года десятилетний Петр хладнокровно наблюдал, как взбунтовавшиеся стрельцы поднимали на алебарды Матвеева и сторонников Нарышкиных [Ключевский, 1989, с. 9], другие, напротив, отмечали, что он истошно ревел, прижимаясь к матери [Лиштенан, 2021, с. 17]. Но что творилось *внутри* публично униженного престолонаследника? Такой яркий исследователь, как Е. В. Анисимов, пришел к заключению, что после этого Петр люто возненави-

дел Москву, реформы «стали в какой-то мере актом мести своему несчастному прошлому» [Анисимов, 2017, с. 38–39].

Семнадцатилетним юношей Петру, формально остававшемуся царем, пришлось пережить еще одно потрясение: поспешно бежать от всё тех же злонамеренных стрельцов. Однако из тогдашней ситуации он смог выйти победителем. Тем не менее, как считает Анисимов, поселившиеся внутри него страх, месть и ненависть «распространились не только на Софью, бояр, стрельцов, Москву, но и на всю Россию» [там же, с. 39]. И потому до конца жизни он опасался покушений на свое *отвоеванное* самодержавие. Со временем пришлось думать и о том, как передать его в неприкосновенности, чтобы дело его жизни было продолжено.

Петр считается радикальным западником. Но как он им стал: под влиянием московских иноземцев — Ф. Лефорта, П. Гордона и иже с ними? С. М. Соловьев считал, что Лефорт «был полным и блестящим представителем людей, населяющих Немецкую слободу <...>, это был человек бывалый, необыкновенно живой, ловкий, веселый, открытый, симпатичный, душа общества, мастер устраивать пиры на славу» [Соловьев, 1962, с. 468–469]. В общем, это был вдохновляющий антипод тогдашнему «скучному» москвитю. Мог ли любознательный юноша устоять перед обаянием «западной» раскованности? Вместе с тем некоторые исследователи отмечают, что «кальвинист» Лефорт скорее приспособил свои привычки «французского дебошана» к разгульной натуре Петра [Лиштенау, 2021, с. 110–111]. А может быть, иноземцы нуждались в «понятливом» царе?

До 24 лет Петр предавался пьянству и потехам. В 1697 году 25-летний царь увидел наконец Западную Европу. Появилась причина «одуматься».

Похоже, «окно в Европу» стало объективно необходимым, однако «прорубить» его едва ли было возможно без потрясения боярских мозгов. Вероятно, в связи с этим и возникла в начале 1890-х годов идея «сумасброднейшего, всешутейшего и всепьянейшего собора» — цинично-издевательской пародии на тогдашнюю церковную иерархию. Другое объяснение трудно придумать — разумеется, если пытаться всякий раз придавать импульсивным поступкам Петра логическую последовательность и рациональные замыслы. Характерно, что при этом царь уважал традиционную православную обрядность: в праздники даже становился на клиросе в ряды певчих [Ключевский, 1989, с. 39].

С другой стороны, бешеная энергия Петра не могла не принять «вакхического» воплощения. Между прочим, это резонировало и с европейской, и с византийской карнавальными традициями, а равно и с народной смеховой культурой, отличаясь лишь «русским» размахом и словесным похабством.

Интересно, что это публичное безобразие было продумано до мелочей; был даже изобретен сложный избирательный ритуал и особая субординация, согласно которой сам Петр формально подчинился «князь-папе» или «патриарху». «Оригинальность» состояла и в количестве непременно поглощаемого спиртного, да в степени насыщения действия матерной лексикой. Ключевский писал, что при князь-папе был конклав 12 кардиналов, «отъявленных пьяниц и обжор, с огромным штатом таких же епископов, архимандритов и других духовных чинов, носивших прозвища, которые никогда, ни при каком цензурном уставе не появятся в печати» [там же, с. 36–37]. Выдающийся историк не угадал: цензурные перегородки не устояли перед людской склонностью к запретному.

Примечательно, что Петр имел обыкновение предаваться подобию «демократического» самоуничтожения: на всешутейшем соборе император все-российский имел скромный, но выразительный чин: «протодьякон Пахом пихайхуй Михайлов». Его соратники также были снабжены фаллически идентификационными кличками [Усенко, 2005, с. 61–67]. В соборных ритуалах участвовали и женщины: «князь-игуменья», «архиигуменьи», «игуменьи» и «диакониссы». Об их прозвищах историки умалчивают.

Характерно, что тот же Петр настоял на создании «Юности честного зерцала» — собрания наставлений для юношества, словно намеренно противостоящих безобразиям всепьянейшего собора. Книга преподавала основы вежливости, приличного поведения, описывала этикет, убеждала в необходимости изучения иностранных языков, фехтования и даже танцев. Назывались и основные добродетели: приветливость, смирение и учтивость [Лиштенан, 2021, с. 314]. Ни одной из них сам Петр не обладал, очевидно, считая себя выше этических предписаний для подданных. Самодержец к тому же должен быть «неповторим». Впрочем, нравственно упорядочить общество следовало в любом случае. Судя по тексту «Зерцала», к тому времени девиантным поведением оказались затронуты и женщины: имели обыкновение петь «блудные песни», а то и приставать к кавалерам [Анисимов, 2017, с. 49]. Сдерживая тогдашний «феминизм», в личной жизни Петр словно поощрял его своими беспорядочными связями, не говоря уже о вступлении в брак с наложницей своих подчиненных — простолюдинкой Мартой Скавронской, будущей императрицей.

Но против чего бунтовал, чего добивался царь? «Древнерусское мирозерцание: не трогай существующего порядка, ни физического, ни политического, не изучай его, а только поучайся им, как делом Божиим» [Ключевский, 1968, с. 365], — как-то заметил Ключевский. Похоже, Петр понимал, на что он поднимал руку. Отсюда «смелость отчаяния».

Относительно смысла петровского «собора» исследователи спорят. Этому занятию можно предаваться до бесконечности, если только не предположить, что за «странным» феноменом таилось вызывающее мальчишество, призванное — сознательно ли, стихийно ли — сплотить единомышленников, способных потрясти вековой застой. В этой связи уместно допустить, что другими деяниями Петра также управляла необузданная юношеская энергетика. Совершенно не случайно она принесла не только выдающиеся военные победы, но и закономерные поражения во внутренней политике и особенно в области просвещения.

Конечно, Петр стремился к морю и морям, этот геополитический императив слишком очевиден. Следовало прежде всего сокрушить своего главного противника — Швецию. Победа под Полтавой в 1709 году стала апофеозом его военных достижений. На ее фоне забывается унижающее поражение от турок в 1711 году. Петр «проглотил» его, отказавшись от замысла пленения Карла XII (что необычайно повысило бы его престиж в Европе) и согласившись на сдачу с таким трудом завоеванного ранее Азова. Примечательно, что Петр не только смог «откупиться» от турок, используя неформальные подношения, но и ухитрился с помощью пропаганды минимизировать последствия своего поражения. И эта «виртуальная» победа также внесла крупный вклад в исторические достижения России. Несчастливая прутская баталия «превратилась в незначительный эпизод, который едва ли замедлил ход Истории, ведущей Россию к славному будущему» [Лиштенан, 2021, с. 253–254].

Первые попытки улучшить имидж России относятся еще к правлению Алексея Михайловича. Однако они поблекли в связи с шокировавшим Запад делом несостоявшегося Алексея II — злосчастного сына Петра. Конечно, пропагандистские усилия были призваны противостоять очернению Московии со стороны «непонятливых» соседей. Как бы то ни было, первый российский император взялся сам формировать память о своем правлении, сохраняя при этом некоторую долю таинственности. И потому западные авторы, пытаясь ответить на вопрос, заслужил ли первый российский император титул «Великий», готовы утверждать: «...Он присвоил его себе сам, так же, как сам сумел создать миф о своем правлении, единственно истинный» [там же, с. 250]. Значения подобных мнений нельзя недооценивать. Взыскуя правды, мы с легкостью отдаемся на волю старых как мир мифов.

Отмечая выдающуюся роль Петра в строительстве армии и флота европейского образца, нельзя не признать, что это было много проще создания современного общества. Последнее вообще не создается сверху, хотя российские правители то и дело пытались это сделать. Рискованности таких начинаний

словно не замечали. Между тем попытки превращения всего общественного пространства в большую казарму могут вызвать грандиозный бунтарский эффект.

Петр воевал с Западом, используя западные технологии и насаждая западную культуру внутри России. Он особенно упорно учился у шведов, искренне воздав им должное после полтавской победы. Его реформами двигала война. Именно поэтому его нововведения оказались непригодными для мирного реформирования империи.

Сказанное может показаться странным. Между тем весьма показательная ситуация сложилась в области экономики. Как отмечал Ключевский, в результате войны «народнохозяйственная реформа превратилась в финансовую, а успех ею достигнутый, был собственно *финансовый* (выделено мной. — В. Б.), а не народнохозяйственный». Вспоминал в связи с этим Ключевский и выдающегося экономиста И. Т. Посошкова, автора «Книги о скудости и богатстве», наминавшего царю, что нетрудно наполнить казну, но «великое, многотрудное дело народ весь обогатить» [Ключевский, 1989, с. 197].

Казалось бы, кое-что из этого Петр уловил. Ключевский считал, что «в нем впервые блеснула идея народного блага». Так ли это, если, по словам того же автора, после Петра государство стало сильнее, но народ беднее [там же, с. 393, 394]? «Забывать себя» во имя призрачного величия империи народ не мог. И это произошло вопреки тому, что сам Петр непрестанно трудился, работал до мозолей, словно пытаясь своим примером навязать народу неведомую тому мотивацию труда. Некоторые авторы видят в этом протестантское начало [Ахиезер, 2006, с. 107], что вряд ли справедливо. Протестантская этика всё же апеллировала к Богу, напротив, «холопский» труд направлялся к благу Государства. Да и результат хозяйствования Петра обернулся результатами, противоположными западному прогрессу.

Да и хотел ли Петр *западного* прогресса? Во Франции он игнорировал приготовленные для него роскошные апартаменты в Лувре. Во время королевского обеда попросил себе кусок хлеба и репы. Затем попробовал пять или шесть сортов вина и выпил, наконец, два стакана пива [Мезин, 1999, с. 23]. Если он отвергал западную изысканность, то не порождало это желание пойти «своим путем»?

Как бы то ни было, крепостничество, упрочившееся при Петре, не могло стать фундаментом формирования гражданской нации и современной государственности. Упоение военными победами преходяще. С помощью европейского титула невозможно было завоевать уважение западных королей и императоров. Подозрительный взгляд на русских как на «холопов просвещения»

(Ф. И. Тютчев) в сознании Запада утвердился неслучайно. Изнутри тогдашней европоцентристской «мир-системы» Россия виделась именно так. Но стоит ли из-за этого впадать в антизападную подозрительность и молитвенно взывать к великим теням «своего» прошлого?

Сегодня кажется, что подстегнутая Петром экономика переживала неужелимый взлет: выпуск железа вырос в 8 с половиной раз. Если в 1720 году Россия выплавляла 10 тыс. тонн чугуна, а Англия — 17 тыс., то в 1740 году российская металлургическая промышленность произвела 25 тыс. тонн. И тогда избытки железа пришлось экспортировать, причем к выгоде иностранцев. С другой стороны, оборотной стороной протекционистской политики Петра стало установление назойливого контроля над отечественными предпринимателями со стороны Мануфактур- и Берг-коллегий, чьи ревизоры, отмечал Ключевский, отличались «исконной вороватостью». При этом не справившихся с делом заводчиков ждало не банкротство, а конфискация. В общем, предприятия работали на условиях стопроцентного госзаказа — всю их продукцию поглощало государство [Анисимов, 2017, с. 98]. Любую конкуренцию Петр душил. Понятно, что это сдерживало всякую инновационность, кроме совершенствования в жульничестве. Но мог ли «феодальный капитализм» быть конкурентоспособным на международной арене? Итог закономерен: на Запад отправлялось сырье.

Поощряя промышленный прогресс, Петр не хотел чрезмерного обогащения предпринимателей и ввел жесткую норму прибыли — не выше 10%. Результат не замедлил сказаться. Если в 1708 году Строгановы поставили 1,8 млн пудов соли, а казна получила за счет этого 256 тыс. рублей чистого дохода, то доход предпринимателей упал до... 578 рублей! Производительность промыслов за несколько лет упала в пять раз [там же, с. 95, 103]. Нечто подобное произошло и в других отраслях.

Но дело не только в «обиженных» властью деловых людях. Петровская индустриализация обернулась тем, что на заводах стал использоваться труд крепостных крестьян, причем в 1736 году все работные люди были превращены в «вечноотданных» новым хозяевам. Таким образом, по мнению Л. В. Милова, «были вызваны к жизни еще более жестокие, более грубые формы эксплуатации, чем “варварские” формы феодальной зависимости» [Милов, 2001, с. 522, 526]. Мог ли быть такой труд производительным?

Примечателен еще один момент. И государственное управление, и промышленное производство стали концентрироваться в новой столице, и без того географически отдаленной от центра империи. Европеизированный город стал противостоять российской деревне. Результат известен: со временем

столичный переворот стал насильственно перелицовывать всю «крестьянскую» страну.

Понятно, что Петр хотел создать регулярную государственность. Но вышло совсем не то. Не без оснований говорится о том, что «перед посадкой западных институтов Петр оторвал все корни, что соединяли их с выборным началом, с сословным представительством». В результате «бюрократическая камералистская машина, контролируемая на шведской почве выборными органами снизу и парламентской системой сверху, получила в России никем и ничем не контролируемое развитие». Именно с петровских времен, считает Е. Анисимов, Россией правит бюрократия [Анисимов, 2017, с. 139], вольно или невольно расширяя горизонты коррупции. И здесь уже ничем не поможешь. Не раз Петр поколачивал своего преданного слугу Алексашку Меншикова, что отнюдь не помешало тому стать богатейшим человеком. В 1721 году был устроен суд над сибирским губернатором князем М. П. Гагариным, уличенным в воровстве. Гагарин был казнен перед зданием канцелярий, его тело несколько месяцев болталось на виселице. Тоже не помогло.

Неудивительно, что петровские новации оборачивались вопиющими безобразиями. Так, при проверке подушной переписи было вскрыто полтора миллиона утаенных душ, то есть 27% всего податного населения, а между тем разыскиваемые беглые крестьяне целыми слободами жили на просторных дворах сильных господ в самой столице. В ходе утверждения коррумпировано-бюрократической системы, «неумелым правителям» стали противостоять на местах многочисленные разбойничьи шайки, фактически парализовавшие власть и закон. За формально-правовым фасадом империи скрывались «молчаливая круговая порука беззакония и неспособности» верхов и «безрассчетного отчаяния» низов [Ключевский, 1989, с. 181–182]. Таков результат поспешного увлечения Европой «с финансово-технической, а не с политической и нравственной стороны» [Ключевский, 1968, с. 394].

Неслучайно возникла система тотального политического сыска. Основным предметом ее забот стало «расследование дел о ложных доносчиках и о произнесенных кем-то “непристойных словах”» [Анисимов, 2010, с. 418]. Система словно намеренно плодила своих оппонентов, чтобы неуклонно подавлять их. В известном смысле петровская внутренняя политика вызвала к жизни и Д. И. Фонвизина, и Н. В. Гоголя, да и всю великую русскую литературу «критического реализма».

Попытка создать слой образованных управленцев также провалилась: ни дворяне, ни купцы, ни чиновники не желали отдавать детей в «цифирные» и прочие петровские школы. Результат таков: из 2051 ученика закончили обу-

чение только 302 (14%), 79 недорослей пришлось исключить по неспособности к обучению, 332 сбежали, 131 выпускник так и остался неграмотным [Лиштенан, 2021, с. 313–314]. Власть попросту не сумела объяснить важности обучения, которое к тому же оказалось непродуманным и не приспособленным к нуждам и амбициям обучавшихся. Нетрудно представить, кто и зачем двинулся во власть. Петровскую бюрократию Ключевский сравнивал с «нашествием баскаков, темников, численников». В результате «все понятия об обществе, государстве, народе, семье сгнили в этом разгуле распущенности, безделья и произвола» [Ключевский, 1968, с. 393].

Весьма основательно упрекают Петра в превращении православной церкви в казенное ведомство. Как могло случиться, что этот «глубоко верующий человек», не допуская насмешек над верой, осмелился на упразднение патриаршества? Ничего удивительного: люди в рясах, вся иерархия оставалась для него частью ненавистной старины. Он, как ни парадоксально, путем «огосударствления» церкви стремился к ее активизации. Церковь должна была стать действенным элементом обновления всей русской культуры. Петр неслучайно выделял образованных священнослужителей, способных произносить яркие проповеди, — в основном выходцев из Киево-Могилянской академии [там же, с. 220, 227, 230–232]. Примечательно, что в этом не было склонности ни к униатству, ни к протестантству, Петр оставался непримиримым к старообрядчеству. Вера должна быть государственной, церковь должна заниматься доносительством в видах избавления от ереси, искренне полагал он. Последствия такого реформаторства сказались позднее: синодальная система неуклонно угашала искреннюю веру. А в целом, по словам Ф. М. Достоевского, произошло «задыхание России в тесных петровских рамках» [Достоевский, 1985, с. 268].

Петр неслучайно спешил. В сущности, его деяния годились лишь на *одну войну*. После смерти императора сообщали об упадке военной техники, «о весьма мизерном и сожаления достойном состоянии полков», о бегстве из них офицеров. В наихудшем состоянии оказался флот: в шведскую кампанию 1741 года ни один корабль не смог выйти из гавани, а в 1742 году эскадра не решилась атаковать шведский флот, хотя превосходила его по числу кораблей [Ключевский, 1989, с. 285–286]. Но главное несчастье состояло в невозможности избавиться от крепостного права.

В общем, «модернизационные успехи» Петра больше напоминают «прыжок на месте», совершенный с демонстрационной целью, в порядке исторического самоутверждения. И это сработало, легче жить иллюзиями: Россия поверила в свои потенциальные возможности. Правда, вся мощь этой веры вылилась в поклонение, в преклонение перед преобразующей ролью Государства. Культ

Петра составил интегральную часть нашей «культуобразной» политической культуры. Порой это приобретало немислимые, казалось бы, идолопоклонческие формы. Перефразируя Ключевского, можно сказать, что вместо единодержавия мы всякий раз получали «единорожие» [там же, с. 381]. Последнее, как ни удивительно, и поныне вызывает почтение, причем не только у нас.

Стоит, однако, напомнить: в свое время О. Шпенглер писал, что Петр Великий сделался «злым роком русскости». Основав Петербург, он инициировал процесс втискивания «примитивной русской души вначале в чуждые формы высокого барокко, затем Просвещения, а затем — XIX столетия» [Шпенглер, 1998, с. 197]. Это вряд ли стоит называть «консервативной модернизацией», что делают некоторые исследователи. Это была *псевдоморфоза* — насильственное нарушение естественного течения исторической жизни.

В свете этого феномена становятся понятны и причины отторжения народа от петровских деяний. И дело не только в упрямых старообрядцах и заскорузлых боярах. Сказались колоссальные жизненные тяготы, придавившие народ во имя неведомой ему цели. Отсюда и домыслы о царе-самозванце, выросшие до сказаний о царе-антихристе. Происхождение их вполне понятно. Правитель, заставлявший бороды брить, платье немецкое носить, табак курить, не мог быть «своим» — его подменили немцы. В свою очередь, для церковной среды царь, повелевший вести летоисчисление не от сотворения мира, а от рождения Христа, а новый год отмечать не 1 сентября, а 1 января, не мог быть православным. Подобные интерпретации деяний Петра, вызывавшие тревожные слухи о гибели благочестия и наступлении последних времен, не могли не породить легенды о царе-антихристе.

Тем не менее дело Петра восторжествовало: сказалось влияние высших классов, приученных к *рациональному* образу мысли. Осталось задуматься лишь о «цене» петровских преобразований. Для Пушкина, который не строил иллюзий на этот счет, Петр всё же был *русской* фигурой *возрожденческого* духа и масштаба Владимира-крестителя. Весьма убедительно пишет об этом В. К. Кантор [Кантор, 2014, с. 67–72]; человеку сугубо западного образа мысли такой подход не вполне понятен.

Примечательно, что вслед за Шпенглером известный финский философ Г. Х. Вригт (по символическому совпадению — шведского происхождения) утверждал, что результатом петровских новаций стало не глубинное преобразование российского общества, а, напротив, возникновение феномена псевдоморфизма — тяжелейшего социокультурного уродства. «История России не полностью синхронизируется с историей Европы, — отмечал он. — Модернизация в России не была результатом органичного совершенствования снизу —

скорее попытками навязать ее сверху незрелому обществу». Петр пожелал пересадить в свою страну знания и практический опыт, не обеспеченные эндогенными потребностями и навыками. Можно назвать петровские реформы «модернизацией без просвещения». «Взгляд на историю России от Петра до Ленина как на псевдоморфоз преждевременной западнизации кажется мне в основном корректным» [Вригт, 2000, с. 99, 247–248], — заключил Вригт.

Хочется напомнить: в 1917 году Петра I не раз называли «первым большевиком», проклиная (позднее — прославляя) его деяния. Характерно, что известный реформатор православной жизни епископ Уфимский Андрей (Ухтомский) назвал «клеветой на большевиков» утверждения о том, что они якобы «ввели интернационализм в русский обиход»: «...наш Петербург всегда был интернациональным городом, рассадником интернационального “товарищества”, вся старая власть была “антирусская”». Такие представления были весьма распространенными. Миазмы «болотных низов», которые впитал в себя «град Петров», якобы постоянно отравляли российскую действительность. Характерно, что при этом пролетарские поэты вполне по-петровски противопоставляли «старую» и «новую» Россию. «Больше двух столетий основанный на болоте, туманный, чиновный “Питер” был мутным источником, поившим всю необъятную Россию ядом царских “быть по сему”, — писал анонимный большевистский критик. — ...Чиновный Петербург был жандармом “всея Российской империи”». Но всё же у Петербурга, как у Януса, было два лица. «Маска геморроидального зелено-желтого чиновника» — лишь одна из них. А потому в октябре 1917 года «чиновный Петроград превратился в Красную столицу Северной Трудовой Коммуны» [Булдаков, Леонтьева, 2017, с. 139]. Революция смещала и смешивала не только привычные топоры, но и цвета: Ухтомский перешел в старообрядчество.

Конечно, в конвенциональных представлениях о нашей «реформистско-революционной» истории по-прежнему господствуют эмоции. И потому через три столетия после Петра мы всё еще травмированы — то ли самим Петром, то ли петровскими замашками, проглядывающими сквозь его и наши «модернизационные» достижения.

Так что же мы отмечаем, чем гордимся: умением ломать самих себя с помощью революций, а затем выдавать желаемое за действительное? Разве не так было после 1917 года? Так стоит ли безоговорочно превозносить Петра?

Вероятно, тени великих личностей сами по себе порождают стремление делать из нужды добродетель, превращать провалы истории в пики достижений. Даже Ключевский договорился (пусть в дневнике) до утверждения: «Петр — деспот, своей деятельностью разрушил деспотизм, подготовляя сво-

боду своим обдуманым произволом, как его преемники своим либеральным самодержавием укрепляли народное бесправие» [Ключевский, 1968, с. 388]. Звучит очень современно. Что же делать потомкам Петра Великого: неистовствовать в насилии, навязывать благодушный оптимизм, вязнуть в бесправии ради приближения светлого будущего?

Исследователь не должен поддаваться иллюзиям. На мой взгляд, наиболее интересно воспользовался подходом Шпенглера к российской истории известный своим когнитивным бесстрашием философ Сергей Королев. Он, по существу, представил *псевдоморфной* — ненатуральной, противоестественной — всю историю России. Ключевыми псевдоморфозами, иллюстрирующими особый тип российского развития, были: призвание варягов и христианизация, монгольское завоевание, петровские преобразования, большевистский переворот, события 1990-х годов [Королев, 2017, с. 74]. Я не соглашался со своим покойным другом — по крайней мере, применительно к допетровскому периоду российской истории.

Мы живем в мире спутанного воображения и необузданных эмоций. На оценках петровских реформ сказываются и мирное обаяние науки и технологий, и воинственная мощь «дурной» российской энергетики, и притяжение всемирных утопий. В сущности, из сплетения наших мыслей и фантазий, образов и химер воображения, любви и ненависти всякий раз возникает идеализированный образ реальной исторической фигуры. Между тем, как считал Ж.-Ж. Руссо, «Петр обладал талантами подражательными, у него не было подлинного гения» [Мезин, 1999, с. 11]. По мнению Ключевского, «Петр I делал историю, но не понимал ее» [Ключевский, 1968, с. 353]. А мы понимаем, поклоняясь великой тени?

Всю историю, всякое развитие — не только российское — можно представить в виде череды заимствований «извне», причем не только благостных по формам внедрения. Другое дело — российские системные кризисы, которые не всегда и, главное, не в полном объеме соответствуют феномену псевдоморфности. Кризисы могут быть вполне эндогенными, что, однако, облегчает поглощение экзогенных идей, теорий, концептов. Конечно, в случае с «большевизмом» Петра и большевизмом Ленина мы действительно имеем дело с грандиозной псевдоморфозой. Но как это сказалось на последующей истории России/СССР?

Ключевский как-то заметил: «Петербургом Петр зажал Россию в финском болоте, и она страшными усилиями выбивалась из него и потому утрамбовывала его своими костями, чтобы сделать из него Невский проспект и Петропавловскую крепость — гигантское дело деспотизма, равное египетским пирамидам» [там же, с. 392]. Нечто подобное характерно и для сталинской

индустриализации. Но насколько прочными *изнутри* оказались деяния, осуществленные не для народа, а для государства?

Очень многие не без оснований считают, что насаждение современной «западной» модели образования «петровскими» методами произведет антимодернизационный эффект. Да, «племя незнакомое» превращается в недорослей. В этом смысле мы также воспроизводим последствия «западничества» Петра. Модернизацию нельзя подменить имитацией, симулякры не выживают в «природной» среде. Но наши «прогрессивные» эмоции с этим не считаются.

«Неудачливое самодержавие перестает быть законным, — заметил как-то Ключевский. — В этом смысле единственным самодержцем в нашей истории был Петр Великий» [там же, с. 396]. И похоже, мы до сих пор ищем «настоящего» самодержца — на сей раз не только просвещенного, но и демократичного. А Россия по-прежнему остается зыбким «Петра твореньем». Однако не стало ли это анахронизмом?

Итак, о чем мы вспоминаем через 350 лет в связи появления на свет Петра I? Сравниваем его с последующими правителями? Надеемся на «чудо власти»? Грезим о возрождении империи?

На мой взгляд, стоит помнить только об одном: Петр I трудился как никто и мечтал, чтобы так действовали все. Но еще важнее определиться с целью и путями ее достижения. Те ценности и методы ее воплощения, на которые ориентировался Петр, сегодня мало кого могут увлечь.

Список источников

Анисимов Е. В. Держава и топор: Царская власть, политический сыск и русское общество в XVIII веке. М.: НЛО, 2010. 424 с.

Анисимов Е. В. Петр Первый: благо или зло для России? М.: НЛО, 2017. 272 с.

Ахиезер А. С. Труды. М.: Новый хронограф, 2006. 479 с.

Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г. 1917 год. Элиты и толпы: культурные ландшафты русской революции. М.: Историческая литература, 2017. 624 с.

Вригт фон Г. Х. Три мыслителя. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр Блиц, 2000. 254 с.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1985. Т. 21. Письма, 1860–1868. 616 с.

Кантор В. К. Русская классика, или Бытие России. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014. 600 с.

Ключевский В. О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М.: Наука, 1968. 526 с.

Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. М.: Мысль, 1989. Т. 4. Курс русской истории, ч. 4. 398 с.

Королев С. А. Метаморфозы власти. Опыты по микроистории: философские аспекты. М.: Весь мир, 2017. 656 с.

Лиштенант Ф.-Д. Петр Великий. Окно в Европу. Рождение Российской империи. М.: Политическая энциклопедия; Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. 567 с.

Мезин С. А. Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1999. 214 с.

Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 2001. 572 с.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. В 15 кн. М.: Соцэкгиз, 1962. Кн. 7. 726 с.

Усенко О. Г. Сумасброднейший собор // Родина. 2005. № 2. С. 61–67.

Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М.: Мысль, 1998. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. 606 с.

References

Akhiezer, A.S. (2006) *Trudy [Works]*. Moscow: Novyi khronograf Publ.

Anisimov, E.V. (2010) *Derzhava i topor: Tsarskaya vlast', politicheskii syisk i russkoe obshchestvo v XVIII veke [The Power and the Axe: Tsarist Power, Political Investigation and Russian Society in the 18th Century]*. Moscow: NLO Publ.

Anisimov, E.V. (2017) *Petr Pervyi: blago ili zlo dlya Rossii? [Peter the Great: Good or Evil for Russia?]*. Moscow: NLO Publ.

Buldakov, V.P., Leont'eva, T.G. (2017) *1917 god. Elity i tolpy: kul'turnye landshafty russkoi revolyutsii [1917. Elites and Crowds: Cultural Landscapes of the Russian Revolution]*. Moscow: Istoricheskaya literature Publ.

Dostoevskii, F.M. (1985) *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh. Tom 21: Pis'ma, 1860–1868 [Complete Works: in 30 vols. Vol. 21: Letters, 1860–1868]*. Leningrad: Nauka Publ.

Kantor, V.K. (2014) *Russkaya klassika, ili Bytie Rossii [Russian Classics, or the Existence of Russia]*. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ; Universitetskaya kniga.

Klyuchevskii, V.O. (1968) *Pis'ma. Dnevnik. Aforizmy i mysli ob istorii [Letters. Diaries. Aphorisms and Thoughts about History]*. Moscow: Nauka Publ.

Klyuchevskii, V.O. (1989) *Sochineniya: v 9 tomakh. Tom 4: Kurs russkoi istorii, chast' 4 [Essays: in 9 vols. Vol. 4: Course of Russian history, part 4]*. Moscow: Mysl' Publ.

Korolev, S.A. (2017) *Metamorfozy vlasti. Opyty po mikroistorii: filosofskie aspekty* [Metamorphoses of Power. Experiments on Microhistory: Philosophical Aspects]. Moscow: Ves' mir Publ.

Lishtenan, F.-D. (2021) *Petr Velikii. Okno v Evropu. Rozhdenie Rossiiskoi imperii* [Peter the Great. A Window to Europe. The Birth of the Russian Empire]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya; Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.

Mezin, S.A. (1999) *Vzglyad iz Evropy: frantsuzskie avtory XVIII veka o Petre I* [A View from Europe: French Authors of the 18th Century about Peter I]. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta.

Milov, L.V. (2001) *Velikorusskii pakhar' i osobennosti rossiiskogo istoricheskogo protsessa* [The Great Russian Plowman and the Peculiarities of the Russian Historical Process]. Moscow: ROSSPEN Publ.

Solov'ev, S.M. (1962) *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen: v 15 knigakh. Kniga 7* [The History of Russia since Ancient Times: in 15 books. Book 7]. Moscow: Sotsekgiz Publ.

Spengler, O. (1998) *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoi istorii. Tom 2: Vse-mirno-istoricheskie perspektivy* [The Decline of Europe. Essays on the Morphology of World History. Vol. 2: World-historical Perspectives]. Moscow: Mysl' Publ.

Usenko, O.G. (2005) 'Sumasbrodneishii sobor' ['The Craziest Cathedral'], *Rodina*, 2, pp. 61–67.

Vrigt, G.Kh. fon (2000) *Tri myslitelya* [Three Thinkers]. St. Petersburg: Russko-Baltiiskii informatsionnyi tsentr Blits.

Информация об авторе: В. П. Булдаков — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН. Адрес: Российская Федерация, 117292, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19.

Information about the author: V. P. Buldakov — DSc in History, Chief Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. Address: 19 Dmitry Ulyanov Str., Moscow, 117292, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.03.2022;
одобрена после рецензирования 02.05.2022;
принята к публикации 03.06.2022.

The article was submitted 01.03.2022;
approved after reviewing 02.05.2022;
accepted for publication 03.06.2022.

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 2. С. 62–79.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2022. Vol. 5, no. 2. P. 62–79.

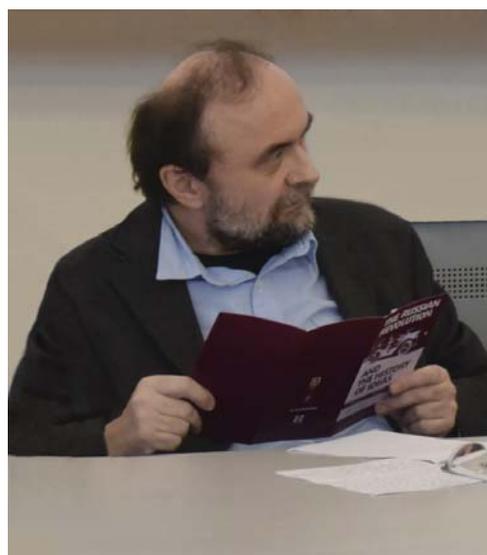
Научная статья / Original article

УДК 1(091)

doi:10.17323/2658-5413-2022-5-2-62-79

ПАРАДОКС КАФФИ

Славомир Мазурек
Институт философии и социологии
Польской академии наук,
Варшава, Польша,
noktomir@gmail.com

 Аннотация. Редакция предлагает нашим читателям перевод статьи известного польского философа Славомира Мазурека, посвященной анализу творчества оригинального итальянского мыслителя Андреа Каффи (1887–1955), родившегося и воспитанного в России, учившегося в Германии и прожившего большую часть жизни во Франции.

 Ключевые слова: Андреа Каффи, триадическая концепция социума, мещанское общество, личность и коллектив, пацифизм, парадокс Каффи

 Ссылка для цитирования: Мазурек С. Парадокс Каффи // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 2. С. 62–79. <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2022-5-2-62-79>.

© Мазурек С., 2022

© Беспалов А., перевод на русский язык, 2022

Europe and Russia: Paradoxes of Kinship

THE CAFFI PARADOX

Sławomir MazurekInstitute of Philosophy and Sociology
of the Polish Academy of Sciences,
Warsaw, Poland,
noktomir@gmail.com

Abstract. The journal offers our readers the translation of the article, written by the famous Polish philosopher Sławomir Mazurek, devoted to the analysis of the work of the original Italian thinker Andrea Caffi (1887–1955), who was born and raised in Russia, studied in Germany and lived most of his life in France.

Keywords: Andrea Caffi, Triadic concept of society, Philistine society, personality and collective, pacifism, the Caffi Paradox

For citation: Mazurek, S. (2022) 'The Caffi Paradox', *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 5(2), pp. 62–79. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2022-5-2-62-79.

Андреа Каффи (1887–1955) гораздо менее известен, чем Никола Кьяромонте, который считал его своим учителем. Между тем интеллектуальное наследие этого итальянского интеллектуала, родившегося и воспитанного в России, заслуживает внимания по крайней мере по нескольким причинам — равно как и его неординарная личность и достойная отдельного исследования биография. Творчество Каффи представляет собой явление с пограничья общественной мысли, политической философии и философской публицистики. В тех или иных его трудах эти составляющие присутствуют почти всегда, хотя и в разных пропорциях. Мысль Каффи является оригинальной реакцией на кризис культуры в XX веке — и столь же оригинальной попыткой противодействия ему. Она не перестает поражать своей актуальностью: порой складывается впечатление, что сегодня некоторые из его тезисов еще более верны, чем в тот момент, когда они были сформулированы: семьдесят лет назад или еще раньше. Для польского исследователя немаловажен тот факт, что итальянский мыслитель хорошо знал польскую культуру и свои рассужде-

ния по более широким вопросам довольно часто иллюстрировал примерами из истории Польши. Если же он, как автор этих слов, интересуется вдобавок русской мыслью, то творчество Каффи даст ему исключительно благодарный материал для рассуждений о взаимных влияниях. Тому, кто знаком с русской мыслью, сложно при чтении Каффи не распознать в его рассуждениях характерные для русской философии идеи, пусть и в переработанном виде. Их слабые, но всё же узнаваемые контуры дают о себе знать словно под поверхностью его мысли. Их выявление помогает понять Каффи, хотя и не является необходимым и не оказывает решающего значения на направление интерпретации.

Да и сама биография Каффи — может быть в еще большей степени — вызывает ассоциации с жизнью ряда российских философов-эксцентриков, о которых итальянский автор, несомненно, слышал (а с некоторыми мог даже и контактировать лично до революции). Речь идет о Соловьеве, Розанове и особенно Федорове. Впрочем, это относится ко второму, менее бурному этапу его жизни. Каффи родился в Петербурге в семье итальянских эмигрантов, учился в экспериментальной «реформированной школе», о которой годы спустя отзывался как о крайне успешном примере гуманитарной педагогики. Специфической чертой этого учебного заведения, функционировавшего как-никак в условиях самодержавной монархии, было игнорирование общественных различий — оно было открыто для всех учеников, независимо от национальности, класса и общественного положения родителей. Как и многие русские молодые люди с интеллектуальными амбициями, Каффи учился в Германии, откуда вернулся в Россию, чтобы участвовать в первой революции, что окончилось для него двумя годами тюремного заключения. После начала мировой войны он пошел добровольцем во французскую армию, затем был призван в итальянскую. В бою себя не жалел и был дважды ранен. Снова оказавшись в России, принял участие в революции 1917 года, работал в бюро Коминтерна, но вскоре прогневал большевиков и оказался в тюремной камере на Лубянке. Окончательно покинул Россию в 1923 году и после трехлетнего пребывания в Италии, где укоренился фашизм, эмигрировал во Францию, чтобы остаться там до конца жизни. Именно во Франции он начал вести жизнь одинокого интеллектуала-аскета, сосредоточенного на вопросах духа, полностью игнорирующего материальную сторону существования и достаточно последовательно отвергающего возможности стабилизации, даваемые всё еще многочисленными друзьями из разных кругов. Можно сказать, что о нем, человеке без собственного дома (как Соловьев), щедром, несмотря на нищету (как Федоров), забыли — особенно после войны. Каффи был редактором нескольких журналов и со многими

сотрудничал. Среди них мы найдем издания, имеющие историческое значение — римский *Tempo Presente*, нью-йоркский *Politics* — равно как и нишевые однодневки. Наиболее важные из его разрозненных текстов вошли в два сборника: *Scritti politici* с предисловием Джинны Бьянко (1970) и *Critica della violenza* с предисловием Никола Кьяромонте¹ (1966). В первом оказались работы публицистического характера, комментарии к текущим событиям, а во втором — более теоретические рассуждения. По мнению Кьяромонте, мысль Каффи имеет крайне несистемный, фрагментарный характер и тем самым полностью отражает личность автора.

Тем не менее мы постараемся эту мысль если не систематизировать, то хотя бы упорядочить, пусть даже и вопреки намерениям ее автора. Ведь и сам Кьяромонте, в конечном итоге, выявлял у Каффи одну ведущую идею. Мы убеждены, что эта идея — и данная позиция не противоречит интерпретации Кьяромонте, хотя и несколько отличается от нее — состояла в видении свободного, живого сообщества, в которой отдельная личность в гармонии с коллективом обретала бы возможность более полного, чем где бы то ни было, развития. Это сообщество, согласно Каффи, имело много черт русской соборности с тем отличием, что эта соборность была бы основана не на религиозной и традиционной, а на гуманистической почве. Однако это отличие менее существенно, чем кажется, особенно, если принять во внимание тот факт, что в XX веке и русские мыслители (Вышеславцев, Франк, Гессен) видоизменяли идеал соборности и, как минимум, частично его обмирщали, стараясь при этом сохранить его изначальный дух. Хотя Каффи ни в одном из известных мне текстов не ссылается на славянофилов, с которыми он, впрочем, мог и не быть знаком, двигался в том же направлении, что и преобразовавшие их идеал мыслители Серебряного века. Его представление о живом сообществе находит свою основу в убеждении о неразрывной, органичной связи личности с коллективом, столь тесной, что вопрос о том, кому принадлежит приоритет — личности или коллективу, оказывается совершенно лишен смысла². С одной стороны, конкретна личность, с другой же — ее невозможно представить себе в отрыве от коллектива, который неустанно воспроизводит себя, вступая во взаимодействие с другими, влияя на них и подвергаясь их влиянию (коллектив играет свою позитивную роль даже в бунте личности против коллектива)³. Залогом

¹ Ср. N. Chiaromonte, *Andrea Caffi* [в:] idem, *Granice duszy*, Warszawa 1996.

² Ср. A. Caffi, *Individuo e società* [в:] idem, *Critica della violenza*, Roma 2017 [ниже обозначается сокращением: Cv], с. 31, 35.

³ Ср. A. Caffi, *Società e gerarchia* [в:] Cv, с. 66.

счастья личности, сводящегося к максимально полной актуализации ее потенциала, являются ее гармоничные отношения с коллективом⁴. В реально существующих сообществах они почти всегда далеки от этой гармонии; дисгармония, противоречия, напряженность присутствуют в них даже там, где об их присутствии не подозревали даже ведущие мастера подозрения. Например, всегда дает о себе знать противоречие между экономической практикой и действующими нормами морали, а, следовательно, вопреки Марксу, даже в стабильном капиталистическом обществе нет согласованности между «базисом» и «надстройкой». Создание подлинного сообщества является целью правильно понятого, нацеленного на освобождение социализма. Однако здесь мы не сможем ответить на вопрос, какими чертами должно, по мнению итальянского мыслителя, характеризоваться такое сообщество. Мы коснемся этого, обсуждая представленные им диагнозы кризиса современности, предложенные способы противодействия ему и средства создания подлинного сообщества. Такой метод представляется наиболее удобным в связи с тем, что определенные категории, являющиеся ключевыми для понимания социального идеала Каффи, также оказываются важными звеньями его исторического диагноза.

Можно по-разному классифицировать столь многочисленных в XX веке катастрофистов, пессимистов и диагностов кризиса цивилизации, в том числе основываясь на том, находили ли они в прошлом аналогии для тех событий, свидетелями которых были. Некоторые из них стремились подчеркнуть значение современных событий и найти ключ к ним, сравнивая их с уже описанными великими историческими потрясениями. К этой категории можно отнести среди прочих Шпенглера и Тойнби (к которому Каффи относился несколько иронически). Сам Каффи принадлежал к другой, менее многочисленной группе авторов, считавших кризис современности беспрецедентным. Середина XX века, когда Каффи окончательно оформляет свои диагнозы, имея возможность охватить взором несколько бурных десятилетий, свидетелем которых он был, — это, по его оценке, пост-демократическая и пост-мещанская эпоха. Обе эти характеристики, сообщая нечто важное, тем не менее, могут ввести в заблуждение, так как, по мнению Каффи, подлинной демократии в современной Европе никогда не было, а правление мещан было скорее исключительным явлением. Да, существовало мещанское общество, но и оно уже относится к прошлому. «[...] После 1918 года ни в одной стране, включая и Соединенные Штаты, нет экономической системы, общественных зависимостей, политической власти, которые можно было бы обоснованно квалифицировать как “ме-

⁴ Ср. *ibidem*.

щанские”, отождествляя это с реализацией, пусть бы и в общих чертах, того, что провозглашалось в англо-саксонских и французских “декларациях прав” [...]»⁵. Однако исключительность нашего времени определяется не его переходным характером, — переходные эпохи вовсе не редкость (к примеру, такой эпохой был протокапитализм, который пришел на смену феодализму, окончившемуся гораздо раньше, чем принято считать — уже в XIII веке), — а невероятным масштабом осуществляемого в наше время насилия. «В восемнадцатом веке и на протяжении значительной части девятнадцатого, несмотря на всеобщий призыв, введенный французской революцией, насилие применялось лишь в исключительные моменты или в ограниченных сферах: по сути, оно было делом профессионалов; многие полагали, что человечество идет к ограничению его интенсивности и гуманизации. Лишь после 1914 года мы вступили в эпоху тотального насилия, без различия и без передышки»⁶.

Чтобы правильно понять смысл этого утверждения, мы должны внимательнее изучить рассуждения Каффи о современных социальных преобразованиях. Исходным пунктом итальянского мыслителя является утверждение, «[...] не столь наивное с социологической точки зрения, как могло бы показаться сторонникам марксизма [...]»⁷, о том, что в социуме можно выделить три основных «класса» — конечно, не в марксистском смысле — власть, народ и общество (*la società*). В любом социуме, иными словами, есть правители, огромная масса рабочих, имеющих, по выражению Прудона, только право «молиться и платить», и группа людей, свободных, хотя бы в какой-то степени, от материальных забот, дистанцирующихся как от власти, так и от народа. Триада концепция социума не была оригинальной идеей Каффи, он признавал, что заимствовал ее из русской публицистики XIX века. В XX веке в этой триада концепции конфигурации произошли значительные «сдвиги», связанные с трансформациями отдельных «классов». Рассмотрим каждый из них подробнее.

В отличие от известного социолога Вильфредо Парето, исследовавшего механизмы циркуляции элит, Каффи не считает управление другими самым благородным человеческим призванием, а потому последовательно отказывает политическому классу в звании элиты. Правящие другими могут иметь добрые намерения, однако, находясь во власти настойчивого стремления к достижению поставленных целей — «правление является заняти-

⁵ A. Caffi, *Borghesia e ordine borghese* [В:] idem, Cv, с. 180.

⁶ A. Caffi, *Critica della violenza* [В:] idem, Cv, с. 72.

⁷ A. Caffi, *Individuo e società*, op. cit., с. 36.

ем увлекательным»⁸ — игнорируют субъектность «подданных». Потому они представляют собой пример неправильно понятой ответственности, а их литературным прототипом следовало бы признать Великого Инквизитора из «Братьев Карамазовых»⁹. Обретя политическую власть, они имеют в своем распоряжении колоссальный аппарат насилия современного государства (созданный, собственно говоря, при участии социал-демократов и с мыслью об улучшении положения трудящихся классов), который может быть использован в любых целях. Технический прогресс привел лишь к совершенствованию этой зловещей машины; она стала столь мощной, что в непосредственном столкновении с ней личность («рядовой гражданин») обречена на поражение, что, впрочем, не означает, что у нее нет никаких возможностей для успешного сопротивления. Если прибавить к этому техники манипулирования массами, не ограничиваясь пропагандистским аппаратом, становится понятным утверждение Каффи о том, что мы имеем дело с «[...] уже тоталитарным государством под вывеской “демократии” [...]»¹⁰. Хотя Каффи, как уже было сказано, считал 1914 год поворотным моментом в истории европейцев, прототипы централизованного бюрократического государства и тоталитаризма, будь то явного или скрывающегося под фасадом демократии, он искал в более далеком прошлом. Явно авторитарный и протототалитарный характер — в отличие от многих других исследователей политики, у итальянского автора нет жесткого противопоставления авторитаризма и тоталитаризма, он видит между ними отличие скорее количественное, чем качественное — имели уже республиканская конституция VIII года и режим Наполеона I. То же можно сказать и о Католической Церкви — современное государство, стремящееся к подчинению себе всех сфер жизни, выдвигает такие же претензии, как и Церковь в Средние века. Впрочем, суждение Каффи о Церкви, несмотря на всю критику, не ограниченную никакой самоцензурой, не было столь прямолинейным. Например, он обращал внимание на то, что в прежние времена иезуитское образование, в отличие от современного государственного, было инструментом не только индоктринации, но и передачи подлинных ценностей культуры. Это подтверждает тот факт, что именно из иезуитских школ вышли великие деятели Просвещения, включая Вольтера.

Государство противопоставляет себя как народу, так и обществу, однако его главным коллективным «коррелятом» является народ — просто потому,

⁸ Idem, с. 40.

⁹ Idem, с. 36.

¹⁰ A. Caffi, *I ragionamenti di Koestler* [в:] idem, *Scritti politici*, Firenze 1970, с. 368.

что (похоже, об этом Каффи не пишет) оно может прекрасно обойтись без общества и очень часто стремится к тому, чтобы его сократить, но если бы исчез народ, оно бы потеряло возможность и смысл своего существования. Ведь государство существует для того, чтобы угнетать народ, обеспечивающий его существование. Всё творчество Каффи проникнуто глубочайшим сочувствием к народу, которого из века в век «подавляет» (*schiacciare*) власть. Хотя в этом сочувствии и нет мартирологических и христологических акцентов, оно вызывает ассоциации с установкой, распространенной в русской литературе XIX века и легко передается читателю, что свидетельствует об искренности чувств итальянского автора. Условиям жизни народа нельзя позавидовать: с давних пор его принуждают работать, по сути, даром, но сам он даром не получает ничего; в духе покорности его воспитывают Церковь и открыто призывающие к отречению от себя религиозные секты наподобие Свидетелей Иеговы и методистов; и сомнительное утешение он мог искать лишь в том, что его положение, не меняющееся веками, хотя бы не может ухудшиться. Однако преобразования современного социума доказали, что и это возможно. Такое невыгодное изменение его положения произошло на фоне промышленной революции и развития современного капитализма, повлекших за собой превращение народа в массу. Не до конца выяснен вопрос о том, как масса соотносится с пролетариатом — взаимозаменяемы ли для Каффи эти понятия или же они не синонимичны: масса наверняка является более широким понятием, чем пролетариат у Маркса, и уже заняла место народа. Она представляет собой продукт происходящих одновременно разрушения традиционных общин, материальной пауперизации и культурной депривации, однако именно последняя оказывается решающим фактором. Условное, а в современных обществах даже более чем условное улучшение материальных условий масс — например, в результате социал-демократической социальной политики, по сути ничего не меняет в их положении: даже не потому, что после распада традиционных общин они остаются скопищем атомизированных личностей, а потому, что вместе с разрушением этих общин эти личности утратили связь с культурой. В прошлом они участвовали не только в народной культуре, которую Каффи не склонен идеализировать, но также имели прямой доступ к высокой культуре. Разделение на высокую и популярную культуру — относительно новое, в домодерную эпоху оно было неизвестно: великие мастера барокко и даже классицизма адресовали свои творения представителям всех сословий, в том числе плебса. Мерой культурной депривации народа, превращающегося в массу, служит вырождение подлинных праздников, ликвидирующих социальные барьеры, позволяющих народу интегрироваться с другими слоями социума; праздни-

ков, в ходе которых он является не пассивным зрителем, как на спортивном матче, но, как во времена римских сатурналий, соучастником и соделателем происходящего. Сколь достойным сожаления представляется Каффи положение масс, отрезанных от культуры, мы в полной мере осознаем лишь тогда, когда он приводит мнение Т. С. Элиота, который в *Notes Toward a Definition of Culture* определяет культуру «как то, благодаря чему жизнь стоит прожить»¹¹. Следовательно, жизнь масс и каждой растворенной в них личности оказалась бы лишена ценности, если бы было невозможно — по крайней мере, для личности — подняться над массой и вновь обрести связь с культурой. Однако из рассуждений Каффи неопровержимо следует, что хотя эту связь можно утратить и эту утрату невозможно компенсировать никакими средствами, всегда есть шанс обрести ее заново — потеря никогда не бывает необратимой.

В свою очередь, третий элемент социальной конфигурации — общество — является коллективом, который никогда не теряет связи с культурой. Оно, собственно говоря, и не может ее утратить, так как поддержание этой связи является одной из конституирующих черт общества, и потеряв ее, оно попросту перестало бы существовать. Доступ к высокой культуре не только отличает его от народа/массы, но и от «элит» власти, связь которых с культурой проблематична, особенно потому, что в современном мире культура, настроенная обычно субверсивно, пребывает в постоянной оппозиции власти. Общество состоит из лиц, «[...] которые не могут и не хотят ни приказывать, ни слушать [...]»¹², настолько богатых или, как сам Каффи, насколько равнодушных к собственной бедности, что они могут позволить себе отдаться собственным интеллектуальным и эстетическим страстям. Члены общества функционируют вне экономической системы, отношения между ними никак с ней не связаны — с этой точки зрения они воистину «бескорыстные» и, вследствие этого, аутентичные и характеризующиеся беспечностью, которой мы не находим в других кругах. Его характерными чертами являются критика в отношении власти, за которой внимательно следят, выискивая проколы и злоупотребления, а также сострадание к несправедливо обиженным, но вместе с тем и дистанция в отношении народа, свидетельствующая о чувстве превосходства. Следовательно, общество не может рассчитывать на симпатию с чьей-либо стороны: народ и власть объединяются в своей неприязни в отношении к нему: для власти оно является шайкой потенциальных заговорщиков, для народа же — сборищем чудаковатых бесполезных дармоедов. Добавим, что он критически относится

¹¹ A. Caffi, *Stato, nazione e cultura* [в:] idem, Cv, с. 130.

¹² A. Caffi, *Nazione e stato* [в:] idem, Cv, с. 157.

ко всем авторитетам, в том числе религиозным — Каффи реабилитирует сознательный атеизм, продиктованный высшими побуждениями, который, по его мнению, заслуживает не меньшего уважения, чем мистицизм. Характерной для общества тенденцией является интерес к внешнему миру, ко всему иностранному, иными словами, ксенофилия и неразрывно связанный с ней космополитизм. По отношению к этому в рамках самого общества господствует терпимость, в нем встречаются на равных люди с разными взглядами и из разных кругов. Разумеется, есть у него и характерные недостатки, чего Каффи не скрывает: здесь процветают снобизм и переменчивая мода; безусловно, не все его члены одинаково ценные индивидуумы. Однако всё это теряет значение по сравнению с его основным достоинством, о котором мы так и не сказали: оно является примером спонтанного, живого сообщества, в котором царит свобода, а личность самореализуется в гармоничных отношениях с другими. Также мы могли бы сказать, оговорившись, что сам Каффи никогда не пользовался таким определением, что оно представляет собой реализацию идеала *соборности*. Давать подобную интерпретацию позволяет хотя бы то, что Каффи считает общество социальной средой, которая исключительно способствует благородству поведения и чувств, позволяя личности проявить самое ценное в себе и вместе с тем раскрывая ее самые лучшие черты. «Позволю себе сказать, что лишь в обществе [...] можно встретить примеры подлинного героизма (а не суррогата, порожденного воинской дисциплиной); подлинной святости (которая очень отличается от экзальтации, руководимой магией, догматами, полезными суевериями); подлинной мудрости (которая совершенно отличается от приспособления к неизбежному); и, наконец, подлинной любви [...]»¹³.

Определенной слабостью представленной Каффи характеристики общества, по поводу которой, впрочем, сложно иметь к нему какие-то серьезные претензии, учитывая, что его рассуждения носят эссеистический, а не строго научный характер, является неясность в отношении того, как и это понятие, и эта общественная категория соотносятся с двумя другими, несомненно, родственными: интеллигенцией и элитой. Как признает итальянский мыслитель, само слово *società* в используемом им значении заимствовано из русского языка. Каффи не указывает, о каком русском слове идет речь, но можно догадаться, что это и есть, собственно, «общество». Мы знаем наверняка (итальянский мыслитель прямо это утверждает), что общество не является экономическим классом, но не стоит его путать и со средним классом, элитой в понимании Парето или так называемой политической элитой. Остается не до конца по-

¹³ A. Caffi, *Società, „elite” e politica* [в:] idem, Cv, с. 117.

нятным его отношение к интеллигенции. Русская интеллигенция, которая у Каффи представлена в безусловно выгодном свете — в отличие, например, от авторов «Вех» — наверняка является одним из исторических примеров общества. Однако кажется, что Каффи идет дальше и готов отождествлять с обществом интеллигенцию в широком смысле. Отсюда можно было бы сделать вывод, что интеллигенция, вопреки Тойнби, является не феноменом, характерным для модернизирующихся периферийных социумов, а обязательной составляющей любого — по крайней мере, любого здорового — социального организма. Столь же неопределенным остается взаимоотношение между *обществом* и *подлинной элитой*. Известно, что между ними сохраняется тесная связь, однако Каффи не ставит точки над *i*, и, как следствие, мы не знаем, идентично ли для него общество подлинной элите или же элита представляет собой самую ценную его часть.

Пожалуй, эти сомнения не развеивают в множестве приводимые им современные и исторические примеры общества, в иных отношениях достойные внимания и помогающие интуитивно ухватить, что же в конечном итоге Каффи понимает под обществом. Черты общества имело многонациональное и многоконфессиональное содружество учеников петербургской реформированной школы. Многие годы спустя Каффи немедленно распознавал ее воспитанников, где бы их ни встретил: по только им одним видимым особенностям воспитания и языка. Непревзойденным, более того, парадигматическим примером общества являются интеллектуальные салоны Франции XVIII века, которые сыграли эпохальную роль в процессе эмансипации населения Европы. Собственно говоря, они продолжают играть ее до сих пор, поскольку свобододлюбивая традиция Просвещения имеет непреходящую ценность. Порождением общества XVIII века, дающим хорошее представление о его стремлениях и царившем в нем духе, является роман той эпохи с его героем вроде Тома Джонса или Жюльена Сореля, критически относящимся к существующим социальным отношениям. Не нужно уточнять, что он оказался гораздо более живучим, чем породившая его среда, современное описание которой можно в свою очередь найти в вольтеровском «Видении Бабука» (*Vision de Babouc*).

Историческим примером общества, который не без удовольствия приводит Каффи, также является польская шляхта XVIII века и вышедшие из нее романтические революционеры. И здесь можно говорить о восхищении, однако несколько иного рода, ибо в данном случае оно смешано с недоверием, которое обычно вызывается явлениями не до конца понятными. Одним из таких явлений является небывалый расцвет общества в полностью дисфункциональном — как бы сказали сегодня, «недееспособном» — государстве, каковым

была тогдашняя Речь Посполитая. «Везде непорядок и крайняя нужда. Однако же шляхта, привычная ко всякому жалкому выклянчиванию, недисциплинированная, глупая, являла собой нечто достойное восхищения, встречаясь на пирах и балах в гостеприимных замках, отправляясь в дерзкие походы, развязывая абсурдные гражданские войны, либо же рассуждая о неизменных принципах свободы, чести и христианского братства. Было в этом что-то, благодаря чему невозможно не ценить польскую анархию больше “справедливости” и “безопасности” под прусской, австрийской или русской властью»¹⁴. Убежденность в том, что шляхта была подлинным обществом, находит подтверждение в свершениях поколения польских романтиков, которые были во многих смыслах ее наследниками. Общество кроет в себе огромный ресурс витальности и творческой энергии, которые проявляются в благоприятных обстоятельствах, причем наиболее «благоприятными» часто оказываются обстоятельства на первый взгляд совершенно иного характера. Беспрецедентная активность польских романтиков на поприще революционной деятельности и художественного творчества как раз была таким выплеском «ресурсов», накопленных шляхтой в ее жарких спорах. Каффи так высоко ценил польский романтизм, и ему столь чуждо представление о «второсортности» польской культуры, что Словацкого он причисляет к самому узкому кругу выдающихся творцов эпохи романтизма и ставит его в один ряд с Гегелем, Стендалем и Кьеркегором¹⁵. Впрочем, эту необычайно высокую оценку общества в Польше в какой-то степени уравнивает одна характерная черта, на которую он обращает внимание: при всем своем впечатляющем расцвете оно, в отличие от французского, долгое время оставалось безразличным к угнетению низших социальных слоев.

Так мы подходим к вопросу, имеющему фундаментальное значение, а именно к вопросу о задачах и миссии общества. Здесь итальянский автор предельно четок: миссия общества состоит в эмансипации народа без претензий на власть. Это хорошо понимала дореволюционная русская интеллигенция, которая никогда не воспринимала себя как будущий правящий класс. В обществе сталкиваются различные представления о ходе будущей эмансипации, различия же определяются степенью субъектности, которую различные сегменты общества готовы признать за народом: от дружелюбного, но также ригористического патернализма через идею самоэмансипации народа после создания подходящих для этого условий до видения инкорпорации обще-

¹⁴ A. Caffi, *Società e gerarchia*, op. cit., с. 60–61.

¹⁵ Ср. A. Caffi, *I ragionamenti di Koestler*, op. cit., с. 365.

ства освобожденным народом. О том, каким путем сам Каффи хотел идти к освобождению народа, мы поговорим позже. Пока ограничимся констатацией того, что, по его мнению, абсолютно необходимо удерживать общество от претензий на власть. Это — добавим от себя — совершенно понятно, хотя бы потому, что оно определяет себя через противопоставление власти и не может занять ее место, не дезориентировавшись и не утратив своей идентичности. В данном случае для Каффи важнее теоретических рассуждений был конкретный исторический опыт, показывающий, что общество, идя на компромисс с буржуазией и всякой властью вообще, подвергается эрозии. «Компромисс с государственно-националистически-капиталистическим аппаратом управления (поначалу, возможно, искренний, затем неминуемо продиктованный трусостью) как бы наносит обществу смертельную рану: в конечном итоге, после серии наивных попыток снова привлечь на свою сторону народ, его добивает лавина масс»¹⁶. Однако гибель обществу — вернее, его конкретным воплощениям, поскольку как определенный тип сообщества оно представляет собой надвременное явление, — может принести не только компромисс с властью. Случается так, что оно перестает существовать в результате вмешательства грубой силы, революционного террора или военных потерь. Европейское общество полностью распалось по итогам двух мировых войн.

Теперь, после того как мы реконструировали размышления Каффи о природе и судьбах трех основных элементов социальной конфигурации, можно попробовать синтетически, но точно воссоздать диагноз предложенного им кризиса современности. Он сводится к беспрецедентному разрастанию власти при одновременной атрофии общества и трансформации народа в массу, что равнозначно далеко зашедшей деформации базовой схемы «власть — общество — народ». В зависимости от того, как мы желаем интерпретировать процесс превращения народа в массу — считаем ли мы, что масса заменяет собой народ, либо же что возникновение массы, главным, хотя не единственным субстратом которой является народ, не влечет за собой полного растворения народа в массе — мы будем иметь дело с коренным преобразованием одного из элементов этой базовой конфигурации или с появлением в ней новой составляющей. Однако появление массы будет всегда означать фундаментальную угрозу для человечества.

Какой же ответ на извечный вопрос всех «исправителей» мира — «что делать?» — дает ввиду всего этого итальянский мыслитель, ни на миг не открепившийся от левой политической традиции, но полностью осознающий,

¹⁶ Ср. А. Caffi, *Società, „elite” e politica*, op. cit., с. 116.

в каком критическом положении она оказалась в результате собственных ошибок? Прежде всего, напоминает он, бывают периоды, когда возможности действия крайне ограничены, однако это всегда имеет переходный характер. В данный момент отсутствуют перспективы быстрой перестройки мира и социума, однако это не должно подталкивать левых к отказу от всякой надежды. История социализма имеет циклический характер. Она знает четыре фазы, каждая из которых начиналась идеалистическим порывом, а кончалась поражением — от Французской революции до «Весны народов», от Первого интернационала до Парижской коммуны, от конца XIX века до начала Первой мировой войны и от большевистской революции до предсказуемого крушения советского коммунизма. Четвертая фаза продолжается, но ее конец уже близок. Поэтому нужно уже сегодня предпринять действия по возрождению левой традиции, на сей раз в недеформированном виде, что положило бы начало пятой фазе. В первую очередь, необходимо отказаться от насилия, как из практических, так и из принципиальных соображений. Современное государство располагает столь развитым и эффективным аппаратом контроля, что обратившиеся к революционному насилию обрекают себя на поражение. Однако прежде всего применение насилия недопустимо в связи с тем, что оно противоречит принципам того сообщества, к которому мы стремимся, а именно универсального, общечеловеческого общества. Крайне оригинальным элементом позиции Каффи, который много говорит о его личности, является последовательный пацифизм, который легко можно было бы принять за еще одно доказательство русского влияния, если бы сам Каффи не считал его очередным бесценным творением эпохи Просвещения, относя источники своего пацифизма к XVIII веку. Выбор в пользу пацифизма вынудил итальянского мыслителя вести полемику с аргументами Симоны Вейль и непосредственно с Артуром Кёстлером. Вопреки утверждениям Вейль, пацифизм является вовсе не подозрительным с нравственной точки зрения продуктом инстинкта самосохранения (страха смерти), желающим казаться проявлением благородного этического идеализма, а глубоко гуманистическим проявлением солидарности с чужим страхом смерти (мы все в одинаковой мере не хотим умирать)¹⁷. Polemica с Кёстлером имела более частный характер и касалась того, какую позицию могли бы занять сторонники левых в случае американо-советского конфликта. Автор «Приезда и отъезда» призывал левых в случае глобального конфликта поддержать Соединенные Штаты, так как *paх Americana* был бы меньшим злом, чем *paх Sovietica*. Каффи считал аргументацию Кёстлера пол-

¹⁷ Cp. A. Caffi, *Stato, nazione e cultura*, op. cit., c. 147.

ностью оторванной от реалий и трезво констатировал, что категории меньшего и большего зла теряют смысл в условиях конфликта между сверхдержавами, который повлечет за собой многомиллионные жертвы — точно так же, как призыв поддержать одну из сторон, поскольку большинство участников/жертв конфликта не имело бы возможности ни выбора, ни демонстрации своей воли.

Однако отказ от максимализма и насилия был лишь одним из элементов позитивной программы Каффи. Ее основной смысл состоял в призыве придать обществу второе дыхание. Поскольку начало переменам в социальном мире дает вносимый им интеллектуальный фермент, следует его восстанавливать, создавая в лоне современного социума анклавные свободных сообществ, состоящие из людей, которым близки одни и те же идеи свободы. Эти гипотетические сообщества Каффи сравнивает с рассеянными первохристианскими общинами, но само собой напрашивается еще одно сравнение, к которому он по каким-то причинам не прибегает — с интеллигентскими кружками в России XIX века. Долгосрочное воздействие описанных Каффи сообществ на среду могло бы привести к значительным изменениям ментальности, а в дальнейшем — изменило бы облик самого социума, который, лишившись массового характера, обрел бы элементы подлинного сообщества. Итальянский автор прекрасно осознает слабости своей программы, успех которой ничем не гарантирован, но не видит для нее никакой альтернативы. «Несомненно, существует большой риск того, что это дело искупления, опираясь на хлипкий фундамент доброй воли и жалких материальных средств, рухнет перед лицом поражений или будет заторможено превосходящими силами противника. Однако все прочие пути ведут в тупик»¹⁸.

Знакомство с творчеством Андреа Каффи может стать ценным интеллектуальным опытом независимо от места и времени. В нашу эпоху, после того как многие из его диагнозов и прогнозов (экспансия массовой цивилизации, упадок советского коммунизма, растущее вмешательство государства в жизнь личности) нашли подтверждение в действительности, в мире, всё больше погружающемся в борьбу «демократии» с «популизмом» (оба эти понятия я ставлю в кавычки, чтобы показать, что отношусь к ним как к ярлыкам, обозначающим враждующие друг с другом партии, а не как к терминам, что-либо говорящим об их природе), этот опыт ценен вдвойне. Однако в определенный момент появляется сомнение: не был ли итальянский мыслитель, у которого глубокое осознание исторической компрометации левого движения соедине-

¹⁸ Ср. А. Caffi, *I ragionamenti di Koestler*, op. cit., с. 368.

но с неослабевающей надеждой на его возрождение и осуществление в отдаленном будущем его подлинных идеалов, кем-то наподобие социалистического Дон Кихота, неспособного расстаться с юношескими иллюзиями. Поэтому в заключение постараемся сформулировать, чем определяется оригинальность его позиции, особенно с перспективы сегодняшнего дня, и что среди этих оригинальных тезисов и сюжетов представляется попросту верным.

В эпоху, которая приучила нас к легкости нападков на Просвещение, в первую очередь бросается в глаза как раз привязанность к просвещенческой традиции и необычайно высокая оценка XVIII века, идеалы, гуманизм и благовоспитанность (фр. *politesse*) которого Каффи последовательно противопоставляет варварству XIX века. Его мнение об эпохе Просвещения — нюансированное и однозначно положительное; да, он обращает внимание на ее мрачные аспекты, в том числе явления, предвещающие возникновение тоталитаризма, однако не считает, что это может оказать решающее влияние на оценку наследия эпохи, благодаря которой в нашей культуре присутствует стремление к эмансипации. Это означало бы, что невозможно дискредитировать Просвещение, не отрекаясь от свободы.

В первый момент критика массовой цивилизации и тоталитаризма может показаться важным, но не слишком оригинальным сюжетом — об этом много писали в XX веке. Однако эта предварительная оценка оказывается ошибочной. В представленном итальянским мыслителем диагнозе тоталитаризма мы найдем несколько редких тезисов. Само противопоставление тоталитаризма и демократии у него ослаблено в результате подчеркивания тоталитарных аспектов, или, выражаясь более осторожно, тоталитарного потенциала существующих в настоящее время демократий. Ослаблению этого противопоставления способствует и то, что он обращает внимание на роль масс в обеих системах, то есть признает их двумя вариантами массового социума, заслуживающего осуждения. Такое происхождение тоталитаризма Каффи реконструирует нетипичным образом — хотя бы потому, что обращает внимание на ту нешуточную роль, которую в подготовке почвы для тоталитаризма сыграли социал-демократы, особенно немецкие.

Крайне оригинальной, в том числе в силу ее радикального характера, является критика исторического левого движения. Каффи очень сурово оценивает наследие обоих его течений: социал-демократического и коммунистического, западного и восточного. Что интересно, в своей оценке он повторяет аргументы, к которым каждая из фракций прибегает в критике своих оппонентов: вместе с коммунистами он осуждает социал-демократов как оппортунистов и вместе с социал-демократами считает коммунисти-

ческие методы преступными. Дополнением этой безжалостной, тотальной критики является новое определение социализма как борьбы с массовым социумом, а порой как борьбы с явно или криптототалитарным государством, которое нуждается в массах для своего существования и постоянно их воспроизводит.

Это придает социализму Каффи особый характер, а именно сближает его с либертарианством. Как и либертарианцы, он относится с крайним недоверием к структурам, создаваемым сверху, и хотел бы ограничить их роль до минимума, однако не для того, чтобы высвободить инициативу личности, а для того, чтобы сделать возможным образование свободного, спонтанного сообщества, в рамках которого личность только и может обрести шанс на самореализацию. За этим кроется убеждение в том, что создание сообществ, причем свободных, является внутренней потребностью человека, действием автотелическим, а не продиктованным обстоятельствами, такими как необходимость господствовать над природой или защита от внешнего врага. Это явно руссоистский сюжет, являющийся наиболее слабым в рассуждениях мыслителя.

Что же является самым сильным пунктом? Полагаю, всё то, что Каффи говорит об обществе, а особенно призыв к сознательному ограничению политической ангажированности; указание на то, что способом воздействия культуры на политическую действительность является сохранение культурой дистанции в отношении политики. Культура становится существенным политическим фактором только тогда, когда ей удастся в какой-то степени научиться игнорировать политику. Назовем эту закономерность «парадоксом Каффи». Об этом нельзя забывать, поскольку важной тоталитарной чертой современных социумов является, помимо разрастания государства и присутствия масс, политизация всех сфер жизни. Чем более политизирована культура, тем более она способствует укреплению «тоталитарных» тенденций, независимо от тех идей, которым служит; чем более она аполитична, тем более противодействует этим тенденциям, независимо от того, о чем говорит.

Пер. с польск. Антона Беспалова

Список источников

Caffi A. Critica della violenza. Roma, 2017.

Caffi A. Scritti politici. Firenze, 1970.

Chiaromonte N. Granice duszy. Warszawa, 1996.

References

- Caffi, A. (1970) *Scritti politici*. Firenze.
Caffi, A. (2017) *Critica della violenza*. Roma.
Chiaromonte, N. (1996) *Granice duszy*. Warszawa.
-

Информация об авторе: С. Мазурек — Dr hab., профессор, заведующий отделением истории философии Нового времени и современности Института философии и социологии Польской академии наук. Адрес: Польша, 00-330, Варшава, ул. Новы Свят, д. 72.

Information about the author: S. Mazurek — Dr hab., Professor, Head of the Department of History of Philosophy of Modern Times and Modernity of the Institute of Philosophy and Sociology of the Polish Academy of Sciences. Address: 72 Nowy Świat ul., Warszawa, 00-330, Polska.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.05.2022;
одобрена после рецензирования 23.05.2022;
принята к публикации 27.05.2022.

The article was submitted 05.05.2022;
approved after reviewing 23.05.2022;
accepted for publication 27.05.2022.

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 2. С. 80–97.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2022. Vol. 5, no. 2. P. 80–97.

Научная статья / Original article

УДК 1(091)

doi:10.17323/2658-5413-2022-5-2-80-97

ДЕКОНСТРУКЦИЯ ЕДИНОГО: РУССКИЙ И ЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ

Ирина Викторовна Гравина

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, ei-rene@ya.ru

 Аннотация. В статье речь идет о двух концепциях XX века, представляющих собой попытку интерпретации и методологической реконструкции Единого в истории философии. Показано, что тема обусловлена кризисом классического философствования, заключающегося как в отказе от метафизических концептов объяснения реальности, так и в глобальном кризисе верифицируемости истины. В этой связи фундаментальная по своим масштабам проблема Единого, с которой начиналась античная философия, как никогда привлекает внимание философов XX века в попытке переосмыслить основания бытия и мышления. Среди отечественных мыслителей в наиболее последовательном виде разрабатывал данную проблематику А. Ф. Лосев на протяжении всего своего творчества, а на Западе — Р. Шюрманн, который, наследуя как хайдеггеровой онтологии, так и французской традиции постмодернизма, тоже пытается ответить на вопрос, что такое Единое. Выбор данных персоналий обусловлен обнаружением мак-

© Гравина И. В., 2022

симального — по сравнению с иными концепциями XX века о Едином — сходства в интенциях, подчеркивающих базовый характер понятия первоначала в истории философии. При этом оба мыслителя понимают его изменчивый, относительный характер. Лосев называл последнее явление относительным мифом, Шюрманн — гегемоническим фантазмом. Иными словами, любая эпоха, согласно данным авторам, может характеризоваться своими Едиными, которые возводятся в абсолют во многом в рамках языковых и нормативных практик. Отмечается также и их различие — согласно Лосеву, Единое имеет хоть и апофатический, но авторитарный характер; Шюрманн же полагает, что Единое важно прочитывать не как любой нарративный принцип, но как радикально трансцендентное начало. Автор приходит к выводу, что генология, согласно Шюрманну, есть отрицание старой метафизики, переход к *постметафизическому мышлению*; согласно Лосеву — скорее возврат к классической метафизике.

Ключевые слова: генология, проблема Единого, А. Ф. Лосев, Р. Шюрманн, диалектика мифа, гегемонический фантазм

Благодарности: Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Ссылка для цитирования: Гравина И. В. Деконструкция Единого: русский и европейский опыт // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 2. С. 80–97. <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2022-5-2-80-97>.

Europe and Russia: Paradoxes of Kinship

DECONSTRUCTION OF THE ONE: RUSSIAN AND EUROPEAN EXPERIENCE

Irina V. Gravina

National Research University

“Higher School of Economics” (HSE University),

Moscow, Russia, ei-rene@ya.ru

Abstract. This article deals with two twentieth-century concepts that represent an attempt to interpret and methodologically reconstruct the One in the history of

philosophy. It is shown that the theme is conditioned by the crisis of classical philosophizing, consisting both in the rejection of metaphysical concepts to explain reality, and in the global crisis of verifiability of truth. In this connection, the fundamental in its scope problem of The One, with which ancient philosophy began, has attracted more than ever the attention of philosophers of the twentieth century in an attempt to rethink the foundations of being and thinking. Among the Russian philosophers it is worth mentioning A. F. Losev who developed this problematic in the most consistent form throughout his creative work, and in the West — R. Schürmann who, inheriting both Heidegger's ontology and the French tradition of postmodernism, also tries to answer the question of what The Unity is. The choice of these personalities is conditioned by the discovery of a maximal similarity, in comparison with other twentieth-century conceptions of The One, in the intensions that underline the basic character of the concept of the primordial in the history of philosophy and both understand its changeable, relative character. Losev referred to the latter phenomenon as relative myth, Schürmann to hegemonic phantasm. In other words, any epoch, according to these authors, can be characterised by its unities, which are raised to absolutes largely within the framework of linguistic and normative practices. The difference between them is also noted — according to the Hegelian Losev, the One, although apophatic, has an authoritarian character; while Schürmann believes that the One is important to read not as any narrative principle, but as a radically transcendent beginning. The conclusion is that according to Schürmann, henology is a denial of the old metaphysics, the post-metaphysical transition; according to Losev, it is rather a return to the classical metaphysic.

Keywords: henology, problem of The One, A. F. Losev, R. Schürmann, dialectics of myth, hegemonic phantasm

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University).

For citation: Gravina, I.V. (2022) ‘Deconstruction of The One: Russian and European Experience’, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 5(2), pp. 80–97. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2022-5-2-80-97.

История философии представляет череду калейдоскопических трансформаций идей в попытке дать наиболее точное описание реальности. Из-за этой изменчивой процессуальности даже, казалось бы, фундаментальные идеи постоянно подлежат трансформации — принятое за истину оспаривается и выдвигается новое видение. Сложности на пути нахождения истины заметили первые древнегреческие философы. Парменид писал о *пути истины* вопреки *пути мнения*; Гераклит утверждал, что есть *единый космос, а каждый отворачивается в свой собственный*; софисты довели проблему релятивности смыслов до своего апофеоза, на который ответил Платон метафизической системой, противопоставив представления о многом Единому, которое выше всего.

На протяжении двух с половиной тысяч лет существования европейской философии, невзирая на разность концепций, существовала надежда на наличие единой истины и вера в возможность ее верификации. К началу XX века вера в метанарратив (Ж.-Ф. Лиотар) разрушилась вместе с крушением метафизического мышления. В результате сформировались две важнейшие тенденции в философии XX века — осмысление самого языка говорения о реальности и попытка, с одной стороны, вывести методолого-лингвистические аксиомы языка (лингвистический поворот), а с другой — созерцательная рефлексия над самим предметом говорения — бытием, предпринятая Хайдеггером и ставшая своего рода революцией в мышлении XX века. Отечественная философия в не меньшей степени оказалась включена в данный процесс (но иначе и во многом в противовес, что важно) — здесь были и своя философия языка (имяславие), и оригинальные онтологические системы (преимущественно в софиологии).

В связи с тем, что руинированная усилиями Ницше и его последователей (особенно среди постмодернистов) старая метафизика подверглась основательной критике, многие понятия утратили свое многовековое значение. Джанни Ваттимо и Юрген Хабермас говорят о смерти метафизики, а Жак Деррида отменяет понятие религии путем радикального утверждения негативной теологии. Ваттимо обнаруживает контраверзу, выражающуюся в том, что логика поиска истины во фразе Аристотеля «Платон мне друг, но истина дороже» должна смениться на «Христос выше истины» Достоевского [Ваттимо, 2007, с. 118]. С этой точки зрения любой устойчивый «поиск истины» внутри вещи или явления и есть метафизика, которую нужно преодолеть. С одной стороны, это неплохо — ведь сознание (будто по совету «Нового органа» Ф. Бэкона) всё больше освобождается из-под власти устойчивых мифологем и предрассудков (идолов). С другой стороны, это очевидно кризисный процесс. Смерть метафизики сказывается и на христианской мысли, что отчасти впол-

не естественно — христианство на определенном этапе помогает произвести демифологизацию языческого сознания и косвенно становится фактором развития научного знания¹. Но когда «средство» утратило свое целевое назначение, мы, по словам Ницше, убиваем Бога как ненужную фигуру, обратив его в концепт психики². Конечно, можно усматривать в этом только упадок, но если попытаться взглянуть иначе — это позитивный сдвиг в возможности понимания христианства вне исторически наслоившихся на него языческих или метафизических контекстов³ и в возможности снова самостоятельно продумать основания мышления. Начинать же нужно с фундаментальных вопросов. В XX веке философская мысль вступает на путь полемик и дискуссий. Что в таком случае является смыслопорождающим началом? И есть ли оно?

На заре возникновения философского мышления в Древней Греции звучал вопрос о том, что лежит в основании мира или что является Первоначалом всего. Досократический натурализм абсолютизировал *природу* и определил *архэ* как субстрат (воздух, огонь, воду). Один из его представителей, Парменид, выдвинул гипотезу, что в основе всего лежит бытие, чем заложил фундамент онтологии и породил дискуссии о том, как же соотносятся бытие и мышление, единство первооснования с очевидным многообразием сущего? «То, что высказывается и мыслится необходимо должно быть сущим [тем, что есть], ибо есть — бытие, а ничто — не есть», — говорится в парменидовой работе «О природе» [Фрагменты ... , 1989, с. 288]. В языческом и средневековом платонизме проблема Единого достигла своего методологического расцвета. Натуралистическая фиксация проблемы единого и многого перерастает в сложную систему взаимодействия *принципов* одного и иного в платонизме, в учение о трансцендентном Едином, которое выше сущности, в обоснование христианской догматики. Затем тема стала постепенно вытесняться вопросами гносеологии, превратившись в неопределенный Абсолют Нового времени. Но она вновь проблематизируется в XX веке. Здесь прослеживаются условно две линии генологии (учения о Едином): одна — в сторону «христианских неоплатоников» А. Ф. Лосева и Эгила Виллера⁴, который ввел понятие *генологического*

¹ См. об этом [Гайденок, 2013].

² Сокрушительный удар по религии с этой точки зрения нанес психоанализ Фрейда, и в частности идеи о религиозном чувстве как проявлении невроза.

³ Об этом последнее время часто пишут теоретики новой теологии и философии религии. Например, [Капуто, 2011].

⁴ Виллер — норвежский антиковед, переводчик Платона, организатор семинаров по генологии, активно исследовавший проблематику генологии и ее значение как для понимания платонизма, так и для актуальных философских исследований. На русском языке выпущена антология его текстов, посвященных Единому в Античности и Средневековье [Виллер, 2002].

различия, подчеркивая важность отличия онтологии от генологии; вторая — в сторону постмодернистской философии. Данная статья посвящена попытке сопоставления этих взглядов на примере идей отечественного мыслителя и немецкого философа и протестантского пастора Райнера Шюрманна.

Вопрос о Едином, как мы уже отметили, возникает параллельно и в отечественной, и в европейской мысли. В этих традициях он приобретает разные черты, разные методологии рассмотрения, но есть и кое-что общее. Генологи XX века, отыскивая ответ на вопрос о первоначале, выходят на неоплатоническую концепцию апофатического Единого. Для отечественной мысли такое видение Абсолюта — вопрос традиционный, апологетический и религиозный, для европейцев — в первую очередь философский, и уж затем ставший поводом к развитию теологических идей. Но если для убежденных платоников Единое — это неоспоримая реальность, то постмодернизм мыслит иначе: раз невозможно в акте познания констатировать ни одну устойчивую аксиому, значит, аксиомой является само становление, динамика, реальность как нечто неустойчивое, калейдоскопическое. В этой логике Единое — это главный ошибочный метанарратив, устойчивый метасмысл, тогда как смыслы — это просто ситуативные «складки» культурно-исторической, политической, психологической и т. д. ткани. Более того, Делез пишет, что у «верных путей нет фундамента» [Делез, 2011, с. 21], они не исходят из аксиом. Отсюда и существенная разница во взглядах при общем внимании к теме генологии. Именно этот симптоматичный факт — сближение разных философских традиций в процессе достижения одной цели (изучения понятия Единого) — заставляет более пристально вглядываться в проблему. Лосевские размышления оказываются очень актуальными исканиями эпохи и во многом предвосхищают ряд тем, возникших в европейской мысли. А в чем-то и смотрят глубже⁵.

Мифы о Едином Алексея Федоровича Лосева

Тема генологии у Лосева является центральной. В рамках его системы апофатическое Первоединое является фундаментальным понятием, при этом он неоднократно пишет о европейской мысли как *забывшей* или *исказившей*

⁵ Идея о том, что действительность для нас до сих пор представляется как миф, не уникальна. Данная концепция возникла и у других мыслителей XX века. Невольно вспоминаются антропологи Дж. Фрезер и Мирча Элиаде, которые, обращая взоры на архаичные ритуалы, порой отмечали их уже механистичную актуальность в наше время; культуролог Е. М. Мелетинский находил *мифологизмы* в современных романах; философ Ролан Барт исследовал мифологии современности, которые производят СМИ, и т. д. Лосев же обосновывает этот тезис на метафизическом уровне, пытаясь описать сам гносеологический принцип мифотворчества.

его⁶. Самой критикуемой эпохой с этой точки зрения для Лосева является Модерн — время, «когда было утеряно вообще чувство реальности в отношении объективного мира и когда потерпела крушение не только мифология, но и самый мир, сам человек и вообще всякая объективность» [Лосев, 2022, с. 272]. С наибольшей широтой его генология представлена в работе «Диалектика мифа». Только здесь Лосев наиболее развернуто показал, как *принцип абсолюта*⁷ отражается в истории мысли, как он влияет на формирование тех или иных интеллектуальных течений и, главное, *что* он такое. Согласно взглядам мыслителя на генологию, каждая эпоха ищет свой абсолют и, по сути, это есть акт богоискательства. Философия истории, соответственно, подчинена Единому, которое есть христианский Бог. Этот взгляд в каком-то смысле похож на гегелевский. Кажется, что Лосев конструирует свой Абсолютный Дух, называя его абсолютным мифом. Но в отличие от немецкого философа, Лосев четко обозначает, *что* есть этот Дух — Троица единосущная и нераздельная, как он пишет в дополнениях к «Диалектике мифа» [там же, с. 492]. Иными словами, согласно Лосеву, первопринцип абсолютен в своем относительном выражении. А поскольку система Лосева религиозна, раз принцип предполагает Бога, то и адекватное познание реальности доступно только совершающему христианские таинства, молящемуся. Поэтому лосевская философия теологична и апологетична.

Миф у Лосева — категория онтогносеологическая. Это не сказание о богах и героях: любое описание картины мира, любые суждения о мире *мифичны*. Однако мыслитель полагает, что это не свойство мышления, а свойство самой истины — быть источником интерпретаций и ускользать (в его терминологии — быть апофатичной). В работе «Самое само» он пишет: «одна и та же вещь допускает бесконечное количество модусов своей собственной данности; одна и та же вещь требует или предполагает бесконечное количество своих разнообразных интерпретаций, причем никакой интерпретативный подход не может исчерпать вещь целиком» [Лосев, 1994, с. 333]. Заметим, что данная мысль присутствует в лосевских текстах довоенного времени, но при этом она до сих пор звучит довольно свежо (ниже мы увидим, что Райнер Шюрманн

⁶ Лосев отмечает, что апофатизм Единого — это не просто объект религиозных представлений, но конституирующий системный принцип платонизма и восточного христианства, в то время как в западной мысли Единое всегда имело предикативный характер. Таким образом, здесь пролегает черта между востоком и западом, платоническими и аристотелевскими категориями [Лосев, 2016].

⁷ Большое влияние на Лосева оказала работа неокантианца Германа Когена «Логика чистого познания», где он обращался к понятию трансцендентального первопринципа — принципа происхождения, хотя рецепция его в лосевской генологии носит лишь частичный характер.

тоже приходит к похожим выводам). Для Лосева это является доказательством объективности смысла: чтобы интерпретировать, надо реально иметь то, что интерпретируешь. Последнее он называет абсолютной мифологией⁸. То есть познание субъекта обусловлено внешним ему смыслом через отождествление с ним и порождение мифов о нем. Категория мифа, повторимся, не культурно-историческая (и это не эпистема Мишеля Фуко), но касается самой познавательной способности субъекта и ее объективных условий. Таким образом, перепроизводство интерпретаций — это процесс, претендующий на статус дурной бесконечности, свойственной сознанию человека, и констатируемый как никогда ясно в XX веке. Лосев же пытается говорить об онтологической конкретности смысла (и о гносеологическом первопринципе) и его выражении среди множества смыслов относительных.

Обратимся к тексту дополнений к «Диалектике мифа», где Лосев пишет о том, чем является в разных культурах и эпохах первопринцип:

<...> платоновские идеи — схематичны и суть модели, типы, а сверх-сущий принцип — арифметичен (Единое). <...> На Востоке — Пустота и Нирвана; у греков — Единое; у христиан — Богочеловек, т. е. личность с определенным именем <...>, у Канта — трансцендентальная апперцепция <...>, у марксистов — пролетарий, — все эти и многочисленные другие мифические конструкции есть не что иное как один и тот же, диалектически необходимый, принцип «перво-единого», порождающий из себя все оформленное и осмысленное.

[Лосев, 2022, с. 581–582]

Соответственно, всякая относительная мифология возможна только потому, что есть абсолютная мифология (и абсолютная диалектика, ее обосновывающая). То есть если бы не было не просто Единого, но и соотношения единого и многого, то ничего нельзя было бы помыслить.

В рамках герменевтики «Диалектики мифа» обнаруживается существенное расхождение Лосева с постмодернистами, поскольку, несмотря на обнаружение множества относительных мифов, он принципиально не релятивист. Каждый новый миф им воспринимается не как очередной номиналистический культурный код или знак — он онтологичен. В работе «Самое само» — другом исследовании апофатического Абсолюта⁹ и специфики его выраже-

⁸ Здесь безусловно прочитывается богословский контекст — апофатический абсолютный миф Лосева выражается в катафатические символы.

⁹ Самое само в терминологии Лосева и есть апофатическое одно — неисчерпаемая и не сводимая к своим предикатам сущность каждой вещи.

ния — он писал: «самое обыкновенное человеческое усмотрение гласит, что интерпретативные формы самого самого и есть это самое само́, что всякая наша интерпретация есть именно интерпретация самого самого» [там же, с. 334]. Но движется эта интерпретация всегда согласно одному *принципу*, даже если получающиеся картины действительности оказываются совсем не похожими друг на друга. Подлинное понимание истории, с его точки зрения, доступно только тем, чье сознание в наибольшей степени приближено к созерцанию абсолютного принципа (Бога): «опыт мистического историзма ощущается христианским монашеством. <...> Монах переживает все как историю, а именно как историю своего спасения и мирового спасения. Только монах есть универсалист в смысле всеобщего историзма, и только монах исповедует историзм, не будучи рабски привязан к тому, что толпа считает “историей”» [там же, с. 194]. В этом суть *радикального персонализма* Лосева¹⁰.

Тот факт, что эта *интерпретативность* коренится в онтологии (исходит из абсолютно апофатического Единого), позволяет Лосеву полемизировать с агностиками, для которых непознаваемость — это неопределенное, а не конкретное *нечто*. Как указывал Х. Яннарас:

Если рассматривать апофатизм церковного богословия в онтологической перспективе, окажется, что он весьма далек от агностицизма с его ловкими увертками, от абстрактных умозрений и эмоциональных туманностей. Для церковного сознания апофатизм — это предельно последовательный эмпиризм, бескомпромиссное отстаивание абсолютного первенства опыта как пути и возможности познания.

[Yannaras, 2005, p. 86]

Древние греки знали, что эрос — это стремление к знанию¹¹. Знание — это созерцание эйдосов. Эйдосы же, по существу, апофатичны. Значит, знание есть знание незнания, но это *ученое незнание*, как заметил бы Николай Кузанский. Апофатическое отрицание поэтому радикально отличается от нигилистического — здесь отрицание всегда утверждает нечто большее отрицаемого.

Лосев подчеркивает, что очень важно разграничивать сформировавшиеся культурно-исторические типы относительных мифов. Если в антично-средневековом правит трансцендентное, в ренессансной логике абсолютизируется

¹⁰ Здесь прослеживаются гегельянские мотивы движения абсолютного Духа, но, по Лосеву, высшая стадия познания — не спекулятивная, а религиозная. Авторитет познающего он оставляет за монахом, а не за философом.

¹¹ К такому выводу приходит Платон в диалоге «Пир».

субъект, а далее — его разум, то в материалистическом мифе — экономические отношения. Иронизируя и намекая на невозможности применения марксистского принципа ко всем типам мифологий как одного единственного критерия к пониманию всего исторического процесса, он пишет, что прибавочной стоимостью феодализма является спасение души: «средневековое христианство в общем стоит не на идеалистической или романтической, но на чисто производственной позиции и <...> понимая под продуктом, который нужно производить, только личность, душу, а под прибавочной стоимостью только вхождения этой души из временного бытия в вечное» [Лосев, 1995, с. 371]. Нелепость подобных корреляций он подчеркивает еще более ироничными фразами: «мыслим ли Сократ в трамвайном вагоне, Платон на аэроплане и Фома Аквинский на велосипеде?» [Лосев, 2022, с. 267]. Словом, мыслитель очень аккуратен с историей философии, которую он воспринимает как ряд несводимых друг к другу дискурсов, но каждый из них объединен чем-то общим. При этом дискурсы могут смешиваться. В его понимании даже современная культура содержит огромное количество религиозных мифологем: «советская власть превратила христианский праздник Преображения Господня в свой праздник, в день Индустриализации» [там же, с. 360].

Лосевская «Диалектика мифа» не отдает предпочтение никакому из типов относительных мифологий. Глобально Лосев насчитывает их три — антично-средневековая, либерально-гуманистическая (субъективистская) — Ренессанс, Новое время) — и социально-материалистическая. Здесь, казалось бы, он как христианский платоник мог бы сослаться на средневековый миф как подлинный (что, возможно, сделал бы Павел Флоренский, грезивший о проекте нового Средневековья). Однако его задача — найти нечто интегральное в этих очень разных мифологиях. В этом подходе содержится полемика с абсолютизацией как «советского мифа», так и марксизма в целом¹². Согласно Лосеву, ни один из указанных мифов не является абсолютным. Философ пишет: «В Царстве же Небесном нет выбора и нет становления; там нет авторитета... <...>. Там авторитет и под-авторитетное бытие слиты в одно целое и взаимопронизаны до полного отождествления» [там же, с. 571]. Здесь уместно указать, что критика постмодернистами платоновской генологии сводилась к тому, что Единое понималось ими как идеологический инструмент, исходя из которого выстраивается тоталитарный миф. У Лосева это не так.

¹² Несмотря на то, что лосевский вариант генологии, базирующийся на восточно-христианском типе онтологии, выглядит крайне метафизично, в нем много полемики с актуальными ему идеями. Невольно задаешься вопросом: чего в его системе больше — борьбы с ложными типами мифологии или борьбы за абсолютную мифологию?

Апофатический аспект первоначала у Лосева тесно связан с катафатическим, поэтому мыслитель столь тщательно занимается концепцией символа. Ему важно проследить, как Единое, будучи апофатическим, присутствует в каждой вещи, что она есть ее отдаленный символ. На этом выстраивается, по сути, вся «Диалектика мифа»: Лосев постулирует *абсолютную диалектику*, но сначала занимается отрицанием того, чем она не является, и, по сути, пишет приговор всей истории философии и истории вообще, которая то приближалась, то удалялась от первопринципа. В этом суть (заметим, ареопагитского¹³) апофатизма: только символическими формами¹⁴ мы можем помыслить реальность. Лосеву чужд позитивистский оптимизм относительно адекватной познаваемости мира. В работе «Философия имени» он показывает, какой искаженный путь проходит перво-имя на этапах своего становления в человеческое слово. Но по большому счету именно надежда на то, что есть объективное *одно* среди множества субъективных мнений, заставила древних греков создать философию. Проблема лишь в том, что высказанный ответ всегда оказывается относительным. Людвиг Витгенштейн предложил *молчать, о чем не стоит говорить*, а Тютчев констатировал, что *мысль изреченная есть ложь*. Согласно паламитской логике, апофатическое Единое действительно никогда не может быть выражено субстанциально, полностью.

В целом сама по себе система абсолютной и относительной диалектики показывает, что Лосев обладал чрезвычайно адогматичным мышлением. Вопрос об истинности *абсолютного мифа* у него не просто вопрос вероучения, но и философской рефлексии — Лосев доказывает, что первоначало неизбежно присутствует в истории, в мышлении. В то же время, в отличие от гегелевской системы полагания абсолютного духа, его невозможно понять спекулятивно — но только в рамках религиозной практики.

Фантазмические гегемонии Шюрманна: мифы абсолютизации

Обратимся теперь к идеям другого мыслителя, занимающегося на Западе проблемой Единого, — Райнеру Шюрманну. Он формулирует иное прочтение генологии, созвучное Лосеву в утверждении апофатического Единого, или, как он его называет, *радикального трансцендентного* [Schürmann, 2003, p. 143], вопреки его субстанциальным ложным пониманиям, которые он называет «фантазмами».

¹³ Не по сущности, но по проявлениям — у Лосева по имени как главному проявлению — совершается познание. Хотелось бы здесь вспомнить и Григория Паламу. Но всё-таки Лосеву были ближе именно ареопагитики, поскольку у него нет развитой концепции энергии.

¹⁴ Тут Лосев солидарен с Э. Кассирером, понимая человека как символическое животное.

Немецкий философ Райнер Шюрманн писал работы, впитав идеи Хайдеггера об онтологическом различии, постмодернистскую критику платонизма (и Единого), поэтому его мысль в большой степени является суммой современного взгляда на генологию. В его работах проступают антитоталитаристские императивы постницшеанского постмодернизма, разрушавшего платонизм за его иерархизм, за попытку выдвижения первого авторитарного единого начала. Словарь его сформирован под сильным влиянием Витгенштейна. Шюрманновское понимание *фантазма* близко к концепции «языковой игры» и несколько отличается от лосевского подхода. Однако, в отличие от постмодернистов, он не критикует понятие Единого, напротив, называет его путем выхода из кризиса метафизики — ее преодолением¹⁵.

Как и Лосев, Шюрманн полагает, что в каждую эпоху есть свои идейные «доминанты». В центре процесса деконструкции истории философии у Шюрманна ряд фигур, ключевых идейных выразителей эпох — Платон и Плотин, Августин и Экхарт, Лютер и Кант, Хайдеггер. В книге рассматривается ряд понятийных *гегемоний* в истории философии, включая греческую гегемонию «Единого», латинскую гегемонию «природы» и современную гегемонию «сознания»¹⁶. В отличие от Лосева, полагавшего, что генология по определению авторитарна, поскольку она есть *объективный принцип*, Шюрманн ее *демократизирует* [Nyland, 1998, p. 251]. Каждая доминирующая идея, по Шюрманну, назначенная исключительно в качестве некоего *юридического норматива*, образца, нарастает в истории и нивелирует в итоге саму себя. Хотя Единое возникает снова и снова в философском дискурсе, оно является скорее символом (или знаком) фундаментальной неопределенности и изменчивости бытия.

Если для Лосева вопрос о Едином принципиально (и даже принудительно) аксиоматичен, то риторика Шюрманна имеет иной характер. С его точки зрения, путь нахождения метанарратива ложный. Невозможно дать какую-то стройную систему генологии или онтологии. В предисловии к работе «Сломанные гегемонии» он констатирует, что мир находится на обломках умерших смыслов и еще не нашел путей выхода из этого состояния. Теперь сильная позиция философа по утверждению смыслов оказывается слабой: «философы аннулировали свой авторитет в тот самый момент, когда согласились с ним — авторитет, в котором говорится о надежности принципов» [Schürmann, 2003,

¹⁵ Об этом он подробно пишет в статье [Schürmann, 1983].

¹⁶ Отметим, что у Лосева это доминанты объективной идеи, субъективной идеи и социализма. Поразительно сильно они сходятся на критике Канта, который породил *гегемонию субъективного сознания*. Но предтечей Канта у Лосева был Декарт с его *Cogito ergo sum*. Шюрманн же останавливается на Лютере как зачинателе Модерна.

р. 48]. Свергнуть фантазмы и остаться наедине с реальностью — таков мотив его работ, вдохновленных попыткой деконструировать историю философии с точки зрения отделения фантазматического (предрассудков) от реального. Любопытно, что исследовательская интенция Шюрманна, написавшего свою работу уже в XXI веке, смысловым образом сходна с идеями лосевской «Диалектики мифа», написанной в первой половине XX века, по крайней мере внешне.

Для Лосева огромную важность представляет символическая онтология и теория имени как полнокровные онтологические системы, делающие доступным Единое. Шюрманн же мыслит номиналистически, хотя язык для него тоже чрезвычайно важен. Говоря о Едином, философ полагает, что, во-первых, оно сугубо апофатично, во-вторых, любая языковая фиксация абсолюта ложна и исходит исключительно из *юридических* соображений. Иными словами, любые теории абсолюта — это порождения человеческого разума, они актуальны для «метафизического» оправдания текущих социальных идей. Данная мысль, популярная в постмодернизме, не является новинкой. Главным методологическим допущением Шюрманна является зависимость идей от языковой игры и морали, точнее от норм, которые конкретная языковая игра приписывает. Например, платонизм неправомерно «узаконивает» и мистифицирует Единое. Главное свойство бытия — его множественность, а апофатизм Единого говорит о радикальности тайны.

Шюрманн полагает, что множественные противоречия в диалогах Платона скорее подтверждают его позицию, нежели направлены на утверждение какой-то одной, единой истины. «Необходимо отказаться от идеи, что диалектика противоположностей ведет к некоему суверенному авторитету <...>, необходимо отказаться от принципов — не отрицать их, а просто больше не апеллировать к ним» [ibid., р. 44]. Истиной пост-метафизической мысли оказываются становление, противоречие и софистичность, которые поддерживаются тем, что Единое содержит в себе противоположности и четко не определено. Апофатическое Единое — это тайна, из нее исходит бесконечное количество интерпретаций, которые только в рамках того или иного контекста и языковой игры устанавливаются как универсальные. Сама же генология оказывается для Шюрманна асемантической и внеязыковой. Любое «Единое» эпохи формируют философы, скрывают их под видом логики, аргументов, фактов или просто любым риторическим приемом, который попался под руку. Имманентная нашему сознанию *гегемонистская нормативная сила* требует определенного образа мышления, которое упорядочивает противоположности, лежащие в основе бытия. «В каждом из нас есть природный метафизик, цель

которого — привести в порядок эту естественную дикость. Философия прислушивается к этой надежде» [ibid., p. 504], — пишет он в разделе о Канте.

Начало множественной онтологии он находит в поэме Парменида «О природе», где говорится о пути единого-бытия, противоположном пути небытия, пути истины вопреки мнению. Но для постмодернизма в оппозиции *единого и многого* важна концепция различия, а не единства. Прочитывая Парменида, Шюрманн, по сути, концентрируется на его понятии *доксы* не как проблеме, а, напротив, как принятию неустранимого различия и многообразия. Шюрманн оспаривает трактовку, что парменидово противостояние истины и доксы (мнения) решается в пользу единого-истины. Философ полагает, что открытость/сокрытость (он часто прибегает к хайдеггеровым понятиям) и есть свойство Единого, внутри которого бурлит хаос противоположностей. Он противопоставляет эту точку зрения классической гипотезе «двух путей» — пути бытия и пути небытия, где выбор решается в пользу бытия, в пользу концепции единой истины. Продолжая программу Делеза по *низвержению платонизма и поднятия симулякров на поверхность*, Шюрманн утверждает, что «Δόξα, для Парменида, не является симулякром, но Δόξα, это то, как Бытие проявляется как сущее, наделение Бытия сущим» [ibid., p. 88]. Это третий путь. Платонизм установил неправомерные иерархии, не увидев полисемичной сути Единого как его базового свойства.

Обратимся снова к Лосеву. Его апофатизм внешне схож с подобной концепцией, но по сути противоположен ей. Монах в молитве (а мы уже выяснили, что с точки зрения религиозной мысли Лосева только монаху доступен подлинный гнозис) созерцает не бездну, пустоту, но Имя Бога, лишенное своих «земных» предикатов. Так, если на первый взгляд концепции Лосева и Шюрманна очень сходны в своих интенциях (в первую очередь в утверждении главенства генологии или трансцендентного апофатического начала, а также в подходах к истории философии как вариантам абсолютизации какого-то одного принципа), то при более детальном рассмотрении оказывается, что это две разные системы. Важнейший аспект генологии Лосева — символизм, символическая онтология, которую он разрабатывал в рамках своей генологии. Это крайне оригинальное явление для философской мысли XX века, поскольку представляет собой попытку актуализовать платонизм во всей его полноте. Минует Шюрманн и эйдетику. Для него эйдоса как структурной единицы мышления не существует — есть только нормативы, условности и языковые игры. Для Лосева эйдос — неотъемлемая единица познания, именно ее наличие обуславливает мыслительный акт вообще. Поскольку у платоника Лосева эйдос — категория *реальная*, то и «фантазмы» или относительные мифы для

него — не плод воображения, а искажение когнитивной способности субъекта, смотрящего на истину (здесь неизбежен образ Пещеры Платона). Таким образом, Лосев воспроизводит полнокровную версию платонизма, избавляя представление о нем от стереотипов. Шюрманн же действительно деконструирует понятие Единого, не ставя задачу вглядываться во всецелое существо всей системы.

Шюрманн в итоге постулирует релятивизм гегемоний, с одной стороны, и радикальное трансцендентное — с другой. Его подход принципиально не предполагает утверждение истинностной точки зрения. Согласно лосевской мысли, истина дана в своей полноте — нужно только понять это в акте веры (*познание делается любовью*, как писал Григорий Нисский). Среди потока относительных мифов очень важна интенция на абсолютный миф. Лосев остается в этом совершенным метафизиком. В то же время как генолог он отличен от европейцев, поскольку в европейской метафизике понятие апофатического Единого никогда не было центральным [Лосев, 2016]. Более того, Лосев полагал, что метафизические области описываемы *только* через платонизм (и это оправдано — ведь догматы православного богословия строились не на формальной логике и ее не выдерживают¹⁷). Методологически аристотелево деление на физику и метафизику неустранимо. Социальная онтология, к примеру, — это про физику, а постмодернизм великолепно описывает физику мира, однако к метафизике эти описания не имеют отношения. Или иной пример: формальная логика работает для решения прикладных задач, но готова уничтожить богословие. Логика имманенции, которая стремится *низвергнуть начало*, выглядит как неправомерная корреляция, когда метафизические понятия запросто начинают описывать физические явления и к ним всем применяется единая методология (как делезовская логика мира Алисы в Зазеркалье¹⁸). Проблема *отсутствия смысла* симптоматичная, но она скорее социальная, чем метафизическая.

Дух постметафизических исканий в европейской философии хорошо выразил итальянский философ Джанни Ваттимо, который писал о трех этапах естественноисторической христианизации мира (закон — Дух — благодать), полагая, что мы только-только подошли ко второму. Таким образом, в рамках данной концепции идея прогресса оказывается квазихристианской, базирующейся на понимании истории как движения к эсхатону. В качестве выхода из

¹⁷ Богочеловек «уничтожает» само понятие закона противоречия (или Бог или Человек).

¹⁸ Еще одна странность делезовского *имманентного* методологического аппарата в «Логике смысла», посвященной во многом разбору мира Зазеркалья: почему мир художественного произведения стал образцом для описания онтологии?

сложившейся ситуации в работе «После христианства» он обращается к экзегетике, настаивает на важности качественно нового прочтения библейского текста, *качественно нового его понимания*. Ваттимо говорит о *продуктивной интерпретации*, которая «производит бытие в виде порождаемых опытом новых смыслов и новых способов бытия в мире» [Ваттимо, 2007]. Лосев, как мы увидели, смотрит иначе. Он концентрируется на онтологии и говорит об интерпретативном свойстве *самого бытия*. Он полагает, что интерпретация бесконечна, через нее невозможен поиск истины. Шюрманн же просто оставляет нас наедине с тайной и принципиально не дает никаких конкретных ответов.

Список источников

Ваттимо Дж. После христианства. М.: Три квадрата, 2007. 160 с.

Виллер Э. Учение о едином в античности и средневековье. СПб.: Алетейя, 2002. 667 с.

Гайденко П. П. Наука и христианство: противостояние или союз? // Метафизика. Научный журнал. 2013. № 2 (8). С. 26–35.

Делез Ж. Логика смысла / пер. с фр. Я. И. Свирского. М.: Академический проект, 2011. 470 с.

Капуто Дж. Как секулярный мир стал постсекулярным // Логос. 2011. № 3. С. 186–205.

Лосев А. Ф. Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа». М.: Издательский Дом ЯСК; Гнозис, 2022. 696 с.

Лосев А. Ф. История эстетических учений // Лосев А. Ф. Форма — Стиль — Выражение. М.: Мысль, 1995. С. 321–404.

Лосев А. Ф. Об историческом контексте трактата Николая Кузанского «О неинном» / научная подготовка текста и публикация Е. А. Тахо-Годи // Вопр. философии. 2016. № 9. С. 105–120.

Лосев А. Ф. Самое само // Лосев А. Ф. Миф — Число — Сущность. М.: Мысль, 1994. С. 299–526.

Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / издание подготовил А. В. Лебедев. М.: Наука, 1989. 576 с.

Hyland Drew A. Reiner Schürmann's Parmenides: Of Unbroken Non-Hegemonies // Research in Phenomenology. 1998. Vol. 28. P. 243–258.

Schürmann Reiner. Broken Hegemonies. Bloomington & Indianapolis: Indiana University Press, 2003. 692 p.

Schürmann Reiner. Neoplatonic Henology as an Overcoming of Metaphysics // Research in Phenomenology. 1983. Vol. 13, iss. 1. P. 25–41.

Yannaras Chr. *On the Absence and Unknowability of God: Heidegger and the Areopagite*. London, New York: Bloomsbury T&T Clark, 2007. 144 p.

References

Deleuze, G. (2011) *Logika smysla [The Logic of Sense]*. Translated from the French by Ya.I. Svirskii. M.: Akademicheskii proekt.

Gaidenko, P.P. (2013) 'Nauka i khristianstvo: protivostoyanie ili soyuz?' ['Science and Christianity: Confrontation or Union?'], *Metafizika. Nauchnyi zhurnal*, 2(8), pp. 26–35.

Hyland, Drew A. (1998) 'Reiner Schürmann's Parmenides: Of Unbroken Non-Hegemonies', *Research in Phenomenology*, 28, pp. 243–258.

Kaputo, Dzh. (2011) 'Kak sekulyarnyi mir stal postsekulyarnym' ['How the Secular World became Post-secular'], *Logos*, 3, pp. 186–205.

Lebedev, A.V. (ed.) (1989) *Fragmentsy rannikh grecheskikh filosofov. Chast' 1: Ot epicheskikh teokosmogonii do vozniknoveniya atomistiki [Fragments of Early Greek Philosophers. Part 1: From Epic Theocosmogony to the Rise of Atomism]*. Moscow: Nauka.

Losev, A.F. (1994) 'Samoe samo' ['The very Thing'], in Losev, A.F. *Mif — Chislo — Sushchnost' [Myth — Number — Essence]*. Moscow: Mysl', pp. 299–526.

Losev, A.F. (1995) 'Istoriya esteticheskikh uchenii' ['History of Aesthetic Teachings'], in Losev, A.F. *Forma — Stil' — Vyrazhenie [Form — Style — Expression]*. Moscow: Mysl', pp. 321–404.

Losev, A.F. (2016) 'Ob istoricheskom kontekste traktata Nikolaya Kuzanskogo «O neinom»' ['On the Historical Context of Nicholas of Cusa's Treatise "De non Aliud"'], *Voprosy filosofii*, 9, pp. 105–120.

Losev, A.F. (2022) *Dialektika mifa. Dopolnenie k «Dialektike mifa» [The Dialectic of Myth. Addendum to "The Dialectic of Myth"]*. Moscow: Izdatel'skii Dom YaSK; Gnozis.

Schürmann, Reiner (1983) 'Neoplatonic Henology as an Overcoming of Metaphysics', *Research in Phenomenology*, 13(1), pp. 25–41.

Schürmann, Reiner (2003) *Broken Hegemonies*. Bloomington & Indianapolis: Indiana University Press.

Vattimo, D. (2007) *Posle khristianstva [After Christianity]*. Moscow: Tri kvadrata.

Viller, E. (2002) *Uchenie o edinom v antichnosti i srednevekov'e [The Doctrine of the One in Antiquity and the Middle Ages]*. St. Petersburg: Aleteiya.

Yannaras, Chr. (2007) *On the Absence and Unknowability of God: Heidegger and the Areopagite*. London, New York: Bloomsbury T&T Clark.

Информация об авторе: И. В. Гравина — кандидат философских наук, научный сотрудник Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4.

Information about the author: I. V. Gravina — PhD in Philosophy, Research fellow at the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.02.2022;
одобрена после рецензирования 02.06.2022;
принята к публикации 06.06.2022.

The article was submitted 21.02.2022;
approved after reviewing 02.06.2022;
accepted for publication 06.06.2022.

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 2. С. 98–120.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2022. Vol. 5, no. 2. P. 98–120.

Научная статья / Original article

УДК 821.161.1

doi:10.17323/2658-5413-2022-5-2-98-120

ШАЛАМОВ — ВОРОНСКИЙ — МАНДЕЛЬШТАМ: ЛИТЕРАТУРА КАК ВОЛЯ К СОПРОТИВЛЕНИЮ

Сергей Михайлович Соловьев

Российский государственный архив
социально-политической истории,

Москва, Россия;

Институт российской истории

Российской академии наук, Москва, Россия;

Московский государственный университет

им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия,

solosm@gmail.com

От редакции: Публикация данной статьи приурочена к 115-летию со дня рождения выдающегося русского писателя Варлама Тихоновича Шаламова (1907–1982).

 Аннотация. В 1960–1970-е годы Варлам Шаламов одним из первых написал несколько литературных произведений с целью возвращения в культурное пространство имен Осипа Мандельштама и Александра Воронского, которые погибли во время «Большого террора» и чьи имена продолжали замалчиваться, несмотря на реабилитацию. В статье анализируются пересечения литературной и революционной традиций в 1920-е годы в России и реконструируется их исторический контекст. Анализируются идеи, которые считал важными Шаламов, когда писал о деятелях недавнего прошлого; подчеркивается важность этого культурного наследия в современном мире.

© Соловьев С. М., 2022

Ключевые слова: Варлам Шаламов, Александр Воронский, Осип Мандельштам, сталинские репрессии, цензура, «оттепель»

Ссылка для цитирования: Соловьев С. М. Шаламов — Воронский — Мандельштам: Литература как воля к сопротивлению // *Философические письма. Русско-европейский диалог*. 2022. Т. 5, № 2. С. 98–120. <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2022-5-2-98-120>.

Literature. Philosophy. Religion

SHALAMOV — VORONSKY — MANDELSTAM:
LITERATURE AS A WILL TO RESIST

Sergey M. Solovyov

The Russian State Archive of Socio-Political History, Moscow, Russia;
The Russian History Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
solosm@gmail.com

Abstract. In the 1960–1970s Varlam Shalamov wrote several literary works with the aim of the rehabilitation of Osip Mandelstam and Alexander Voronski, among others, who were persecuted during the Great Terror and since then their names were passed over in silence. The article analyzes the intersections of literary and revolutionary traditions in the 1920s in Russia and reconstructs their historical context. He discusses the proposes that Shalamov had in view when he has been writing on figures from the recent past and stresses the importance of this cultural heritage in the modern world.

Keywords: Varlam Shalamov, Alexander Voronsky, Osip Mandelstam, Stalinist repressions, censorship, Khrushchev Thaw

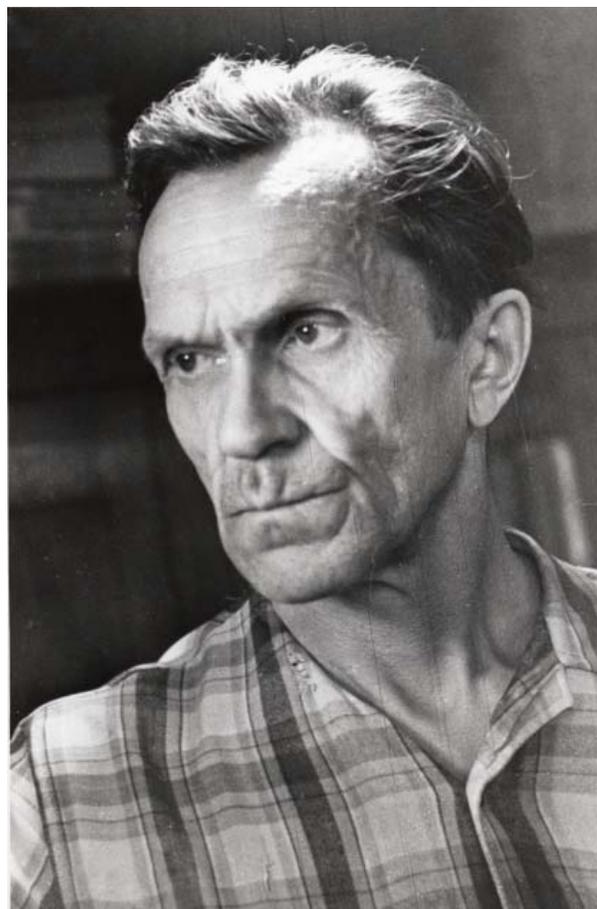

For citation: Solovyov, S.M. (2022) ‘Shalamov — Voronsky — Mandelstam: Literature as a Will to Resist’, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 5(2), pp. 98–120. (In Russ.). [doi:10.17323/2658-5413-2022-5-2-98-120](https://doi.org/10.17323/2658-5413-2022-5-2-98-120).

Сочетание трех имен, вынесенных в заглавие этой статьи, может вызвать недоумение. Александр Константинович Воронский — профессиональный революционер-большевик, литературный критик, редактор и писатель, расстрелянный как «троцкист» в 1937 году. Варлам Тихонович Шаламов — писатель, автор великих «Колымских рассказов», который как «троцкист» провел 20 лет в сталинских лагерях и ссылках, из них почти 17 — на Колыме. Осип Эмильевич Мандельштам — великий поэт серебряного века, погибший в лагере под Владивостоком и только поэтому не попавший на Колыму.

Кажется, что их объединяет только принадлежность к писательской профессии. А также тот факт, что все трое были жертвами массовых репрессий при сталинской диктатуре. Но это далеко не всё.

О традиции революционной и литературной. На первый взгляд, с понятием литературной традиции дело обстоит куда проще, чем с понятием традиции революционной. Революция — враг традиции, во время революций традиции ниспровергаются, а в революционном искусстве авангард торжествует над классикой. Это верно, но только отчасти. Революция сама создает свою традицию, и она должна опираться на традицию борьбы, без которой, как показывает анализ истории протестных и революционных движений, ничего не получается, в лучшем случае — популизм и манипуляция. Успешная революция (имеется в виду революция в традиционном марксистском понимании, а не в смысле политических технологий по производству дворцовых переворотов со сменой в самом радикальном варианте одного клана капиталистической олигархии другим) не может не опираться на традицию. Кубинская, французские, российские революции (вне зависимости от послереволюционного развития этих стран) — тому ярчайшие примеры. В России революционеры 1917 года опирались и на международную традицию — прежде всего на опыт французских

Варлам Тихонович Шаламов (1907–1982)

революций (особенно Парижской Коммуны), немецкой социал-демократии и английского профсоюзного движения, и на свою собственную — революционную демократию со времен Белинского, Герцена и Чернышевского, на народовольчество и недавнюю революцию 1905 года. Речь идет не только о непосредственном опыте борьбы и пантеоне героев, хотя всё это имеет большое значение, но о выработке особой этики, особого социального идеала, который противостоит существующему и служит путеводной звездой и для искушенных профессиональных революционеров, и для неопитов, только примкнувших к революционному движению. Сила этого социального идеала была такова, что в 1917 году, как известно, около 90%, то есть большинство жителей страны, поддерживало социалистов — эсеров, меньшевиков или большевиков [Колоницкий, 2017, с. 132–133].

Александр Константинович Воронский (1884–1937)

Революционно-демократическая традиция, соединявшая в себе ценности Просвещения, гуманизма, социалистический идеал и искреннее уважение и любовь к народу, основанная не только на трудах социалистов-утопистов, Герцена, Чернышевского, Кропоткина, Маркса, Плеханова, но и на русской классической литературе, при всей разнице политических программ, объединяла разные ветви революционного движения и значительную часть интеллигенции.

Эта революционная традиция после Гражданской войны до конца 1920-х годов поддерживалась, именно к ней адресовалась этика нового государства. Но затем — в сталинский период — старательно выкорчевывалась и выхолащивалась. Вехой здесь может служить формальная дата — ликвидация Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев (1921–1935) и почти одновременно — Всесоюзного общества старых большевиков (1922–1935). Бывших героев революции в середине 1930-х годов сталинское государ-

ство стремительно превращало во «врагов народа» и подвергало репрессиям.

...13 января 1937 года молодой, но уже опытный журналист и начинающий писатель Варлам Шаламов был вторично арестован. Первый раз его судили в 1929 году как «социально-вредный элемент». Тогда он был арестован во время засады на месте подпольной типографии, где печаталось так называемое «Завещание Ленина» — письмо Ленина 1923 года к съезду партии с резким осуждением Сталина. В 1931 году Шаламов вышел из североуральских лагерей, отошел от участия в левой («троцкистской») оппозиции и активно занялся журналистским ремеслом и писанием рассказов (которых из сотни сохранилось всего 6). Второй арест его

Осип Эмильевич Мандельштам (1891–1938)

не удивил: «С первой тюремной минуты мне было ясно, что никаких ошибок в арестах нет, что идет планомерное истребление целой “социальной” группы — всех, — кто запомнил из русской истории последних лет не то, что в ней следовало запомнить» [Шаламов, 2013, т. 4, с. 307]. Про свое вторичное пребывание в московской Бутырской тюрьме Шаламов написал рассказ и отдельную заметку-эссе под одним и тем же названием — «Лучшая похвала». В ней он получает эту лучшую похвалу от «генерального секретаря общества политкаторжан» правого эсера Александра Георгиевича Андреева: «Вы — можете сидеть в тюрьме, можете. Говорю вам это от всего сердца. Похвала Андреева была самой лучшей, самой значительной, самой ответственной похвалой в моей жизни. Пророческой похвалой» [там же, т. 1, с. 282].

Многие исследователи отмечают, что реальный А. Г. Андреев никогда не был генеральным секретарем этого общества. Однако, по моему убеждению, Шаламов не ошибся в рассказе и эссе. Не случайно он — в утверждение документальности своего рассказа — вставил в его завершение сухую биографическую справку об А. Г. Андрееве из журнала «Каторга и ссылка», издававшегося

обществом политкаторжан. Конечно, Шаламов знал, что Андреев был просто членом этого общества. Но ему было важно повысить в глазах читателя статус этого революционера, чтобы показать символическую передачу эстафеты от одного носителя традиции к другому — самому Шаламову:

Я понимал, что моя тюремная деятельность нравится старому каторжанину. Я был не новичок, знал, чем и как надо утешать павших духом людей... Я был выборным старостой камеры. Андреев видел во мне — самого себя в свои молодые годы. И мой всегдашний интерес и уважение к его прошлому, мое понимание его судьбы было ему приятно.

[Там же]

Вместе с «лучшей похвалой» состоялась передача эстафеты — на Колыму Шаламов отправился как носитель революционной, освободительной традиции, которую ему предстояло пронести через лагеря и ссылку в послесталинскую страну. И не случайно в ряде рассказов альтерэго автора получает фамилию Андреев (наряду с собственным именем Шаламов использует в рассказах фамилии «Крист» и «Андреев»).

Революционная традиция в СССР была прервана сталинизмом, причем не только в политике, но и в культуре.

Вопреки распространенному мнению, в 1920-е годы Серебряный век русской культуры не превратился в спад, а сменился новым подъемом. Бунин, Бальмонт, Ходасевич эмигрировали, но появились новые авторы, не уступавшие талантом уехавшим, — Михаил Шолохов, Андрей Платонов, Всеволод Иванов, Артем Веселый, Борис Пильняк, Исаак Бабель. Публикацией повести «Партизаны» Вс. Иванова открылся первый советский литературный журнал «Красная новь». Его редактором был Александр Константинович Воронский.

Воронский — сын священника, профессиональный революционер-большевик, литературный критик, организатор и теоретик литературы, писатель, участник антисталинской оппозиции 1920-х годов, один из самых ярких людей своего поколения, однако до сих пор остающийся в тени. Хотя такое сочетание — профессиональный революционер и одновременно один из создателей лучшей традиции советской литературы, сохранившейся несмотря на репрессии, — должно привлекать большое внимание.

Первый номер «Красной нови» вышел в 1921 году. Создание первого советского толстого литературного журнала было поручено журналисту, бывшему члену Иваново-Вознесенского губернского комитета РКП(б), специалисту по эмигрантской литературе Александру Воронскому [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112.

Д. 192. Л. 5; Ф. 17. Оп. 112. Д. 286. Л. 4; Ф. 17. Оп. 112. Д. 339. Л. 87]. В журнале была не только художественная проза и поэзия: политический раздел открывался статьей В. И. Ленина «О продналоге» — теоретическим и практическим манифестом новой экономической политики (НЭПа).

...В 1956 году Варлам Тихонович Шаламов вернулся из ссылки за 101-й километр в Москву, получив справку о реабилитации (правда, только по двум делам из трех, за которые он был осужден: по делу 1929 года он был реабилитирован посмертно только в 2000-м году). Александра Воронского реабилитировали посмертно 7 февраля 1957 года, и уже на следующий год Шаламов опубликовал в журнале «Москва» небольшой очерк под названием «Первый номер “Красной нови”»¹. Этот очерк был отдан в редакцию «Москвы» в октябре 1957 года, а вышел в № 5 за 1958-й. Правда, если «в первоначальном варианте фамилия “Воронский” упоминалась двенадцать раз, в напечатанном — всего четыре» [Гаврилова, 2013, с. 85]. Сопоставление опубликованного и изначального вариантов очерка крайне интересно. В первом варианте не раз звучит имя В. И. Ленина, упоминается Н. К. Крупская, другие известные большевистские лидеры, классик советской литературы А. М. Горький. Шаламов, опираясь на эти имена, протаскивал в подцензурную печать имя Воронского, боролся за его культурную, а не только формально-правовую реабилитацию, — боролся за ту традицию, которую олицетворяло имя Воронского.

Имя Воронского много значило для Шаламова не только потому, что он общался с ним в 1920-е и, возможно, в 1930-е годы. На Колыме, где он провел шестнадцать лет, Шаламов познакомился с дочерью Александра Константиновича, Галиной Александровной Воронской, общение с которой продолжалось почти до самой смерти Варлама Тихоновича. В 1976 году он писал ей после того, как получил главную книгу А. К. Воронского «За живой и мертвой водой», наконец изданную в СССР:

С удовольствием перечитываю каждую строчку «За живой и мертвой водой» — ведь это наша живая юношеская классика, где мы учили каждый абзац, каждый сюжетный поворот, каждый образ, учились воспитывать в себе единство слова и дела.

Отредактирована книга, прямо сказать, неважно. Режет глаза, например, отсутствие отдельного эпиграфа к 3 части «За живой и мертвой водой»:

¹ Об истории этой публикации и текст самого очерка с отмеченными цензурными изъятиями см. [Гаврилова, 2013].

«И маршалы зова не слышат,
Иные погибли в бою,
Другие ему изменили,
И продали шпагу свою»
«Воздушный корабль»

Вот этот самый эпиграф — журнальный текст — передавали из рук в руки во всех студенческих общежитиях Москвы, да и не только в студенческих.

[Шаламов, 2013, т. 6, с. 262]

Эпиграф из Лермонтова отсутствовал во всех советских изданиях данной книги, кроме первого. Слишком явным был намек, почти такой же, что и в поэме Пастернака «Высокая болезнь», в последних ее строках:

Я думал о происхожденьи
Века связующих тягот.
Предвестьем льгот приходит гений
И гнетом мстит за свой уход.

Современники прекрасно понимали, кого имели в виду Воронский и Пастернак, на что они намекали — на смерть Ленина и ту диктатуру, что последовала за ней. Интересное пересечение: Пастернак посвятил поэму Борису Пильняку, который ранее посвятил «Повесть непогашенной луны» (опубликованную в «Новом мире» В. П. Полонского) редактору «Красной нови» Александру Воронскому...

В 1920-е годы литературная жизнь во многом определялась неистовым спором между сторонниками Российской ассоциации пролетарских писателей (РАППа), созданной в 1925 году, и кругом «Красной нови» и литературной группой «Перевал», созданной при активном участии Воронского (который в нее формально не вошел) в 1923 году. Численно РАПП был гораздо больше, но читали в большей степени «перевальцев» и других так называемых «попутчиков» — писателей и поэтов, не принадлежавших к ВКП(б), которых активно публиковал А. К. Воронский. Круг этих писателей был весьма широк — от А. Н. Толстого, будущего классика соцреализма, до... Осипа Мандельштама. «Красная новь» стараниями Воронского быстро стала центром притяжения живых творческих сил советской культуры, объединяя большевиков и талантливых небольшевистских авторов. Осип Мандельштам не только печатал свои стихи в журнале Воронского [см., напр. Мандельштам, 1923], но и издал

сборник стихов («Вторую книгу») в перевальском издательстве — артели писателей «Круг». Казалось бы, Мандельштам чужд тому искусству и той поэзии, которую пропагандируют критики из «Красной нови», тем более что поэзии они уделяли куда меньшее внимание, чем прозе (в отличие от других своих оппонентов из ЛЕФа). Но Воронский и его группа видели в Мандельштаме то, что Шаламов называл «правдой таланта». Они были убеждены, что идеологическая близость не может быть заменой таланту, поэтому и Мандельштам, и Бабель, и многие другие авторы находили место на страницах «Красной нови».

Авторы «Красной нови» печатались и перепечатывались в эмигрантских, прежде всего берлинских, изданиях, а сам журнал активно следил за культурными и политическими процессами в эмиграции. Так, Воронский был одним из первых, кто глубоко проанализировал явление «сменовеховства» в эмигрантской среде [Воронский, 2012].

История противостояния «Красной нови» и РАППа изучена уже достаточно хорошо [см. Белая, 2004; Магуайр, 2004]: сторонники единства формы и содержания в художественном произведении столкнулись с апологетами жестко идеологизированного агрессивного вульгарного социологизма, стремившимися использовать все государственные и партийные механизмы для борьбы со своими противниками. Происхождение и политические взгляды — этого для большинства сторонников РАППа и его органа «На литературном посту» было достаточно для критики тех или иных авторов. Формально с 1928 года побеждать стал РАПП, но в 1932 году решительным вмешательством руководства партии (постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций») было положено начало созданию единого Союза писателей, а все остальные группы ликвидированы.

Выдающий исследователь литературы 1920-х годов Г. А. Белая назвала модели революционной культуры в заглавии одноименной антологии — «опытом неосознанного поражения», а позицию Воронского в этом споре — донкихотской (определение из названия ее выдающейся книги, впервые вышедшей в 1989 году). Признавая очень большое и серьезное значение работ Г. А. Белой, следует не согласиться с ней в этих характеристиках, особенно с учетом документов и материалов, ставших доступным исследователям после выхода ее книг.

Прежде всего, поражение в борьбе как политической — против устанавливающейся сталинской диктатуры, — так и культурной — против упрощенчества и жесткого идеологического диктата в литературе, было осознано Воронским. Тому свидетельства — самая главная его книга «За живой и мертвой водой», очерки и рассказы начала 1930-х годов, а также не дошедшие до нас

рукописи, изъятые при аресте. Воронский понимал, что наступает термидор, что революция переходит в иную фазу и на первый план в условиях диктатуры выбиваются карьеристы, приспособленцы и интриганы. Это один из важнейших мотивов «За живой и мертвой водой» и публицистики Воронского:

Есть много разновидностей литературных прохвостов, но из них основных два: одни «энергично фукцируют», другие «фукцируют» совсем тихо. Но тихий подхалим тоже чего-нибудь стоит. Недавно я встретил такого: он вползал в редакцию, как сладкая вошь. <...> Известно, что и по сию пору ведутся страстные литературные споры. Есть два литературных лагеря: вот тут-то прохвост и пролаза и празднуют свой праздник.

Как это делается? Очень просто!

В редакцию приходит юркий человечек. Он развязен, но скромн. У него маленькие, но острые и бегающие глазки. Он желает что-то поместить. Через несколько дней редакция возвращает ему рукопись, при чем дают понять, что редакция держится другого, можно даже сказать, совсем противоположного взгляда.

— В самом деле, — молниеносно соглашается выжига, — возможно, что вы правы. Я переделаю...

— ?..

Предположим даже, «переделка» не удалась. Проходит две-три недели. Пролаза орудует в другом лагере. Вот и все. А еще через неделю на одном из литературных собраний вы слушаете раскрывши рот и выпучив глаза его вдохновенную речь о социальном заказе пролетариата или еще о чем-нибудь в этом роде. Сегодня он ярый фрейдист, а завтра придерживается самой строгой плехановской ортодоксии, хотя о Плеханове он слышал из четвертых рук. Сегодня он превозносит Пильняка, а завтра он изобличает истинного пролетарского поэта в мелко-буржуазных уклонах. Он уже тверд и беспощаден, он «идеологически выдержан» до последнего нейрона мозгов своих.

[Опыт неосознанного поражения ... , 2001, с. 184–186]

Здесь Воронский писал прежде всего о литературных «пролазах», но подразумевал отнюдь не только их. Он вступил в оппозицию и боролся против бюрократизации партии, уничтожения внутрипартийной демократии, потому что понимал: именно такие «сладкие вши» и губят революцию. По свидетельству дочери Александра Константиновича Галины, ее отец говаривал в 1930-е: «Откуда у нас столько старых большевиков? В годы реакции нас оставались буквально единицы. А теперь только и читаешь: член партии с 1904,

с 1905 года. И фамилии все какие-то незнакомые, интересно, что они делали до революции, и где были?» [Воронская, 2007, с. 249].

Та же картина нарисована Воронским в рассказе «Юла», главный герой которого литературный карьерист и филистер носит говорящую фамилию Петляев [Воронский, 2016].

Определение позиции Воронского как либерализма тоже, по сути, не исторично. Воронский и его сторонники никогда не были либералами, он был идейным коммунистом и революционером. Конечно, Г. А. Белая использовала слово «либерализм» не в прямом значении политико-идеологической идентификации, но сама идея, в соответствии с которой большевик-коммунист должен быть либералом лишь потому, что он отстаивает плехановскую, то есть классически марксистскую идею свободы творчества, не верна по сути. Именно такая позиция и была большевистской в первой половине 1920-х годов, проиграв затем сталинской позиции тщательного контроля над культурными процессами.

Наконец, поражение тоже было относительным. Да, Воронский был снят с поста главного редактора «Красной нови», отправлен в ссылку, после которой «сломал свое перо журналиста» [Шаламов, 2013, т. 4, с. 281], а в 1937 году был расстрелян. Но идеи «Красной нови» не были забыты. В 1930-е их подхватил журнал «Литературный критик» и один из его вдохновителей М. А. Лифшиц (один из создателей марксистской эстетики, близкий друг и в определенном смысле наставник Д. Лукача). Тупиковость пути вульгарного социологизма, невозможность тотального контроля за литературным творчеством заставили даже сталинские власти идти на определенные компромиссы в культурной политике. «Социальные заказы» в литературе, которые призывали не слушать критику «Красной нови» [Горбов, 1929, с. 28–29], стали определяющими, но всё-таки талант не был отдан им на откуп полностью. Между 1920-ми и 1930-ми годами был жесточайший разрыв — но была и преемственность, о которой легко, однако совершенно неверно забывать. Культурную и философскую эстафету Воронскому удалось передать несмотря на смерть.

Власти поставили литературу под жесточайший контроль. По свидетельству, в частности, К. М. Симонова, Сталин лично прочитывал все книги, выдвигавшиеся на Сталинскую премию, и без его мнения она не присуждалась до самого одряхления тирана. Многие функционеры РАППа получили руководящие посты в Союзе писателей, например, А. А. Фадеев и В. П. Ставский (написавший, помимо прочего, донос на Осипа Мандельштама), чей талант был весьма невелик. Но необходимость привлечения талантливых «попутчиков», сохранения дореволюционной интеллигенции — это власть тоже усвоила,

причем не только в чисто пропагандистских целях. Такая политика сохранила возможность писать и даже жизни многим деятелям культуры в эпоху «Большого террора». При этом Фадеев и другие РАППовцы, которые легко восприняли идею, согласно которой верховным арбитром в культуре должен быть именно вождь — Сталин, оказались востребованы, несмотря на то, что некоторые из их соратников были репрессированы (В. М. Киршон, Л. Л. Авербах). Но востребованы они оказались прежде всего как чиновники, а не как писатели. Победила своеобразная полу-РАППовская позиция: вольности в литературе и среди литераторов возможны, но по воле вождя и в рамках «социального заказа» — то есть «партийной линии». Однако без этой ограниченной зоны свободы советская культура превратилась бы в сталинский период в чисто вытопанное поле, чего всё-таки не случилось. Традиция свободы творчества, не вмещающейся в жесткие идеологические рамки, та самая традиция, которую отстаивал Воронский, была все-таки сохранена.

Шаламов и в 1920-е, и в послесталинские годы был, безусловно, на стороне «Красной нови» в этом споре. Воронский был важен Шаламову не только как сторонник оппозиции, в которой участвовал и сам будущий автор «Колымских рассказов», воспринимавший в молодости книгу «За живой и мертвой водой» как «катехизис подпольщика, где читающий мог научиться элементарным правилам конспирации, поведению на допросах» [Шаламов, 2013, т. 4, с. 585]. Менее очевидный факт: эстетическая программа Шаламова, которую исследователи чаще всего сопоставляют с наследием ЛЕФа, отталкивалась также и от взглядов Воронского на литературу.

Шаламов во многих своих текстах пишет то, что вполне могли бы одобрить ведущие критики «Красной нови»: Лежнев, Горбов, наконец, сам Воронский. В заметке «О правде в искусстве» Шаламов пишет:

По сути дела, искусство для художника ставит необычайно ясную, необычайно простую задачу — писать правду, действительность, и овладеть всеми средствами изображения для того, чтобы лучше, вернее передать то самое, что называется жизнью и миром.

Тем самым всякая фальшивость, всякое подражание заранее обрекается на неуспех, ибо об этом будет судить потребитель, которому художник должен напомнить жизнь, но не литературу, т. е. уже открытое и увиденное кем-то раньше.

Нетребовательность читателя, когда тысячи романов принимаются за художественную литературу и таким именем называются тысячами критиков, возникает из малого общения с произведениями литературы действительной

(или общения поверхностного, при котором нет глубокого увлечения вещью, а следовательно, и глубокой внутренней критики ее).

[Там же, т. 5, с. 61]

Конечно, Шаламов идет дальше. В знаменитом эссе «О моей прозе» он пишет:

Из всего прошлого остается документ, но не просто документ, а документ эмоционально окрашенный, как «Колымские рассказы». Такая проза — единственная форма литературы, которая может удовлетворить читателя XX века.

Второе — здесь изображены люди в крайне важном, не описанном еще состоянии, когда человек приближается к состоянию, близкому к состоянию зачеловечности. Проза моя — фиксация того немногого, что в человеке сохранилось. Каково же это немногое? И существует ли предел этому немногому, или за этим пределом смерть — духовная и физическая? В этом смысле мои рассказы — своеобразные очерки, но не очерки типа «Записок из Мертвого дома», а с более очерченным авторским лицом — объективизм тут намеренный, кажущийся, да и вообще — не существует художника без лица, души, точки зрения. Рассказы — это моя душа, моя точка зрения, сугубо личная, то есть единственная. Этой личностной точкой зрения держится не только художественная литература <...> ЛЕФовцы в ряде статей советовали «записывать факты», «собирать факты». Но копить, «искать факты» в их газетном преображении, как это делали когда-то фактовики. Но ведь это — искажение, расчисленное заранее. Нет никакого факта без его изложения, без формы его фиксации.

[Там же, т. 6, с. 487, 489]

Удивительный синтез: Шаламов соединяет эстетические принципы «Перевала» и критиков «Красной нови» с находками «ЛЕФа», ОПОЯЗа и формалистов. В исследовании творчества Шаламова современные филологи в основном обращают внимание на ЛЕФовскую (авангардно-модернистскую) часть используемого им наследства [см., напр. Golden, 2004]. Но вторая — реалистическая — не менее значима, ибо Шаламов в условиях послесталинского культурного опустошения занимался воссозданием обеих традиций, и эта его деятельность еще найдет свое воплощение в русской культуре — и достойную научную интерпретацию.

Шаламов писал «Колымские рассказы», свои литературные манифесты и литературоведческие эссе в ситуации, когда многие эксперименты — и политические, и культурные — 1920-х годов были забыты. Он возвращается из ла-

В

Это Наряд. Я любил показывать
 пример бесконтрольности, неграмотности,
 впадения в себя.

Но эта — р бесконтрольность, неграмотность,
 небрежность — во всем —
 во художественных принципах, поэти-
 ческой практике — до самого последнего
 — и еще рт. Мандельштам, который прожил
 Юлиану Кандинскому и Кандику
 Мандельштам.

Это и еще рт. Мандельштам, который
 оживил поэт Мандельштам.

Это и еще рт. Мандельштам, который
 велит русским поэтам, поэтике,
 литературе с ~~успехом~~ ~~успехом~~ ~~успехом~~

Теперь я прощаю лучшие стихотворения Мандельштама
 Это стихотворения скандинавские и о каменном
 для XIX века лучшие русские лирические стихотворения
 творения Ано, Родуверена Баранского

Для XX века — стихотворения Мандельштама.

Почти узкая планка поэт бегали краснеть
 Под ногам краснеть, на морозе гореть

Почти детские руки убитом поднимать
 Убитом поднимать, да веревки висеть.

Почти великие ноги по снегу бошком
 По снегу бошком да крошечка песочком

Ну, а мне за тебе Зерной светлой Зереть
 Зерной светлой гореть, да молитва не
 слыть

16 янв 1966.. Мандельштам

Заключительная страница белой рукописи несостоявшегося выступления В. Т. Шаламова об О. Э. Мандельштаме. 16 января 1966 года [РГАЛИ. Ф. 2596. Оп. 2. Ед. хр. 123. Л. 13]

герей — и борется за память о двадцатых годах. Даже в лагерной больнице он записывает стихи любимых им поэтов для своих друзей. Он борется за полноценную реабилитацию Воронского, первым опубликовав статью с рассказом о деятельности редактора «Красной нови». Он открыто выступает за публикацию Мандельштама. Работает в архиве, разыскивая материалы о революционерах-большевиках Федоре Раскольникове и Ларисе Рейснер. Он вообще ведет себя куда активнее, чем часто представляется его читателям и некоторым критикам: мрачный изможденный человек после ГУЛАГа, яростно пишущий рассказы в стол. Почему он столь активен? Дело ли только в том, что эти

люди несправедливо забыты? Что было важно Шаламову в Мандельштаме? Что было важно в Воронском?

На самом деле Шаламов восстанавливает традицию. И культурную, и политическую, причем политическую — очень осторожно, через искусство, через литературу.

Шаламов писал Н. Я. Мандельштам: «Утрачена связь времен, связь культур — преемственность разрублена, и наша задача восстановить, связать концы этой нити» [Шаламов, 2013, т. 6, с. 412]. Для этого, как считал Шаламов, нужен личный контакт, личная связь с людьми-носителями традиции, особенно с теми, кто олицетворял для него человеческий идеал:

Должны же быть такие люди,
Кому мы верим каждый миг,
Должны же быть живые Будды,
Не только персонажи книг.

[Там же, т. 3, с. 383]

Знакомство В. Т. Шаламова с Н. Я. Мандельштам началось после известного вечера памяти Осипа Мандельштама на Мехмате МГУ 13 мая 1965 года. Там Шаламов читал рассказ «Шерри-бренди», в котором имя Мандельштама не называется, но погибший поэт легко узнается любым мало-мальски образованным читателем.

Если присмотреться — это странный рассказ. Мандельштам в «Шерри-бренди» думает о поэзии словами самого Шаламова, неоднократно затем повторенными им на страницах эссе, переписки, наконец, в его научной статье «Звуковой повтор — поиск смысла», опубликованной в 1976 году в сборнике «Семиотика и информатика». Сам факт, что масса важных для Шаламова соображений о поэзии в сжатом виде вошла в этот рассказ, не может не обратить на себя внимание. Более того, в черновиках рассказа есть стертая, но читаемая фраза, идущая после слов «Поэт заставил себя остановиться. Это было легче делать здесь, чем где-нибудь в Ленинграде или Москве»: «Прекрасная, выразительная <нрзб> рифма — “умирал — минерал”. Глагол и существительное, стихотворный ключ русской речи» [РГАЛИ. Ф. 2596. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 49].

У Мандельштама такой рифмы мне найти не удалось, но у самого Шаламова она встречается в двух стихотворениях: «Из дневника Ломоносова» (1954) и «Бирюза и жемчуг» (1959), написанных как раз в тот период, когда шла работа над рассказом «Шерри-бренди».

Конечно, эти совпадения, это приписывание Мандельштаму точки зрения Шаламова-поэта, как справедливо писала Л. Юргенсон, — ярчайший пример «двойничества», когда автор и герой практически сливаются: «Создание двойника — Мандельштама — позволяет Шаламову описать свою собственную смерть и в то же время воздвигнуть надгробный памятник поэту» [Юргенсон, 2005, с. 334]. Л. Юргенсон справедливо видит переключку:

Шаламов побывал на Колыме, приобрел знания, отчуждающие от людей. За год до Мандельштама он побывал на той же пересылке, но уже узнав опыт Колымы, как посланник мертвых. Этот этап описан в рассказе «Тифозный карантин»; Мандельштам в «Шерри-Бренди» встречается с Шаламовым из «Тифозного карантина».

«Он вспомнил давнишний тюремный спор: что хуже, что страшнее — лагерь или тюрьма? Никто ничего толком не знал, аргументы были умозрительные, и как жестоко улыбался человек, привезенный из лагеря в ту тюрьму. Он запомнил улыбку этого человека навсегда, так, что боялся ее вспоминать». («Шерри-Бренди»).

Этот человек и есть Шаламов, пришедший сюда из рассказа «Тифозный карантин» (где он носит фамилию Андреев), чтобы стать свидетелем собственной смерти.

[Там же, с. 334–335]

Поэт для Шаламова — обязательно еще и нравственный ориентир. Он согласен с тем, что «Поэт должен быть больше, чем поэт» [Шаламов, 2013, т. 5, с. 262]. Казалось бы, Мандельштам с его характером не подходит под эту формулу. Но Шаламов настаивает: «Есть мнение, что, близко соприкасаясь с живой жизнью, с бытом, Осип Мандельштам вел с ним борьбу с помощью книжного щита, щита, а не меча. Это не книжный щит, а щит культуры, да и не щит, а меч» [там же, т. 5, с. 209]. Если учесть это мнение, становится понятно, почему «Сталин ненавидел стихи и не простил Мандельштаму» [там же, т. 4, с. 553]. Мученическая гибель Мандельштама подчеркивает вывод Шаламова, согласно которому «стихи — это судьба, не ремесло». Стихи, культура именно поэтому и могут быть орудием общественной борьбы — благодаря их нравственному содержанию.

Судьба Мандельштама для Шаламова не менее важна, чем его стихи:

И у Пастернака, и у Цветаевой, и у Ахматовой были уступки, отступления под нажимом грубой силы. Были принесенные напрасные жертвы, только уничтожившие этих поэтов. <...> У Мандельштама не было компромисса. <...> Вот эта-

то бескомпромиссность, непримиримость, нетерпимость — во всем — от художественных принципов, поэтической практики до личного поведения — и есть тот мотив, который пронизывает каждую строчку и каждый день жизни Мандельштама.

[РГАЛИ. Ф. 2596. Оп. 2. Ед. хр. 123. Л. 12–13]²

Мандельштам у Шаламова — не просто поэт, но символ поэта, квинтэссенция поэта. Это символ единства культуры и борьбы за нее.

Шаламов не был историком, но свою версию русской истории написал, вернее, почти написал. Но в отличие от Солженицына, его работа не стала отказом от литературы, отвержением литературы — как «Красное колесо», к которому относятся по-разному в зависимости от идеологических предпочтений, но которое почти никто не в состоянии прочитать целиком.

В своем эссе «о новой прозе» Шаламов пишет: «Даже в познавательной части «Колымских рассказов» — новая запись русской истории, самых скрытых и страшных (страниц) — от Антонова до Савинкова — от “Эха в горах” до “Исландской саги”» [Шаламов, 2013, т. 6, с. 493]³.

Шаламов пишет русскую историю XX века через биографии тех, кого сталинизм пытался вычеркнуть из этой истории, о которых Шаламов мог свидетельствовать не просто как наблюдатель, рядовой участник событий, но и как один из обреченных на забвение. Сам этот факт давал его свидетельству — с точки зрения самого Шаламова — силу истины.

В этом контексте следует рассматривать попытки Шаламова создать художественно-документальные произведения, посвященные историческим деятелям: эсерке-максималистке Наталье Климовой⁴ и известному большевику Федору Раскольникову [Соловьев, 2017].

Обращает на себя внимание особая интонация этих двух текстов, которую можно назвать *агиографической*. Она встречается у Шаламова не только в «Золотой медали» и «Раскольникове», но и в некоторых рассказах колымских циклов: «Последний бой майора Пугачева», «Житие инженера Кипреева». В последнем случае читателю о жанре текста автор сообщает в самом названии, что для Шаламова — редкий случай. Обычно в «Колымских рассказах» названия подчеркнута делаются автором непрозрачными, весь смысл которых раскрывается только после прочтения новеллы целиком.

² Полный текст этого выступления В. Т. Шаламова готовится к публикации.

³ «Исландская сага» — рассказ В. Т. Шаламова, оставшийся в набросках.

⁴ О замысле биографии Н. С. Климовой см. [Соловьев, 2013].

По словам Шаламова, такие биографии принципиально важны: «Эта история — не только позволит *изучить эпоху* (выделено мной. — С. С.) — надеть намордник на эпоху» [Шаламов, 2013, т. 6, с. 387].

«Колымские рассказы» в целом — не только и не столько свидетельство, не только гениальная проза о состоянии зачеловечности и пределах человечности как таковой. Это еще и обеспечение культурной связи. Опыт лагерей, по Шаламову, — целиком отрицательный. Но он был, а значит должен быть включен в культурную традицию и политику. Как момент истины, как лакмусовая бумажка. Но не для отказа от перемен, от революции, не ради апологии конца истории и «статичной вечности»⁵. Само написание «Колымских рассказов» становится актом сопротивления отчуждению и злу. Именно в таком контексте можно понять слова Шаламова: «Я пишу для того, чтобы люди знали, что пишутся такие рассказы, и сами решились на какой-либо достойный поступок — не в смысле рассказа, а в чем угодно, в каком-то маленьком плюсе» [там же, т. 5, с. 271].

Сохранение целостности культуры, сопротивление тотальному отчуждению также с помощью литературного документа о воплощенном уничтожении человека, человечности и культуры — вот что отстаивает Шаламов в течение всей своей послелагерной биографии. В этом смысле прав Ален Бадью, когда констатирует:

Ведь он [террор] тоже — особым образом — наша история, поскольку речь идет о том, чтобы помыслить его и осуществить с ним разрыв. Шаламов не бросает нас, подведя вплотную к тому, относительно чего мы иногда предпочитаем притворяться, что это нас не тревожит. От нас больше, чем от кого бы то ни было, зависит, чтобы никогда не повторялся, чтобы в самих своих основах был искоренен террор, субъективную истину которого Шаламов выражает в прозрачной и по-братски открытой прозе.

[Бадью, 2005, с. 33–34]

Ален Бадью совершенно справедливо указывает, что проза Шаламова не просто ставит этические вопросы, но ставит этический вызов перед обществом — в несоизмеримо большей степени, чем проза Солженицына. Для Солженицына лагеря — это просто порождение коммунистического зла как такового, результат дьявольского искушения, которое должно быть преодолено и искуплено. Для Шаламова лагеря, Колыма, Освенцим и Хиросима — это уже

⁵ Слова К. Мангейма, писавшего, что «исчезновение утопии создаст статичную вечность».

неотделимая часть человеческой цивилизации. С ней приходится иметь дело вне зависимости от нашего желания. Приходится понимать, что эти трагедии — не только прошлое. И тут многие современные левые и консерваторы оказываются по одну сторону: им проще просто не думать о лагерях и массовых смертях.

Воронского, Мандельштама и Шаламова объединяет не только определенная общность судеб. Они не просто были писателями, творцами и жертвами «века-волкодава», вернее, сталинской карательной системы. Все трое были активными борцами против нее, причем как писатели в большей степени, чем подпольщики. Их объединяет также представление о цельности культуры, единстве литературного и культурного процесса и необходимости решения этических вопросов в художественной форме.

Само ощущение целостности живой культуры, борющейся, противоречивой, выбивающей за рамки канона, традиции, идеологии, — это именно то, что создает возможность для сопротивления отчуждению в повседневной жизни, для политической борьбы. Об этом, в частности, говорил Бродский в своей Нобелевской речи, хотя трудно найти поэта, более далекого от Шаламова и тем более Воронского, чем Бродский...

Новый социальный идеал, новая утопия, способная вдохновить трудящихся, эксплуатируемых на новый «штурм небес», не может не основываться на предшествующем культурном и историческом опыте. Она должна, как доказали еще греки, как понимал Маркс, объединять истину, добро и красоту. После катастроф XX века этическая задача крайне трудна: новое обоснование коллективной этики, этики сопротивления, наталкивается на многократно усилившееся обывательское «как бы не было бы хуже», «вот, в XX веке сколько крови пролили», «коммунизм и фашизм — одно и то же». В мою задачу не входит опровергать это. Замечу только, что тут на филистеров работает не только идеологический аппарат современного государства, — историки стряпают псевдоакадемические бестселлеры, вдохновленные такими же идеологическими штампами, — один за другим⁶.

Для многих современных политиков, политических активистов разных идеологических направлений революционная традиция, равно как и попытка причислить к ней Шаламова, тем более Мандельштама — оксюморон. Левые, которые критикуют капиталистическую глобализацию, также не склонны ос-

⁶ Помимо всем известной «Черной книги коммунизма» обращу внимание на нашумевший бестселлер Юрия Слезкина «Дом на набережной», в котором доказывается абсурдная для историка-специалиста по российской истории первой трети XX века идея, согласно которой большевики были «тоталитарной сектой».

новываться на традиции, особенно литературной. Но эта погруженность в настоящее создает ту самую «статичную вещность», о возникновении которой предупреждал в свое время К. Манхейм. Задолго до него это понимал Воронский: — он спорил с РАППовцами, в том числе защищая традицию, понимая, что без культурного багажа революция не просто не создаст нового искусства, но она не выстоит без обнажаемых искусством противоречий и нового социального идеала.

Осознание диалектической — именно диалектической — цельности лучших достижений культуры минувшего века — явно дело будущего. Многие левые — или те, кто так себя называют, — не воспринимают как свою культуру не только иллюзорно-эстетского Мандельштама, но и Шаламова (зачастую, но уже не так часто, как раньше, интерпретируя его как еще одного Солженицына), и даже Воронского. Проблема заключается в том, что без осознания ценности и противоречивости культурного наследия невозможно то, что является едва ли не самым слабым местом в современной левой мысли. С критикой капитализма у современных социалистов и коммунистов всё в порядке, с теорией куда хуже, но есть немало выдающихся авторов, кто достойно продолжает марксистскую экономическую традицию. А вот с обоснованием нового социального идеала, включающего свободу и социальное равенство, всё обстоит очень плохо. Социальный идеал — образ желаемого угнетенными будущего — проявляется прежде всего в культуре. Первые ростки нового социального идеала — это этическое и эстетическое недовольство существующим обществом, понимание его несправедливости у Данте и Брейгеля, у Бальзака и Достоевского. Опыт XX века показал, что были и выдающиеся достижения, и чудовищные провалы на пути преодоления социальной несправедливости и отчуждения. В XXI веке новый социальный идеал может возникнуть, проявить себя в искусстве только на основе этого опыта. И в нем должны неминуемо отразиться биографии и достижения в искусстве и Воронского, и Мандельштама, и Шаламова, чтобы новый идеал и новый путь к свободе имел меньше шансов быть повторением неудачи.

Оруэлл писал: «Все революции постигает неудача, но это не одна и та же неудача». На революции в искусстве это правило не распространяется. Общество — благодаря творцам — может пойти по пути создания новой этики, чтобы наконец последовать за искусством.

Список источников

- Бадью А.* Мета/Политика: Можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метаполитике. Пер. с фр. Б. Скуратов, К. Голубович. М.: ЛОГОС, 2005. 239 с.
- Белая Г. А.* Дон-Кихоты революции: опыт побед и поражений. М.: РГГУ, 2004. 623 с.
- Воронская Г. А.* В стране воспоминаний. М.: РуПаб+, 2007. 269 с.
- Воронский А. К.* На новом пути // *Воронский А. К.* Страда. М.: Антиква, 2012. С. 63–79.
- Воронский А. К.* Юла // *Воронский А. К.* Memento Vivere. М.: Издатель Мархотин П. Ю., 2016. С. 40–65.
- Гаврилова А. П.* «...Сыграл огромную роль в истории советской литературы» // Отечественные архивы. 2013. № 6. С. 84–90.
URL: <https://shalamov.ru/research/260/> (дата обращения: 05.05.2022).
- Горбов Д.* Поиски Галатеи. М.: Федерация, 1929. 297 с.
- Колоницкий Б. И.* #1917. 17 очерков по истории революции. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. 144 с.
- Магуайр Р.* Красная новь. Советская литература в 1920-х гг. СПб.: Академический проект, 2004. 366 с.
- Мандельштам О.* Нашедший подкову // Красная новь. 1923. Кн. 2. С. 135–136.
- Опыт неосознанного поражения: Модели революционной культуры 20-х гг.: Хрестоматия. М.: РГГУ, 2001. 455 с.
- Соловьев С. М.* «Надеть намордник на эпоху...» Варлам Шаламов как биограф. Закон сопротивления распаду // Особенности прозы и поэзии Варлама Шаламова и их восприятие в начале XXI века. Сборник научных трудов / сост.: Лукаш Бабка, Сергей Соловьев, Валерий Есипов, Ян Махонин. Прага; Москва, 2017. С. 149–165.
- Соловьев С. М.* «Повесть наших отцов» — об одном замысле Варлама Шаламова // Варлам Шаламов в контексте мировой литературы и советской истории. М.: Литера, 2013. С. 209–219.
- Шаламов В. Т.* Собр. соч. в 6 т. + том 7, доп. М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. 7 т.
- Юргенсон Л. Г.* Двойничество в рассказах Шаламова // Семиотика страха. Сборник статей / сост. Н. Букс и Ф. Конт. М.: Русский институт; Издательство «Европа», 2005. С. 329–336.
- Golden Nathaniel.* Varlam Shalamov's Kolyma Tales: A Formalist Analysis. Amsterdam; New York: Editions Rodopi, 2004. 193 p.

Архивы

- РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства;
РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории.

References

Badiou, A. (2005) *Meta/Politika: Mozhno li myslit' politiku? Kratkii traktat po metapolitike* [*Peut-on penser la politique? Abrégé de métapolitique*]. Transl. from the French by B. Skuratov, K. Golubovich. Moscow: АГОС.

Belaya, G.A. (2004) *Don-Kikhoty revolyutsii: opyt pobed i porazhenii* [*Don Quixotes of the Revolution: The Experience of Victories and Defeats*]. Moscow: RGGU.

Gavrilova, A.P. (2013) «...Sygral ogromnuyu rol' v istorii sovetskoi literatury» ['...Played a Huge Role in the History of Soviet Literature'], *Otechestvennye arkhivy* [*Domestic Archives*], 6, pp. 84–90. Available at: <https://shalamov.ru/research/260/> (Accessed: 05.05.2022).

Golden, Nathaniel (2004) *Varlam Shalamov's Kolyma Tales: A Formalist Analysis*. Amsterdam; New York: Editions Rodopi.

Gorbov, D. (1929) *Poiski Galatei* [*Searching of Galatea*]. Moscow: Federatsiya.

Kolonitskii, B.I. (2017) *#1917. 17 ocherkov po istorii revolyutsii* [*#1917. 17 Essays on the History of the Revolution*]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.

Maguair, R. (2004) *Krasnaya nov'. Sovetskaya literatura v 1920-kh gg.* [*Krasnaya Nov'. Soviet Literature in the 1920s*]. St. Petersburg: Akademicheskii proekt.

Mandel'shtam, O. (1923) 'Nashedshii podkovu' ['Horseshoe Finder'], *Krasnaya nov'*, 2, pp. 135–136.

Opyt neosoznannogo porazheniya: Modeli revolyutsionnoi kul'tury 20-kh gg.: Khrestomatiya [*The Experience of Unconscious Defeat: Models of Revolutionary Culture in the 1920s: A Reader*] (2001) Moscow: RGGU.

Shalamov, V.T. (2013) *Sobranie sochinenii: v 6 tomakh + tom 7, dop.* [*Collected Works in 6 vols + vol. 7, additional*] (7 vols). Moscow: Knizhnyi Klub Knigovek.

Solovyov, S.M. (2013) «'Povest' nashikh ottsov» — ob odnom zamysle Varlama Shalamova' [“'The Tale of Our Fathers’ — about one Plan of Varlam Shalamov’], in *Varlam Shalamov v kontekste mirovoi literatury i sovetskoi istorii* [*Varlam Shalamov in the Context of World Literature and Soviet History*]. Moscow: Litera, pp. 209–219.

Solovyov, S.M. (2017) «'Nadet' namordnik na epokhu...» Varlam Shalamov kak biograf. Zakon soprotivleniya raspadu' [“'Put a Muzzle on the Era...' Varlam Shalamov as a Biographer. The Law of Resistance to Decay’], in *Osobennosti prozy i poezii Varlama Shalamova i ikh vospriyatie v nachale XXI veka. Sbornik nauchnykh trudov* [*Features of the Prose and Poetry of Varlam Shalamov and their Perception at the Beginning of the XXI century. Collection of Scientific Papers*]. Compiled by Lukash Babka, Sergei Solovyov, Valerii Esipov, Yan Makhonin. Praga; Moscow, pp. 149–165.

Voronskaya, G.A. (2007) *V strane vospominanii* [*In the Land of Memories*]. Moscow: RuPab+.

Voronskii, A.K. (2012) 'Na novom puti' ['On a New Way'], in Voronskii, A.K. *Strada* [*Strada*]. Moscow: Antikva, pp. 63–79.

Voronskii, A.K. (2016) 'Yula' ['Yula'], in Voronskii, A.K. *Memento Vivere*. Moscow: Izdatel' Markhotin P.Yu., pp. 40–65.

Yurgenson, L.G. (2005) 'Dvoichestvo v rasskazakh Shalamova' ['Duality in Shalamov's Stories'], in *Semiotika strakha. Sbornik statei* [*Semiotics of Fear. Digest of Articles*]. Compiled by N. Buks and F. Kont. Moscow: Russkii institut; Izdatel'stvo "Evropa", pp. 329–336.

Информация об авторе: С. М. Соловьев — кандидат философских наук, главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Адрес: Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Большая Дмитровка, д. 15; старший научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (ИРИ РАН). Адрес: Российская Федерация, 117292, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19; ведущий научный сотрудник факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Адрес: Российская Федерация, 119192, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4; ведущий программы «Наблюдатель» на телеканале «Культура», один из создателей и главный редактор сайта Shalamov.ru.

Information about the author: S. M. Solovyov — PhD in Philosophy, Senior Specialist at The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Address: 15 B. Dmitrovka Str., Moscow, 125009, Russian Federation; Senior Researcher at The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (IRH RAS). Address: 19 Dmitry Ulyanov Str., Moscow, 117292, Russian Federation; Leading Research Fellow at The Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University. Address: 4 27 Lomonosovsky Prosp., Moscow, 119192, Russian Federation; Host of the program "The Observer" on the TV channel "Culture", one of the creators and editor-in-chief of the site Shalamov.ru.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.05.2022;
одобрена после рецензирования 02.06.2022;
принята к публикации 08.06.2022.

The article was submitted 05.05.2022;
approved after reviewing 02.06.2022;
accepted for publication 08.06.2022.

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 2. С. 121–145.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2022. Vol. 5, no. 2. P. 121–145.

Научная статья / Original article

УДК 821.161.1

doi:10.17323/2658-5413-2022-5-2-121-145

ВЕСЕЛАЯ НАУКА: ФИЛОСОФИЯ И НАБОКОВ

Виктория Львовна Шохина

Высшая школа (факультет) телевидения
Московского государственного университета
им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия,
chokhina1@yandex.ru

 Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка определить отношения Владимира Набокова с философией. Философом его назвать нельзя, но определенные философские идеи ему были интересны, и этот интерес так или иначе отражался в его произведениях. В чем-то созвучными Набокову оказались такие философы, как Гегель, Кант, Паскаль и Бергсон. Также в его творчестве можно увидеть совпадения с мыслями Тютчева и Достоевского. Автор выявляет проблемы, которые более всего занимали Набокова — проблемы сознания, Времени, смерти, потусторонности, истины, сопряженной со смертью и безумием. К собственным философским новациям Набокова можно отнести *космическую синхронизацию* и *теорию мимикрии*. Особая тема статьи — образы философов в произведениях Набокова: это и выдуманные герои (Пьер Делаланд, Адам Круг, Ван Вин), и реальные (Чернышевский). А также многочисленные философствующие персонажи. И главное, что нужно сказать об от-

© Шохина В. Л., 2022

ношении Набокова к философии, это то, что философия для него прежде всего — *веселая наука* (если воспользоваться выражением Ницше).

Ключевые слова: Набоков, философия, сознание, потусторонность, смерть, безумие, Истина, Время, космическая синхронизация, теория мимикрии, философы как персонажи, веселая наука

Ссылка для цитирования: Шохина В. Л. Веселая наука: философия и Набоков // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 2. С. 121–145. <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2022-5-2-121-145>.

Literature. Philosophy. Religion

GAY SCIENCE: PHILOSOPHY AND NABOKOV

Victoria L. Shokhina

High School (faculty) of Television,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia, chokhina1@yandex.ru

Abstract. This article attempts to analyze Vladimir Nabokov's relationships with philosophy. He can hardly be called a philosopher although he was attracted by certain philosophical ideas, and this found its reflection in his works in one way or another. Nabokov's world view was to a degree consonant with the teachings of such philosophers as Hegel, Kant, Pascal and Bergson. Besides, his works demonstrate his closeness to some ideas of Tyutchev and Dostoevsky. The author centres on the issues that occupied Nabokov most of all — the issues of consciousness, Time, death, otherworld and Truth mixed with the presence of death and madness. The *cosmic synchronization* and the *theory of mimicry* are mentioned here as Nabokov's own philosophical innovations. The author devotes special attention to the images of philosophers in Nabokov's writings: these are both fictional characters (Pierre Delaland, Adam Krug, Van Veen) and real ones (Chernyshevsky). Also, there are numerous characters inclined to philosophizing. And the main thing to say about Nabokov's attitude to philosophy is that for him philosophy was primarily a *Gay Science* (to use Nietzsche's expression).

Keywords: Nabokov, philosophy, consciousness, otherworld, death, madness, Truth, Time, cosmic synchronization, mimicry theory, philosophers as characters, Gay Science

For citation: Shokhina, V.L. (2022) ‘Gay Science: Philosophy and Nabokov’, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 5(2), pp. 121–145. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2022-5-2-121-145.

У Владимира Набокова ищут — и находят! — следы разных философов и разных философских направлений и школ. То его относят к неоплатоникам и гностикам [Джонсон, 2011; Foster, 1974], то выводят из Ницше [Ливри, 2005; Rodgers, 2018], то сравнивают с Хайдеггером и Витгенштейном [Ляпушкина, 2016] (в последнем, впрочем, есть смысл: Набоков Витгенштейна не знал, но в чем-то с ним совпадал). А то вписывают в экзистенциализм, о котором он отзывался не иначе как о *философии кафе*.

Всё это потому, что ткань прозы Набокова насыщена смыслами и оттенками смыслов, уходящих вглубь, а слово его отзывчиво. Из его сочинений можно вычитать много чего. Впрочем, еще больше в них можно вчитать¹.

* * *

Притом говорить о *философии Набокова* вряд ли возможно — он не был философом в строгом смысле слова. Да и в нестрогом тоже! К философии он относился, как пчела к цветам, с которых она собирает нектар.

Но можно назвать, по крайней мере, четырех философов, которые повлияли на Набокова, точнее — оказались в чем-то ему созвучными. Это Гегель, Бергсон — в симпатии к их идеям он, в той или иной форме, признавался, — и Кант, о котором он высказывался в шуточной форме, но тем не менее... Особый случай — Блез Паскаль, ему Набоков придумал родственника в лице французского мыслителя Пьера Делаланда.

Гегелем Набоков увлекся, еще учась в Тенишевском училище.

¹ Два ярких примера: А. С. Артамонова увидела сходство идеи романа «Лолита» с трактовкой сюжета грехопадения у Льва Шестова [Артамонова, 2007]. С. Давыдов, восприняв в английском переводе «Приглашения на казнь» (в исполнении Дм. Набокова при участии В. Набокова) “gnostical turpitude” («гносеологическое преступление») как «гностическое преступление», построил целую теорию о гностицизме Набокова [Давыдов, 1982]. Однако в обоих случаях ничто не свидетельствует о знакомстве писателя с этими идеями, тем более — о каком-то его интересе к ним.

В. Набоков в Берлине. 1925

V. Nabokov in Berlin. 1925

«<...> я придумал, что бывшая столь популярной в России гегелевская триада, в сущности, выражает всего лишь природную спиральность вещей в отношении ко времени. Завои следуют один за другим, и каждый синтез представляет собой тезис следующей тройственной серии», — рассказывает он в «Других берегах» (1954) [Набоков (В. Сиринъ), 2002–2009, т. 5, с. 312].

В 1920–1930-е годы, когда «время было в моде», Набоков заинтересовался Бергсоном, с его теорией времени и «эмоционально-интуитивной» гносеологией, и Прустом, чьи произведения он потом назовет «иллюстрированным изданием учения Бергсона». Интерес к Канту возник, скорее всего, благодаря высоко ценимому им роману Андрея Белого «Петербург» (1913; 1922). Да и другим авторам Серебряного века, оттачивающим

на Канте свои перья то так, то эдак. (И, возможно, благодаря дружбе с философом-неокантианцем Сергеем Гессеном.)

А если мы посмотрим ткань его сочинений на свет, то увидим контуры мыслей Достоевского, которого он почти ненавидел, и (реже) Толстого, которого обожал. И еще важный момент: ко многим мыслям/тезам Набокова находится «рифма» у Тютчева, его он назвал в стихах так: «ключ, струящийся во мгле» [Набоков, 2002, с. 67].

Сказанное не означает, что Набоков во всем с этими мыслителями соглашался. Философские идеи он воспринимал, во-первых, выборочно, во-вторых, — не столько рационально, сколько чувственно и интуитивно² (так же, как воспринимал буквы, слова, язык).

И конечно, ему импонировало бергсоновское предпочтение интуиции (проникающей в «интимную сущность вещей») интеллекту (создающему общие/отвлеченные понятия), особенно нравилась бескорыстная «эстетическая

² Впрочем, Набоков и не особо оригинален в этом. Как отмечает Владимир Кантор: «Писатель формулирует “чувствуемую мысль” (Маяковский). Это идет от слов Кириллова из “Бесов”, что мысль надо чувствовать. Такова была позиция и самого Достоевского, создателя “идеологического романа” (Б. Энгельгардт). Я бы сказал, что большая литература и есть, в сущности, “чувствуемая мысль”» [Кантор, 2017, с. 9].

В. Набоков в горах Швейцарии. 1962

V. Nabokov in the mountains of Switzerland. 1962

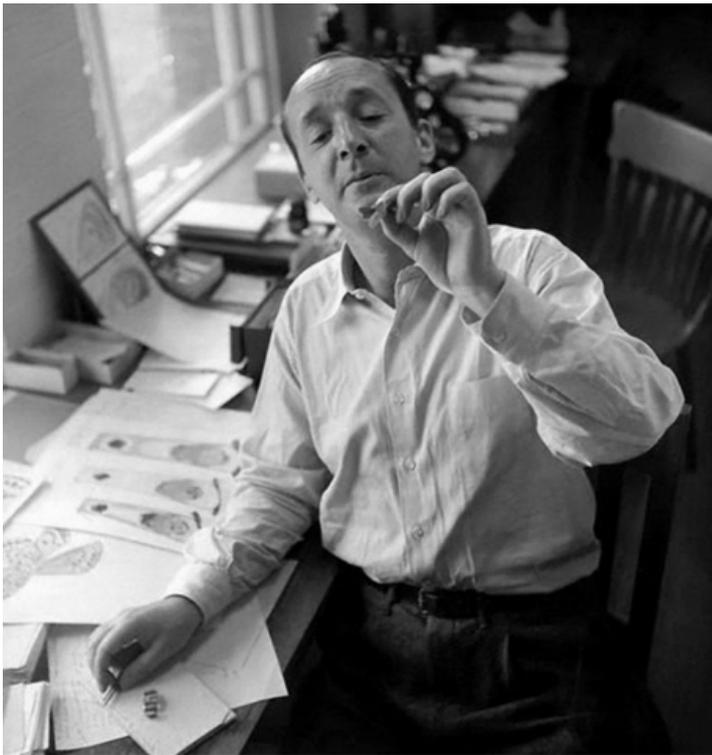
интуиция», на которую философ делал серьезную ставку. Характерно, кстати, что Бергсона Набоков числил в одном ряду с любимыми поэтами и прозаиками, то есть относился к философу как к художнику слова (к тому же, Бергсон получил в 1927 году Нобелевскую премию по литературе, прежде всего как автор книги «Творческая эволюция», ее Набоков читал и почитал).

Набокова восхищает диалектика Гегеля, его «живительная истина», «как кровь, струящаяся в самом процессе познания» [Набоков (В. Сиринь), 2002–2009, т. 4, с. 422]. Гегелевской триадой он меряет всё, включая свою жизнь. По тропам, проложенным Кантом и Бергсоном, пускается в исследование Времени и Пространства. Для него это тоже разные формы

бытия/инобытия, и он отделяет их друг от друга. Время — внутреннее, творческое бытие и инобытие, «сквозняк из другого измерения». Пространство — бытие внешнее, механистичное. Почти как у Канта, считавшего *время* формой внутренней чувственности, а *пространство* — формой внешней чувственности. Или как у Бергсона, который не только отделял время от пространства, но еще выделял «научное время» и «чистое время» («длительность», или «время сознания»). В сущности же, по Достоевскому, записавшему как-то: «Время не существует; время есть цифры, время есть: отношение бытия к небытию» [Достоевский, 1972–1990, т. 7, с. 167].

У Паскаля Набокову нравится представление о жизни человека как о некоем промежутке между извлечением из небытия и поглощением бесконечностью. И еще — идея о «бесконечном множестве миров, у каждого из которых есть свой небосвод, свои планеты, своя земля, на этой земле свои живые существа, и наконец свои муравьи <...>» [Паскаль, 1995, с. 133].

Философским изобретением Набокова можно, пожалуй, считать его *теорию мимикрии*, бросающую вызов теории естественного отбора. В отличие от Дарвина, Набоков объясняет мимикрию не борьбой за существование —

В. Набоков за рабочим столом в Гарвардском музее естественной истории

V. Nabokov at his desk at the Harvard Museum of Natural History

не тем, что насекомое, маскируясь, спасается от врага, — а бескорыстной игрой природы. Ибо мимикрия бывает «подчас доведена до такой точки художественной изощренности, которая находится далеко за пределами того, что способен оценить мозг гипотетического врага — птицы, что ли, или ящерицы: обманывать, значит, некого, кроме разве начинающего натуралиста». Мимикрию, это нечто «сложное и «бесполезное»» в природе, он приравнивает к другому «восхитительному обману» — к искусству [Набоков (В. Сиринъ), 2002–2009, т. 5, с. 224–225].

Набоков уверен: природа, «наша осмысленная сообщница

и остроумная мать», добивается «веселого впечатления очаровательной иррациональности» [Набоков, 2001].

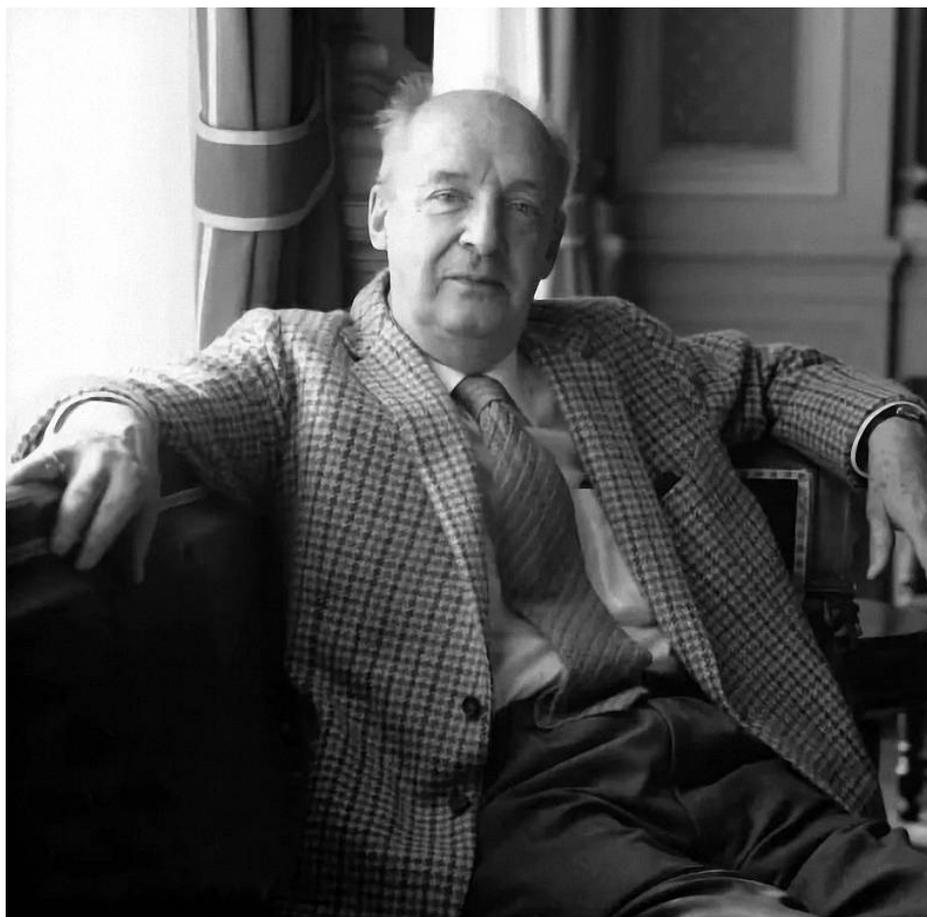
Прямо по Тютчеву:

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...

[Тютчев, 2002–2005, т. 1, с. 169]

И вместе с Тютчевым — против «равнодушной природы» Пушкина (««Равнодушная природа» — какой вздор! Сплошное чурание, вот это вернее», — говорит герой «Ultima Thule», 1942) [Набоков (В. Сиринъ), 2002–2009, т. 5, с. 114]. А также в полном согласии с Бергсоном, верившим в бескорыстное творческое начало живых организмов, которое и управляет эволюцией.

Другая новация Набокова — *космическая синхронизация* (отчасти напоминающая «одновременность» Бергсона). Персонажи писателя объясняют ее на

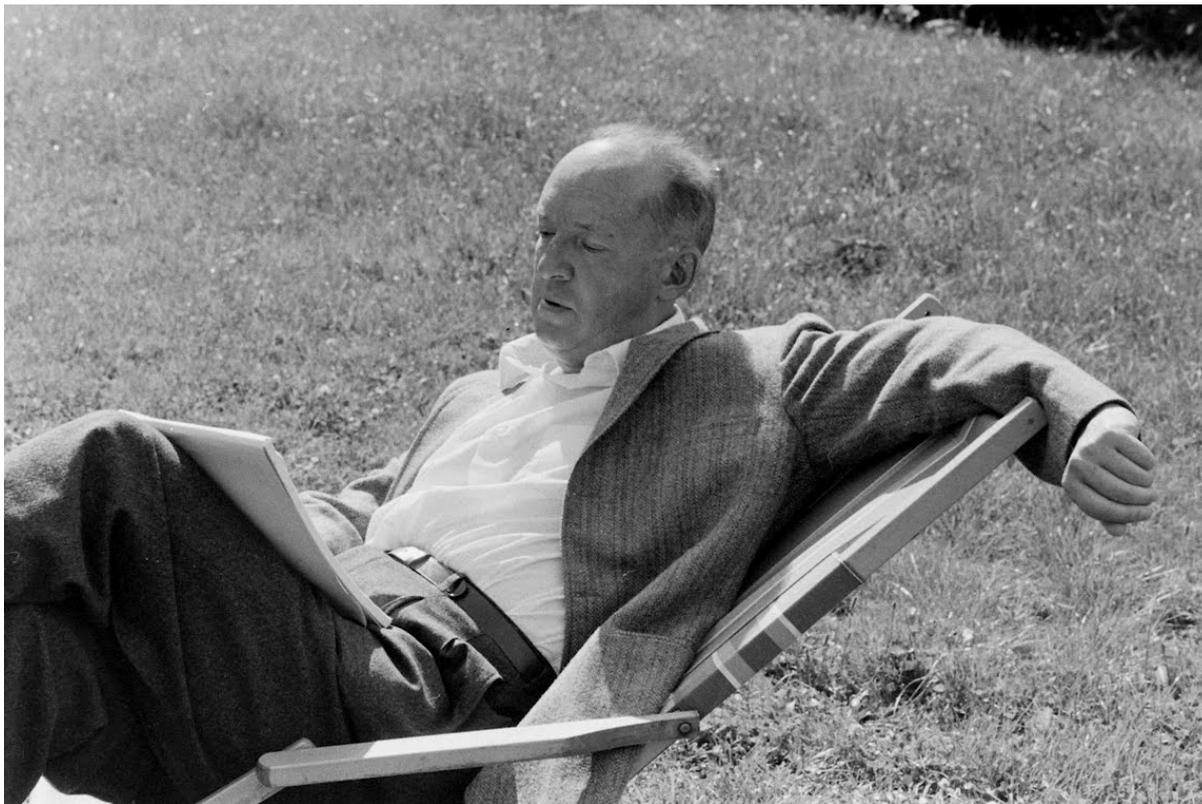
В. Набоков в своем номере в Montreux Palace Hotel. Швейцария. 1964

V. Nabokov in his room at the Montreux Palace Hotel. Switzerland. 1964

разный лад. Федор Годунов-Чердынцев в «Даре» (1937–1938) называет *«многопланностью мышления»* [там же, т. 4, с. 344]. «<...> Не только мои глаза другие, и слух, и вкус, — не только обоняние, как у оленя, а осязание, как у нетопыря, — но главное: дар сочетать все это в одной точке...», — говорит Цинциннат Ц. в «Приглашении на казнь» (1935–1936) [там же, с. 74]. Когда «все веки, двери и створки сознания» открываются «сразу и во всякое время суток», — добавляет Себастьян Найт («Подлинная жизнь Себастьяна Найта», 1941) [Набоков, 2004–2008, т. 1, с. 79].

На практике же, в стихах, записанных в «Даре» прозой, так: «Наш час настал. Собаки и калеки одни не спят. Ночь летняя легка. Автомобиль, проехавший, навеки последнего увез ростовщика. Близ фонаря, с оттенком маскарада, лист жилками зелеными сквозит. У тех ворот — кривая тень Багдада, а та звезда над Пулковом висит» [Набоков (В. Сиринь), 2002–2009, т. 4, с. 337].

Несколько строже суть «космической синхронизации» излагает Vivian Bloodmark, философствующий персонаж последней версии автобиографии писателя «Память, говори» (Speak, Memory, 1966): «<...> если ученый видит все,

В. Набоков в университетском городке Итака (штат Нью-Йорк). 1958

V. Nabokov at the University town of Ithaca (New York state). 1958

что происходит в одной точке пространства, то поэт чувствует все, происходящее в одной точке времени» [Набоков, 2004–2008, т. 5, с. 502].

Еще раз обратим внимание на слово «чувствует», оно, по Набокову, определяющее в процессе познания. С чувственным восприятием связано воображение — это «дивное наслаждение бессмертных и юных» [там же, с. 325]. И самое важное для него, натуралиста и одновременно метафизика, — это та точка, «где переходят одно в другое воображение и знание» [Набоков (В. Сиринь), 2002–2009, т. 5, с. 256], где сопрягаются «смутные сны с научной точностью памяти» [Набоков, 2004–2008, т. 1, с. 254], — точка искусства, находящаяся в сознании.

Набоков знает: сознание первично, материя — вторична. Более того, сознание — это «единственная реальность мира и величайшее его таинство» [там же, с. 354]. Выстраивая иерархию сознания, писатель чеканно формулирует: «Время без сознания — мир низших животных; время с сознанием — человек; сознание без времени — некое более высокое состояние» [Набоков, 1973, с. 23]. (Интересно, кстати, имел ли он при этом в виду, что «более высокое состояние» — это, согласно Откровению Иоанна Богослова, Конец Света, когда времени уже не будет?)

Мироздание Набоков представляет как Вселенную, объятую сознанием (*the universe embraced by consciousness*) [Набоков, 2004–2008, т. 5, с. 502]. Сознание без/вне времени безгранично и напоминает мировое объективное сознание, или Абсолютную идею (Мировой дух, Мировой разум) Гегеля. Называет Набоков его по-разному: *вечность, бездна, ничто*.

В этой вечности (в бездне, в ничто) обретаются чистые сущности всех вещей, нечто вроде эйдосов Платона. «<...> не написанная еще книга как бы существует в некоем идеальном измерении, то просту-

пая из него, то затуманиваясь, и моя задача состоит в том, чтобы всё, что мне в ней удастся рассмотреть, с максимальной точностью перенести на бумагу» [Набоков, 1973, с. 44]. Таким образом, для него сущность предшествует существованию, опять же вопреки Сартру (и экзистенциализму), утверждавшему: «Существование предшествует сущности».

Мир, который мы принимаем за реальный, есть лишь бледный отсвет некоего прекрасного, идеального мира, а то и карикатура на него. Приговоренный к смерти Цинциннат верит и надеется: «<...> должен же существовать образец, если существует корявая копия. <...> там на воле гуляют умученные тут чудачки; там время складывается по желанию, как узорчатый ковер <...>. Там, там — оригинал тех садов, где мы тут бродили, скрывались; <...> там сияет то зеркало, от которого иной раз сюда перескочит зайчик <...>» [Набоков (В. Сиринъ), 2002–2009, т. 4, с. 101–102]. *Подлинником* называет тот мир и Федор Годунов-Чердынцев.

Так возникает тема двоемирия, или потусторонности, настойчиво звучащая у Набокова. Она связана и с романтизмом XIX века, когда «тупое “тут”» противопоставлялось прекрасному «там», и с русским символизмом, где «всё видимое нами — только отблеск, только тени, от незримого очами» [Соловьев, 1974, с. 93]³. (И, возможно, со словами из Второго послания Коринфянам апостола Павла: «видимое временно, а невидимое вечно».)

Шарж Дэвида Ливайна на В. Набокова
David Levine's Jarge on V. Nabokov

³ См. об этом [Александров, 1999; Джонсон, 2011].

Лучшим эпиграфом к этой мерцающей теме могут служить опять же строки Тютчева:

О вещая душа моя!
О, сердце, полное тревоги, —
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!..

[Тютчев, 2002–2005, т. 2, с. 75]

Как бы двойное бытие — это земное бытие (то, что мы условно называем жизнью) и бытие в вечности, по обе стороны земного бытия — до рождения и после смерти. Вот знаменитое начало «Других берегов» (1954):

Колыбель качается над бездной <...> здравый смысл говорит нам, что жизнь — только щель слабого света между двумя идеально черными вечностями. Разницы в их черноте нет никакой, но в бездну преджизненную нам свойственно вглядываться с меньшим смятением, чем в ту, к которой летим со скоростью четырех тысяч пятисот ударов сердца в час.

[Набоков (В. Сиринъ), 2002–2009, т. 5, с. 145]

* * *

Сам Набоков без особого смятения, отважно вглядывался не только в бездну *преджизненную*, но и в ту, в которую летел, — в смерть. Его отношения к смерти и со смертью особые. Очень похожие на буддистские или даосские, но принятые, кажется, из рук Льва Толстого. Так, в «Гексаметрах» (1923), посвященных годовщине гибели отца, он представляет жизнь как сон, смерть — как пробуждение:

Смерть — это утренний луч, пробуждение весеннее. Верю,
ты, погруженный в могилу, ты, пробужденный, свободный,
ходишь, сияя незримо, здесь, между нами —

до срока спящими...

О, наклонись надо мной, сон мой подслушай — ...

[Набоков, 2002, с. 262]

Ср.: в «Войне и мире» умирающий Андрей Болконский осознает: «“Да, это была смерть. Я умер — я проснулся. Да, смерть — пробуждение”, вдруг просветлело в его душе, и завеса, скрывавшая до сих пор неведомое, была приподнята

перед его душевным взором. Он почувствовал как бы освобождение прежде связанной в нем силы и ту странную легкость, которая с тех пор не оставляла его» [Толстой, 1940, с. 64].

Трагический оптимизм в отношении к смерти и в этом римейке максимы Декарта: «умираю, следовательно существую» в романе «Ада, или Радости страсти» (1969) [Набоков, 2004–2008, т. 4, с. 151].

«<...> смерть сама по себе никак не связана с внежизненной областью, ибо дверь есть лишь выход из дома, а не часть его окрестности, какой является дерево или холм. Выйти как-нибудь нужно, “но я отказываюсь видеть в двери больше, чем дыру, да то, что сделали столяр и плотник”», — так, несколько витиевато, Федор Годунов-Чердынцев и Пьер Делаланд (в «Даре») объясняют, почему они не придают смерти особого значения⁴ [Набоков (В. Сирин), 2002–2009, т. 4, с. 484].

Заглядывая в «окна, открытые в смежный мир», Набоков разыгрывает и тему возможной встречи с тем, кто ушел, тему проницаемости границ между тем и этим светом. Иногда в шутку, как в ранней драме «Смерть» (1923), но на самом деле для него это очень серьезно. В третью годовщину гибели отца он пишет матери: «<...> мы еще увидим его, — в неожиданном, но совсем естественном раю, в стране, где все — сиянье и все — прелесть. Он войдет к нам, в нашу общую свежую вечность, слегка подняв плечи, как бывало <...>» [цит. по: Бойд, 2010, с. 281]. То же в поэме «Вечер на пустыре» (1932):

И человек навстречу мне сквозь сумерки
идет, зовет. Я узнаю
походку бодрую твою.

Не изменился ты с тех пор, как умер.

[Набоков, 2002, с. 201]

⁴ Особое отношение Набокова к смерти чутко уловил Георгий Адамович: «<...> Сирин все ближе и ближе подходит к теме действительно ужасной: к смерти... Без возмущения, протеста и содрогания, как у Толстого, без декоративно-сладостных безнадежных мечтаний, как у Тургенева в “Кларе Милич”, а с непонятным и невероятным ощущением “рыбы в воде”... Тема смерти была темой многих великих и величайших поэтов, но были эти поэты великими только потому, что стремились к ее преодолению или хотя бы бились головой о стену, ища освобождения и выхода. Тут же перед нами расстилается мертвый мир, где холод и безразличие проникли уже так глубоко, что оживление едва ли возможно. Будто пейзаж на луне. И тот, кто нас туда приглашает, не только сохраняет полное спокойствие, но и расточает все чары своего необыкновенного дарования, чтобы переход совершился безболезненно» [Адамович, 1936, с. 3. Цит. по: Классик без ретуши ... , 2000, с. 126].

И Федор Годунов-Чердынцев в «Даре» ищет своего погибшего отца, изо всех сил пробивается к нему и наконец встречается с ним на территории сновидения. Адам Круг, герой романа «Под знаком незаконнорожденных» (Bend Sinister, 1947), потерявший жену и сына, тоже общается с ними во сне. Ведет долгий косноязычный разговор с умершей женой художник Синеусов в «Ultima Thule» (1942); он хочет попасть в вечность, чтобы там с ней соединиться. Джон Шейд, автор поэмы «Бледный огонь» из одноименного романа (1962), верит, что обязательно *где-то там* воссоединится с погибшей дочерью.

В «Соглядатае» (1930) и того интереснее: герой кончает жизнь самоубийством, но возвращается в жизнь ее соглядатаем, наблюдателем. И в конце концов обнаруживает там себя самого, но уже в виде наблюдаемого объекта. «Я видел себя со стороны тихо идущим по панели, — я умилялся и робел, как еще неопытный дух, глядящий на жизнь чем-то знакомого ему человека» [Набоков (В. Сиринъ), 2002–2009, т. 3, с. 55].

Правда, иногда Набоков решает вопрос о посмертном существовании совсем по-другому. Так, тот же Пьер Делаланд (в «Даре») обстоятельно разъясняет, что будет после распада тела: «<...> это — освобождение духа из глазниц плоти и превращение наше в одно свободное сплошное око, зараз видящее все стороны света, или, иначе говоря: сверхчувственное прозрение мира при нашем внутреннем участии» [Набоков (В. Сиринъ), 2002–2009, т. 4, с. 484].

Мысль эта доведена до наглядного предела в стихотворении Набокова «Око» (1939), пугающем:

К одному исполинскому оку
без лица, без чела и без век,
без телесного марева сбоку
наконец-то сведен человек.

и безнадежном:

Дело в том, что исчезла граница
между вечностью и веществом —
и на что неземная зеница,
если вензеля нет ни на чем?

[Набоков, 2002, с. 226]

Граница между вечностью и нашим миром (веществом) размыкается не только на территории сновидения, но и на территории искусства (территории

эти, впрочем, соприкасаются). Так, в эссе памяти Владислава Ходасевича (1939) Набоков пишет: «... добытчик ушел туда, откуда, быть может, кое-что долетает до слуха больших поэтов, пронзая наше бытие потусторонней свежестью — и придавая искусству как раз то таинственное, что составляет его невыделимый признак» [Набоков (В. Сиринь), 2002–2009, т. 5, с. 590].

Стоит особо отметить необычную бодрость набоковских определений *того мира*: «*потусторонняя свежесть*», «*наша общая свежая вечность*», «*сквозняк из другого измерения*»...

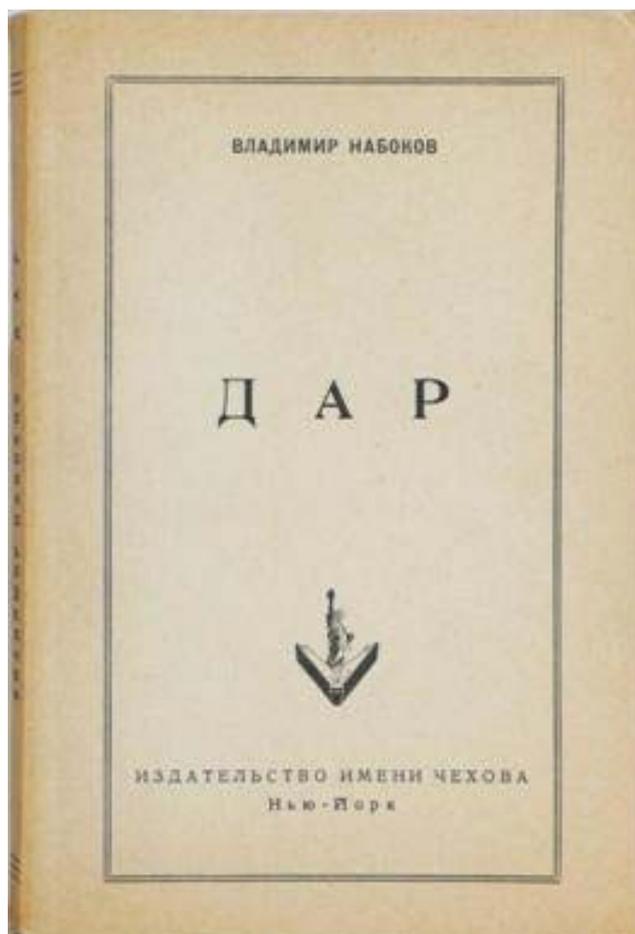
Да, смерть не страшна — это просто переход из одного бытия в другое, как рождение, только в обратном порядке. Набоков объявляет, что рождение и смерть, с точки зрения вечности, одно и то же. И вот уже Федор Годунов-Чердынцев (в «Даре») называет, ерничая, рождение «обратным умиранием», смерть же — «положительной кончиной». И ставит «жизнь <...> вверх ногами, так что рождение <...> делается смертью» [Набоков (В. Сиринь), 2002–2009, т. 4,

с. 198]. Чернышевский в «Жизнеописании» сначала умирает, а потом Федор приводит запись о его рождении.

В первых же строках книги «Николай Гоголь» (1944) уже сам Набоков говорит, что ее герой — «умер в Москве, в четверг, около восьми часов утра, 4 марта 1852 г.». [Набоков, 2004–2008, т. 1, с. 403]. А вот дата рождения Гоголя называется лишь в самом конце книги: «Гоголь родился 1 апреля 1809 года» [там же, с. 511].

О дате своего рождения в автобиографических «Других берегах» Набоков говорит только в главе восьмой: «Я родился 10-го апреля 1899-го года по старому стилю в Петербурге...», — и это при том, что все сочинение состоит из 14 глав [Набоков (В. Сиринь), 2002–2009, т. 5 с. 244].

Рядом со смертью и с близким ей безумием находится (философская) истина — некое *потустороннее чувство*, «которое знают, быть может,

Обложка первого полного издания романа «Дар». Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1952

The cover of the first full edition of the novel "The Gift". New York: Chekhov Publishing House, 1952

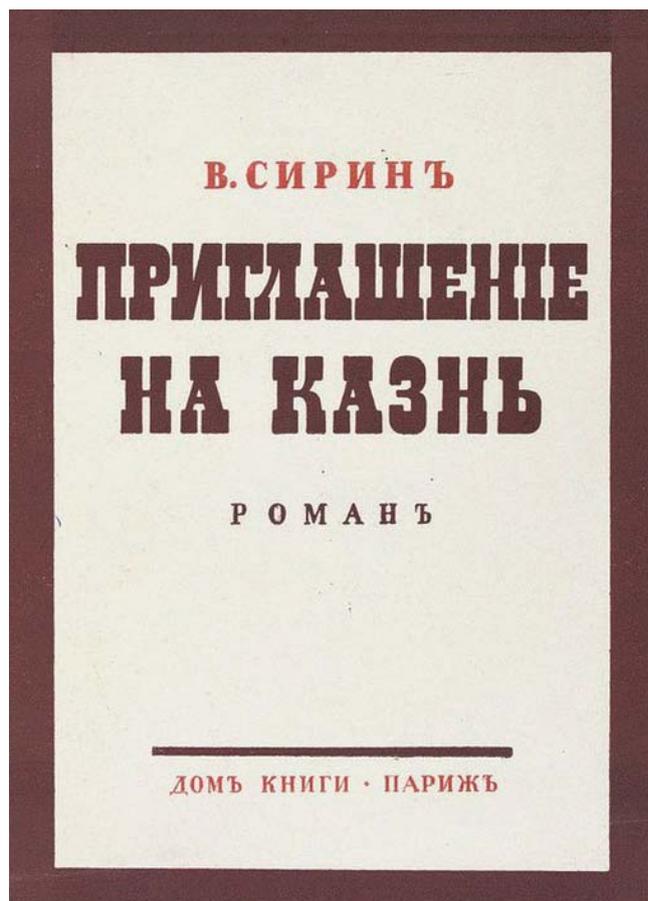
те, кто только что умер, или те, кто сошел с ума, разгадав смысл существующего», как сказано в романе «Король, дама, валет» (1928) [там же, т. 3, с. 261]. Спустя 44 года, в «Прозрачных вещах» (1972), в подтверждение этому смерть и безумие сходятся в образе смертельно больного и при этом сумасшедшего философа, он рассуждает о посмертном решении загадки Бытия.

Погружается в трансцендентное безумие Адам Крут («Под знаком незаконнорожденных») — именно тогда, когда ему вот-вот должна открыться тайна бесконечного сознания. Овладевший загадкой мира Фальтер («Ultima Thule») расплачивается за свое знание утратой способности любить и сострадать, выпадением из времени и сумасшествием.

То так, то эдак связывает философскую истину с безумием Ван Вин («Ада, или Радости страсти»). Еще в юные годы он сочинил философско-психологическое эссе о Безумии и Вечной Жизни. Позже, добывая эту истину, проводит изыскания в сумасшедших домах. Да и сам, надо признать, не вполне нормален.

Писатель Вадим Вадимович (из последнего завершеного романа Набокова «Смотри на арлекинов!», 1974) знал приступы безумия еще ребенком, а теперь к этому добавилась деменция. Безумие является к нему как «некая вкрадчивая, неумолимая связь с иными состояниями бытия, <...> определенно запредельными» [Набоков, 2004–2008, т. 5, с. 104]. И вот, оказавшись почти за гранью — за пределами! — не только нормальности, но и самой жизни, он восторженно приветствует то, что принимает за Реальность.

Набоков будто повторяет вслед за Свидригайловым, который, в свою очередь, цитирует чью-то статью: «<...> чем больше болен, тем и соприкосновенней с другим миром больше, так что когда умрет совсем человек, то прямо и перейдет в другой мир» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 221].

Обложка первого отдельного издания романа «Приглашение на казнь». Париж: Дом книги, 1938

The cover of the first separate edition of the novel "Invitation to Execution". Paris: House of Books, 1938

Но истину, которая открывается через смерть и безумие, человеку невозможно перенести, «бомба истины» может разорвать на клочки. Также истину невозможно назвать. Здесь будет кстати финальный тезис «Логико-философского трактата» Витгенштейна: «О чем нельзя говорить, о том должно умолкнуть» [Витгенштейн, 2005, с. 219]. И строки самого Набокова:

Эта тайна та-та, та-та-та-та, та-та,

А точнее сказать я не вправе.

(стихотворение «Слава», 1942)

[Набоков, 2002, с. 210]

* * *

Героями Набокова часто становятся философы, еще чаще — философствующие. В числе философов надо, прежде всего, назвать «печального, сумасбродного, мудрого, остроумного, волшебного и во всех отношениях восхитительного Пьера Делаланда», которого писатель выдумал [Набоков, 1997, с. 47] (позаимствовав имя у известного французского натуралиста).

Делаланд — автор знаменитого эпиграфа к «Приглашению на казнь»: «Comme un fou se croit Dieu, nous nous croyons mortels» («Как безумец полагает, что он Бог, так мы полагаем, что мы смертны»). А также других рассуждений о тенях и смерти — тема эта его, как и Блеза Паскаля, очень занимает.

В «Даре» Пьер Делаланд оказывается своего рода авторитетом в метафизических вопросах. Федор Годунов-Чердынцев берется переводить с французского его труд «Discours sur les ombres» («Рассуждения о тенях») и с удовольствием на него ссылается: «Когда однажды французского мыслителя Delalande на чьих-то похоронах спросили, почему он не обнажает головы, он отвечал: “Я жду, чтобы смерть начала первая” (qu’elle se découvre la première). В этом есть метафизическая негалантность, но смерть большего не стоит» [Набоков (В. Сиринъ), 2002–2009, т. 4, с. 484].

Но главный философ в «Даре» — Николай Чернышевский, представленный здесь, вопреки распространенному мнению, с большой приязнью. Он доверчив, добросердечен, лишен практичности, часто бестолков и нелеп, тем и симпатичен подобно такому же чудаку профессору Пнину (из одноименного романа, 1957), которого Набоков очень любил.

Работая над «Жизнеописанием Чернышевского» (глава IV «Дара», которую отказались публиковать в «Современных записках»), Федор Годунов-Чердынцев не устает повторять о симпатии к своему герою:

<...> такие люди, как Чернышевский, при всех их смешных и страшных промахах, были, как ни верти, действительными героями в своей борьбе с государственным порядком вещей, еще более тлетворным и пошлым, чем их литературно-критические домыслы, и что либералы или славянофилы, рисковавшие меньшим, стоили тем самым меньше этих железных забияк.

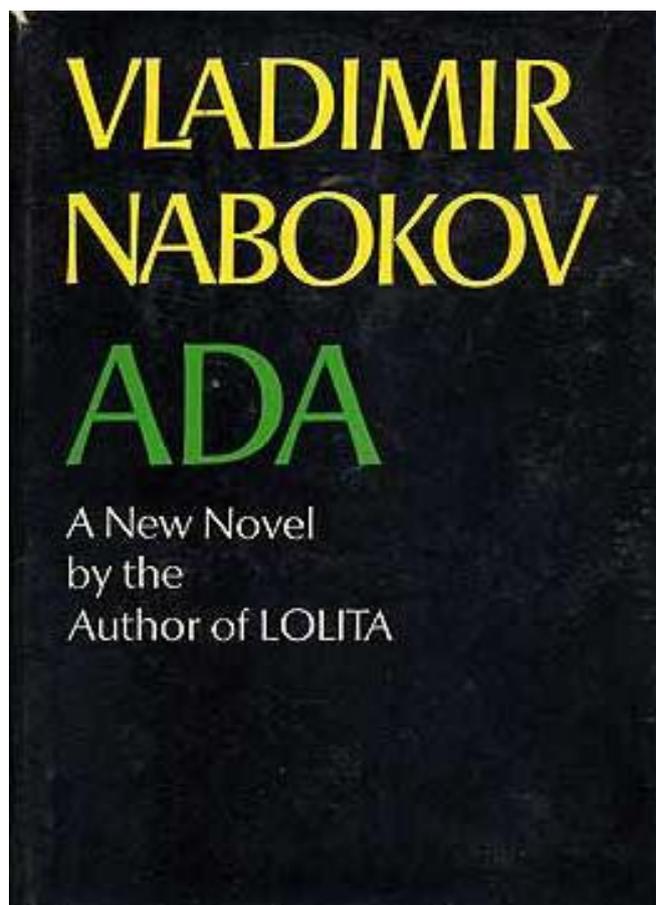
[Там же, с. 383]

Сравнение Чернышевского с Христом (которое так нравилось его друзьям и биографам, особенно левым) Федора смешит, однако сам он азартно ищет «евангельские вехи» в его жизни. И находит.

Но философию своего героя Федор берет в иронические кавычки: «“Философия” Чернышевского понимается через Фейербаха к энциклопедистам») [там же, с. 422]. И последовательно разбивает его идеи — диалектику Гегеля, освоенную через «простака Фейербаха»; «материализм», тоже в кавычках, ввиду полного незнания «материалистами» материального мира («Чернышевский не отличал плуга от сохи; путал пиво с мадерой; не мог назвать ни одного лесного цветка, кроме дикой розы; но характерно, что это незнание ботаники сразу восполнял “общей мыслью”») [там же, с. 421–422].

Утопический социализм Чернышевского Федор разбирает по косточкам. Его особенно смешит описание общинной любви, которая, по чистоте и неискренности автора, вышла натуральным борделем. Ну и, конечно, — наивная эстетика Чернышевского, утверждающая, что «живая действительность» прекраснее любого искусства.

Заодно достается Ленину, Плеханову и Марксу, чье «Святое семейство» Федор переводит стихами, «чтобы не было так скучно»:

Обложка первого издания романа “Ada or Ardor: A Family Chronicle”. N.Y.: McGraw, 1969

The cover of the first edition of the novel “Ada or Ardor: A Family Chronicle”. N.Y.: McGraw, 1969

...ума большого
 не надобно, чтобы заметить связь
 между учением материализма
 о прирожденной склонности к добру,
 о равенстве способностей людских,
 способностей, которые обычно
 зовутся умственными, о влиянье
 на человека обстоятельств внешних,
 о всемогущем опыте, о власти
 привычки, воспитания, о высоком
 значении промышленности всей,
 о праве нравственном на наслажденье —
 и коммунизмом.

[Там же, с. 422–423]

В романе «Под знаком незаконнорожденных» действуют два философа: старый иконоборец, революционер Фрадрик Скотома, он, как и Чернышевский, «человек трогательной судьбы», и 40-летний Адам Круг, мировая знаменитость с говорящей (правда, только для русского слуха, а роман англоязычный) фамилией («истина всегда круглая», — замечает критик Страннолюбский в «Даре») [там же, с. 422].

Скотома, уже пребывая в старческом маразме, придумал теорию эквилизма. Позаимствовав у Гегеля представление о мировом сознании, он смешал его с мыслью Маркса «о равенстве способностей людских». И добавил кое-что из идей прекраснородного князя-анархиста Петра Кропоткина, утверждавшего: «Равенство — это справедливость <...> Равенство во всем — синоним справедливости» [Кропоткин, 1991, с. 301]. На Кропоткина, кстати, Скотома похож и внешне, и судьбой.

Согласно эквилизму, всякий мог стать умным, красивым, талантливым посредством перераспределения мирового сознания в равных долях. Основываясь на этой идее, будущий диктатор Падук учреждает Партию Среднего Человека. Таким образом, идея, абстрактно гуманная и туманная (о том, как ее реализовать, Скотома не думает), *попадает на улицу* (если воспользоваться выражением Достоевского) и — превращается в тоталитарный кошмар. Независимый и свободолюбивый Адам Круг служить этому кошмару (режиму) отказывается. Особенно его возмущает, что омерзительный Падук присваивает себе идеи Платона о государстве философов. (Про себя Набоков говорил: «<...> я не особенный поклонник Платона, и вряд ли смог бы долго просуществовать

при его германообразном военно-музыкальном режиме» [Набоков, 1973, с. 45].)

Что такое *кругизм*, сказать трудно. Да и сам Адам Круг понимает, что «никто, в сущности, не смог бы определить, каковы отличительные черты его философии». Более всего его разум пригоден для «творческого разрушения» [Набоков, 2004–2008, т. 1, с. 342–343].

По крайней мере, понятно, что Кругу претит вульгарно-материалистическая вера в то, что всё исчислимо: «Подите вы прочь с вашими линейками и весами! Ибо без ваших правил, в неназначенном состязании, вне бумажной гонки науки босоногая Материя *перегоняет* Свет» [там же, с. 342].

В эссе «Искусство литературы и здравый смысл» (1942) Набоков восхищается «изумительно абсурдным миром души», в котором «математическим символам нет раздолья», «два и два уже не равняются четырем, потому что равняться четырем они уже не обязаны» [Набоков, 1998, с. 468–469]. И, конечно, здесь опять вспоминается Достоевский, речи его «подпольного человека»: «Я согласен, что дважды два четыре — превосходная вещь; но если уже всё хвалить, то и дважды два пять — премилая иногда вещица» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 119].

Старый Скотома у Набокова наивен до глупости, но трогателен; Падук, воплощающий его идеи в жизнь, — омерзителен. С Адамом Кругом всё сложнее: с одной стороны, он вызывает уважение и сочувствие; с другой, — его склонность к третированию (в школьные годы) слабых и некрасивых малосимпатична.

Еще один философ Набокова — Ван Вин, герой-рассказчик романа «Ада, или Радости страсти: Семейная хроника» (1969). В 35 лет он становится заведующим кафедрой философии. В 52 года начинает сочинять — под влиянием Бергсона, Блаженного Августина, Беркли и (всё-таки) Канта — трактат «Ткань времени». Примечательно, что положения этого трактата возникают в сознании Вана, когда он едет на машине и происходит *наглядное* сопряжение Времени и Пространства в едином Хронотопе, то, что Бергсон называл *одновременностью*. Так ткется ткань времени, но Ван отказывается в это верить: «“Пространство-Время” — это гиблый гибрид, в котором дефис, и тот смотрит мошенником. Можно ненавидеть Пространство и нежно любить Время» [Набоков, 2004–2008, т. 4, с. 519].

Время для него — «память в процессе формирования», а память — «становой хребет сознания» (то есть «длительность», или «время сознания», создаваемое событиями, по Бергсону). Реальный мир — яркие события, вспыхивающие в памяти. Из прошлого можно выбирать всё что угодно; Настоящее — процесс выстраивания Прошлого; Будущего не существует.

Физиологически ощущение Времени есть ощущение неизменного становления, и если бы «становление» обладало голосом, он мог бы звучать, что лишь естественно, подобием упорной вибрации; но Лога ради, давайте не будем смешивать Время со звоном в ухе, а раковинное гудение длительности — с толчками собственной крови. С другой стороны, философски Время есть только память в процессе ее творения. В каждой отдельной жизни от колыбели до смертного одра идет формирование и укрепление этого станового столба сознания, этого времени сильных.

[Там же, с. 537]

Писатель как-то заметил: «Я пока не решил — согласен я или нет с его [Вана Вина] взглядами на ткань времени. Думаю, что нет» [Набоков, 1973, с. 85].

Ван настойчиво отвергает Будущее, может быть потому, что не хочет признавать свою конечность: «Кто вам сказал, что я умру?» [Набоков, 2004–2008, т. 4, с. 511]. Будущее для него *безликое, пустое, черное*. С ним бы согласился Адам Круг. Но не согласился бы ни Гумберт Гумберт, писавший о «постоянном взаимоотношении между двумя пунктами: будущим (которое можно складировать) и прошлым (уже отправленным на склад)» [там же, т. 2 с. 119], ни сам Набоков, хотя бы как автор стихотворения «Неродившемуся читателю» (1930).

Уже немощной рукой Ван вносит последнее уточнение: «Наслаждение Адой являет собой сложнейшую систему тех тонких мостков, по которым чувства, — смеясь, обнимаясь, бросая в воздух цветы, — проходят от мездры к мозгу, систему, которая всегда была и навеки останется формой памяти, даже в самый миг восприятия» [там же, т. 4, с. 213]. Ввиду того, что он стал к этому моменту полным импотентом, можно заключить, что и с памятью у него серьезные проблемы. А стало быть, для него не существует и прошлого. Остается только Чистое (Абсолютное) Время, без узоров событий, но познать его нельзя. И в этом Ван Вин с Бергсоном расходится напрочь!

«Семейная хроника», которую Ван пишет, то есть собственно роман «Ада», наглядно иллюстрирует бег времени (главы становятся всё короче). А сам по себе он хоть и негодяй, и развратник, но очаровательный и обаятельный.

Предаются философствованию и другие персонажи Набокова. Так, умная Ада, сестра и любовница Вана Вина, строит свою маленькую философскую концепцию, согласно которой жизнь состоит из редких *настоящих явлений*, обыденных *явлений* и неприятных *явлений-призраков*, — уточняя и развивая таким образом теорию брата. Ее младшая сестренка Люсетт, может, и не такая умная, но и она неплохо ориентируется в философии. Она сразу понимает, что

слово 'durée' имеет отношение к длительности Бергсона. И меланхолично комментирует: «Бергсон годится только для очень молодых или очень несчастных людей <...>» [там же, с. 363].

Еще раньше, в «Лолите» (1955; 1967), «литературовед» Гумберт Гумберт придумывал (как бы предваряя «Трактат о времени» Вана Вина) теорию «перцепционального времени», основанную на «чувстве кровообращения» и концепционально зависящую (очень кратко говоря) от особых свойств нашего разума <...>» [там же, т. 2, с. 319].

В романе «Смотри на арлекинов!» (1974) склонный к философствованию писатель Вадим Вадимович мучается неспособностью мысленно поменять местами левую и правую стороны, потому что он путает обратимое пространство с необратимым временем. Что не мешает ему работать над трактатом «О сущности пространства», хотя на самом деле он пишет в нем о сущности времени, во много повторяя тезисы Вана Вина.

Можно вспомнить и о несчастном Яше Чернышевском, покончившем (в «Даре») жизнь самоубийством, он учился на философском факультете. И о влюбленных подростках на ривьерском пляже, фавнёнке Гумберте и нимфетке Аннабелле, которые рассуждали о «множественности населенных миров, теннисных состязаниях, бесконечности, солипсизме и тому подобных вещах» [там же, с. 21].

* * *

И наконец, последнее и, может быть, главное. Философия для Набокова — веселая наука (он вообще был веселым человеком, homo ludens). С философскими категориями он обращается с антропоморфной фамильярностью — *босоногая Материя, феномен в кудряшках, лысый ноумен...*

И не случайно Джон Рэй-младший, придурковатый автор предисловия к «Лолите», у него — д-р философии (хотя эта степень может присуждаться и по другим наукам).

На территории философии у Набокова самое страшное, трагическое может соседствовать со смешным или оборачивается смешным. Так, Фальтер, узревший истину, убивший истиной человека и сам сошедший с ума, дает сеансы, во время которых его можно пытаться об этой истине, *всего за сто франков*. Или два сеанса подряд — *за полтора ста*. Дурачась, он отвечает на вопросы то в форме дзен-буддистского коана: « — Допустим, что теология засоряет вопрос. Так, Фальтер? — Барыня прислала сто рублей, — сказал Фальтер». То как в детской игре: « — <...> существует ли Бог? — Холодно» [Набоков (В. Сиринъ), 2002–2009, т. 5, с. 133, 134].

В комически-дурашливом виде иногда предстает у Набокова и связь с иным миром. Так, в «Соглядатае» книготорговец Вайншток во время спиритического сеанса оказывается в смешном положении:

Вайншток. Дух, кто ты?

Ответ: Иван Сергеевич.

Вайншток. Какой Иван Сергеевич?

Ответ: Тургенев.

Вайншток. Продолжаешь ли ты творить?

Ответ: Дурак <...>.

[Там же, т. 3, с. 62–63]

В состоянии «смешливого сумасшествия» в основном пребывает Адам Круг — вопреки трагическим обстоятельствам (смерть жены и сына, угрозы, аресты друзей).

Можно вспомнить и о хулиганском, построенном на созвучии «Kant — Cunt» обыгрывании в «Аде» имени философа и его известного постулата о «философском глазе», здесь это некая дыра *«размером с Кантово око»* (a keyless hole as big as Kant's eye) [Набоков, 2004–2008, т. 4, с. 359]. «Пространство — толчея в глазах, а Время — гудение в ушах», — ерничает персонаж «Ады», цитируя персонажа «Бледного огня» [там же, с. 519].

А вот развязно-веселое описание состояния умов в России времени Чернышевского: «В те годы Андрея Ивановича Фейербаха предпочли Егору Федоровичу Гегелю. Номо feuerbachі есть мыслящая мышца. Андрей Иванович находил, что человек отличается от обезьяны только своей точкой зрения; вряд ли, однако, он изучил обезьян» [Набоков (В. Сиринь), 2002–2009, т. 4, с. 421]. Сюда же саркастическое уподобление высказывания Ленина торговому объявлению: «мы теперь превращаем кантовскую непознаваемую вещь в себе в вещь для себя посредством органической химии» [там же].

Именно в силу веселого нрава писателя появился на свет и роман «Лолита» — грандиозная издевательская пародия на Фрейда. Ведь отправной точкой истории Гумберта Гумберта стала *детская травма*, несбывшаяся — в 13 лет — любовь к девочке Аннабелле Ли, из-за чего будто бы и возникла его патология.

Кстати, последний роман Набокова, им недописанный, должен был называться «Умирать смешно» (“Dying Is Fun”)⁵.

⁵ Роман увидел свет под названием «Лаура и ее оригинал» (“The Original of Laura”) в 2009 году, через 30 с лишним лет после смерти писателя и вопреки его завещанию.

Закончим цитатой (из «Под знаком незаконнорожденных»), которая лиш- ний раз подтверждает, что философские темы/мотивы/изыскания Набокова не следует понимать слишком буквально, слишком всерьез: «Бледное звездное небо бескрайней философии легло перед ним, но он решил, что неплохо бы выпить» [Набоков, 2004–2008, т. 1, с. 359].

Список источников

- Адамович Г.* Перечитывая «Отчаяние» // Последние новости. 1936, 5 марта.
- Александров В. Е.* Набоков и потусторонность: метафизика, этика, эстетика / пер. с англ. Н. А. Анастасьева под ред. Б. В. Аверина и Т. Ю. Смирновой. СПб.: Алетейя, 1999. 312 с.
- Артамонова А. С.* Л. Шестов и В. Набоков: возможные сближения (роман «Лолита») // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 9: Язык и литература. 2007. Вып. 2. С. 3–11.
- Бойд Б.* Владимир Набоков: Русские годы. Биография. СПб.: Симпозиум, 2010. 696 с.
- Витгенштейн Л.* Tractatus logico-philosophicus // *Витгенштейн Л.* Избран- ные работы / пер. с нем. и англ. В. Руднева. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. С. 11–222.
- Давыдов С.* Гностическая исповедь в романе «Приглашение на казнь» // *Давыдов С.* «Тексты-матрешки» Владимира Набокова. München: Sagner, 1982. С. 100–102.
- Джонсон Д. Б.* Миры и антимирy Владимира Набокова. СПб.: Symposium, 2011. 347 с.
- Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972–1990. 30 т.
- Кантор В. К.* Изображая, понимать, или Sententia sensa: философия в лите- ратурном тексте. М.; СПб.: ЦГИ Принт, 2017. 825 с.
- Классик без ретуши: Лит. мир о творчестве Владимира Набокова / предисл. Н. Г. Мельникова. М.: Новое лит. обозрение, 2000. 681 с.
- Кропоткин П. А.* Нравственные начала анархизма // *Кропоткин П. А.* Этика. Избранные труды. М.: Политиздат, 1991. С. 280–316.
- Ливри А.* Набоков-ницшеанец. СПб.: Алетейя, 2005. 235 с.
- Ляпушкина Е. И.* «...о том следует молчать» («Ultima Thule» Набокова и фи- лософия молчания) // Вестн. СПбГУ. Сер. 9: Филология. Востоковедение. Журна- листика. 2016. Вып. 3. С. 83–91.
- Набоков В.* Второе добавление к «Дару» / публ. и коммент. А. Долинина; пер. Г. В. Лапиной // Звезда. 2001. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2001/1/nabokov.html> (дата обращения: 25.01.2022).

Набоков В. В. (В. Сиринъ) Собрание сочинений русского периода: в 5 т. СПб.: «Симпозиум», 2002–2009. 5 т.

Набоков В. В. Искусство литературы и здравый смысл // Набоков В. В. Лекции по зарубежной литературе. М.: Изд-во Независимая газета, 1998. С. 465–477.

Набоков В. В. Собрание сочинений американского периода: в 5 т. СПб.: «Симпозиум», 2004–2008. 5 т.

Набоков В. В. Стихотворения. СПб.: Академический проект, 2002. 674 с.

Набоков В. В. Строгие суждения. М.: Колибри, 2018. 416 с.

Набоков В. В. Pro et contra. Личность и творчество Владимира Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. Антология. СПб.: Российский Христианский гуманитарный институт, 1997. 974 с.

Паскаль Б. Мысли / пер. с фр., вступ. статья, коммент. Ю. А. Гинзбург. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1995. 480 с.

Соловьев В. С. Стихотворения и шуточные пьесы. Л.: Советский писатель, 1974. 352 с. (Библиотека поэта).

Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. / под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1940. Т. 12. 432 с.

Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений и письма: в 6 т. М.: Классика, 2002–2005. 6 т.

Foster Ludmila. Nabokov's Gnostic Turpitude: The Surrealistic Vision of Reality in "Priglasenie na kazn'" // *Mnemosina: Studia literaria russica in honorem Vsevolod Setchkarev* / ed. by Joachim T. Baer and Norman W. Ingham. München: Fink, 1974. P. 117–129.

Rodgers Michael. Nabokov and Nietzsche. Problems and Perspectives. N. Y.: Bloomsbury Academic, 2018. 192 p.

References

Adamovich, G. (1936) 'Perechityvaya «Otchayanie»' ['Reading "Despair"'], *Poslednie Novosti* [Latest News], 5 Mar.

Aleksandrov, V.E. (1999) *Nabokov i potustoronnost': metafizika, etika, estetika* [Nabokov and the Otherworld: Metaphysics, Ethics, Aesthetics]. Translated from the English by N.A. Anastas'eva, edited by B.V. Averin and T.Yu. Smirnova. St. Petersburg: Aleteiya.

Artamonova, A.S. (2007) 'L. Shestov i V. Nabokov: vozmozhnye sbliženiya (roman «Lolita»)»' ['L. Shestov and V. Nabokov: Possible Rapprochements (The Novel "Lolita")'], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9: Yazyk i literatura*, 2, pp. 3–11.

Boid, B. (2010) *Vladimir Nabokov: Russkie gody. Biografiya* [*Vladimir Nabokov: The Russian Years. Biography*]. St. Petersburg: Simpozium.

Vitgenshtein, L. (2005) 'Tractatus logico-philosophicus', in Vitgenshtein, L. *Izbrannye raboty* [*Selected Works*]. Translated from the German and the English by V. Rudnev. Moscow: Izdatel'skii dom «Territoriya budushchego», pp. 11–222.

Davydov, S. (1982) 'Gnosticheskaya ispoved' v romane «Priglasenie na kazn'» ['Gnostic Confession in the Novel "Invitation to Execution"'], in Davydov, S. «*Teksty-matreshki*» Vladimira Nabokova [*"Matryoshka Texts" by Vladimir Nabokov*]. Miinchen: Sagner, pp. 100–102.

Dzhonson, D.B. (2011) *Miry i antimiry Vladimira Nabokova* [*Worlds and Anti-Worlds by Vladimir Nabokov*]. St. Petersburg: Symposium.

Dostoevskii, F.M. (1972–1990) *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Collected Works: in 30 vols*] (30 vols). Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie.

Kantor, V.K. (2017) *Izobrazhaya, ponimat', ili Sententia sensa: filosofiya v literaturnom tekste* [*Portraying, Understanding, or Sententia sensa: Philosophy in the Literary Text*]. Moscow; St. Petersburg: TsGI Print.

Klassik bez retushi: Literaturnyi mir o tvorchestve Vladimira Nabokova [*A Classic Without Retouching: The Literary World about the Work of Vladimir Nabokov*] (2000) Preface by N.G. Mel'nikov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Kropotkin, P.A. (1991) 'Nravstvennye nachala anarkhizma' ['Moral Principles of Anarchism'], in Kropotkin, P.A. *Etika. Izbrannye trudy* [*Ethics. Selected Works*]. Moscow: Politizdat, pp. 280–316.

Livri, A. (2005) *Nabokov-nitssheanets* [*Nabokov is a Nietzschean*]. St. Petersburg: Aleteiya.

Lyapushkina, E.I. (2016) '«...o tom sleduet molchat'» («Ultima Thule» Nabokova i filosofiya molchaniya)' [“... about that one should be silent” (“Ultima Thule” by Nabokov and the Philosophy of Silence)], *Vestnik SPbGU. Seriya 9: Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika*, 3, pp. 83–91.

Nabokov, V. (2001) 'Vtoroe dobavlenie k «Daru»' ['The Second Addition to the "Gift"']. Publ. and comments by A. Dolinin; translated by G.V. Lapina, *Zvezda*, 1. Available at: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2001/1/nabokov.html> (Accessed: 25 Jan 2022).

Nabokov, V.V. (Sirin", V.) (2002–2009) *Sobranie sochinenii russkogo perioda: v 5 tomakh* [*Collected Works of the Russian Period: in 5 vols*] (5 vols). St. Petersburg: "Simpozium".

Nabokov, V.V. (1998) 'Iskusstvo literatury i zdravyi smysl' ['The Art of Literature and Common Sense'], in Nabokov, V.V. *Lektsii po zarubezhnoi literature* [*Lectures on Foreign Literature*]. Moscow: Izd-vo Nezavisimaya gazeta, pp. 465–477.

Nabokov, V.V. (2004–2008) *Sobranie sochinenii amerikanskogo perioda: v 5 tomakh* [Collected Works of the American Period: in 5 vols] (5 vols). St. Petersburg: “Simpozium”.

Nabokov, V.V. (2002) *Stikhotvoreniya* [Poems]. St. Petersburg: Akademicheskii proekt.

Nabokov, V.V. (2018) *Strogie suzhdeniya* [Strong Opinions]. Moscow: KoLibri.

Nabokov, V.V. (1997) *Pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Vladimira Nabokova v otsenke russkikh i zarubezhnykh myslitelei i issledovatelei. Antologiya* [Pro et Contra. The Personality and Creativity of Vladimir Nabokov in the Assessment of Russian and Foreign Thinkers and Researchers. Anthology]. St. Petersburg: Rossiiskii Khristianskii gumanitarnyi institut.

Paskal', B. (1995) *Mysli* [Thoughts]. Translated from the French, introduction article, comments by Yu.A. Ginzburg. Moscow: Izd-vo imeni Sabashnikovykh.

Solov'ev, V.S. (1974) *Stikhotvoreniya i shutochnye p'esy* [Poems and Comic Plays]. Leningrad: Sovetskii pisatel'. (Biblioteka poeta).

Tolstoi, L.N. (1940) *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 tomakh. Tom 12* [Complete Works: in 90 vols. Vol. 40]. Ed. by V.G. Chertkov. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury.

Tyutchev, F.I. (2002–2005) *Polnoe sobranie sochinenii i pis'ma: v 6 tomakh* [Complete Works and Letters: in 6 vols] (6 vols). Moscow: Klassika.

Информация об авторе: В. Л. Шохина — преподаватель Высшей школы (факультета) телевидения Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Адрес: Российская Федерация, 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, 1-й Гуманитарный корпус.

Information about the author: V. L. Shokhina — Lecturer at the High School (faculty) of Television, Lomonosov Moscow State University. Address: 1 Humanities Building 1/51 Leninskie Gory, GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.02.2022;
одобрена после рецензирования 08.05.2022;
принята к публикации 09.06.2022.

The article was submitted 07.02.2022;
approved after reviewing 08.05.2022;
accepted for publication 09.06.2022.

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 2. С. 146–168.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2022. Vol. 5, no. 2. P. 146–168.

Научная статья / Original article

УДК 821.161.1

doi:10.17323/2658-5413-2022-5-2-146-168

«АННИБАЛОВА КЛЯТВА»: К ИСТОРИИ РОМАНА В. С. ГРОССМАНА «ЖИЗНЬ И СУДЬБА»

Юрий Геваргисович Бит-Юнан

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте России (РАНХиГС), Москва, Россия, bityunan@gmail.com

 Аннотация. В статье изучается история создания романа В. С. Гроссмана «Жизнь и судьба», его рассмотрения в редакции журнала «Знамя», а затем — ареста. Особое внимание уделяется вопросу, почему Гроссман решил представить свой обличительный роман в советское издание. Ответ дается с учетом текстологии романа и биографии автора.

 Ключевые слова: В. С. Гроссман, «Жизнь и судьба», «Знамя», текстология, «дело врачей»

 Ссылка для цитирования: Бит-Юнан Ю. Г. «Аннибалова клятва»: к истории романа В. С. Гроссмана «Жизнь и судьба» // Философические письма. Рус-

ско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 2. С. 146–168.
<https://doi.org/10.17323/2658-5413-2022-5-2-146-168>.

Literature. Philosophy. Religion

“HANNIBALIAN OATH”:
ON THE HISTORY OF V. GROSSMAN’S NOVEL “LIFE AND FATE”

Yurij G. Bit-Yunan

Russian State University for the Humanities (RSUH),
Moscow, Russia, bityunan@gmail.com

Abstract. The article focuses the history of creation of V. Grossman’s novel “Life and Fate”, of its assessment by the editorial board of the journal “Znamya” and of its following arrest. The researcher pays particular attention to the question of why Grossman decided to submit his glaringly accusatory novel to a Soviet periodical. The answer suggested considers biographical reasons and those referring to the textology of “Life and Fate”.

Keywords: V. Grossman, “Life and Fate”, journal “Znamya”, textology, “Doctors’ plot”

For citation: Bit-Yunan, Yu.G. (2022) “Hannibalian Oath”: On the History of V. Grossman’s Novel “Life and Fate”, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 5(2), pp. 146–168. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2022-5-2-146-168.

Э тот роман давно переведен на европейские языки и признан классикой мировой литературы XX века. Однако читателей привлекали не только сюжет, глубина психологического анализа, политическая проблематика и публицистическая сила книги. Один из факторов, обусловивших особый к ней интерес, — ее история, полная интриг и загадок.

Считается, что история эта началась в 1960 году. Девятнадцатого декабря в редакции журнала «Знамя» состоялось заседание редколлегии. Именовалось оно расширенным: помимо работников журнала в нем участвовали еще и представители руководства Союза писателей, специально для этого пригла-

шенные. Тема — обсуждение романа «Жизнь и судьба», рукопись которого автор передал в «Знамя» 6 октября. Собравшиеся единогласно признали роман антисоветским, подчеркнув, что возможность его издания категорически исключена. Выступления участников и принятое ими решение фиксировались стенограммой [Стенограмма заседания Редколлегии журнала «Знамя» ... , 1991].

Гроссман на заседание не пришел. И всё же его неоднократно, в том числе и письменно, известили о результатах обсуждения рукописи и предупредили, что роман не должен оказаться за границей, поскольку он признан клеветническим.

Наиболее остро участники собрания критиковали образы партийных функционеров, ставших в армии политическими руководителями, а также идеологические установки романа.

Политруки в изображении Гроссмана якобы были трусливы и своекорыстны — чего, по словам рецензентов «Знамени», быть никак не могло. Но еще хуже обстояло дело с идеологией. Здесь клеветническим было признано сопоставление нацистского и советского режимов. Роднили их узаконенный террор и политика государственного антисемитизма.

Сказанного на том обсуждении хватило бы — формально — для ареста писателя. Уголовный кодекс РСФСР, принятый еще при жизни И. В. Сталина, по-прежнему действовал. Заявления Гроссмана в лучшем случае были бы квалифицированы как «антисоветская агитация», ответственность за которую предусматривалась пунктом 10 статьи 58 [Уголовный кодекс РСФСР, 1950, с. 42].

Правда, эпоха была уже другая. С тех пор, как Н. С. Хрущев прочел на XX съезде КПСС доклад, где инкриминировал предшественнику неоправданную жестокость, прошло более четырех лет. Следовательно, арест писателя был маловероятен. Однако представители руководства Союза писателей и после заседания редколлегии пытались уговорить Гроссмана согласиться с политической оценкой романа и признать, что произведения вообще не существовало. Успеха, впрочем, так и не добились [см. Из секретных архивов. Жизнь и судьба ... , 1992].

Четырнадцатого февраля 1961 года подполковник и два майора КГБ вошли в квартиру Гроссмана, предъявив ему служебные удостоверения и визированный прокурором ордер. После этого предложили выдать экземпляры крамольного романа, а также его черновики. Гроссман подчинился. Когда же обыск был завершен, он подписал протоколы¹.

Примечательно, что арест крамольного романа так и не был предан огласке. Гроссман печатался в периодике, его книги переиздавались. Умер он в

¹ См.: РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 17. Л. 1–8.

1964 году, сохранив прежний статус — остался классиком советской литературы.

История же романа продолжилась. В 1975 году за границей началась журнальная публикация его глав. Еще через пять лет появилось первое книжное издание [см.: Гроссман, За правое дело. Главы ... , 1975; Гроссман, За правое дело: Отрывок ... , 1975; Гроссман, Природное стремление человека к свободе неистребимо ... , 1975; Гроссман, 1976; 1980].

О том, как сложилась судьба рукописи, подробно написал московский поэт и переводчик С. И. Липкин. Его книга «Сталинград Василия Гроссмана» была опубликована в 1986 году американским издательством “Ardis” [Липкин, 1986].

К этому времени Гроссман был уже всемирно знаменит. Липкин позиционировал себя как его ближайшего друга, однако о своей причастности к появлению заграничных публикаций не заявил.

В 1988 году роман был опубликован в СССР, и вскоре «Литературное обозрение» напечатало сокращенную редакцию мемуаров Липкина. Там о его причастности к эмигрантским публикациям также не говорилось [Липкин, 1988].

Однако в 1989 году в эмигрантской газете «Русская мысль» было опубликовано признание Липкина, что именно он стал инициатором заграничных публикаций романа «Жизнь и судьба». Еще до ареста рукописей он получил от автора один экземпляр, а позже фотокопии этого экземпляра были переданы издателям [Липкин, 1989].

В данном случае не важно, в полной ли мере предложенная Липкиным версия соответствует истине. С учетом особенностей советского литературно-политического процесса важны ответы на пять ключевых вопросов.

Первый: зачем Гроссману понадобилось передавать роман в советский журнал. Писатель с двадцатипятилетним литературным стажем, переживший сталинскую эпоху, не мог не знать, что публикация подобной книги в СССР заведомо исключена. И нет оснований полагать, будто он надеялся добиться издания, удаляя из текста фрагменты, вызвавшие недовольство цензоров. Отнюдь не случайно участники обсуждения повторяли, что никакая редакция не поможет. Гроссман не понимать этого не мог.

Второй, тоже контекстуально обусловленный вопрос: с какой целью в редакции «Знамени» проводилось именно расширенное заседание? Гроссман в 1960 году — весьма авторитетный прозаик. Его рукопись полагалось читать либо главному редактору, либо заместителю. Если же крамола налицо, к чему раздавать копии не только всей редколлегии, но и представителям руководства Союза писателей? Скандал заведомо плох. Если роман клеветнический, лучше не придавать дело огласке — а значит, чем меньше свидетелей, тем лучше.

Третий вопрос: почему арестовали только рукописи? Если уж было решено пресечь распространение антисоветского произведения, то следовало бы арестовать и Гроссмана.

Четвертый вопрос: почему старшие офицеры КГБ не стали выяснять, все ли рукописи им отдал Гроссман? Странно, что они не предполагали обмана.

Наконец, пятый вопрос, самый важный: почему Гроссман вообще написал антисоветский роман? Книгу, не только изобличающую сталинский режим, но и уничтожающую саму идею создания государства справедливости ценой людских жертв.

* * *

Казалось бы, представление романа в журнал «Знамя» — поступок и бессмысленный, и опасный. И всё же это верно лишь отчасти. Если учесть, что Гроссман планировал издание книги за границей, смысл очевиден.

Опытный писатель ориентировался на общеизвестный пример. В ноябре 1958 года Б. Л. Пастернак, самовольно опубликовавший за границей роман «Доктор Живаго», стал нобелевским лауреатом.

В СССР его книга была объявлена антисоветской, и почти тридцать лет заграничные критики спорили, уместна ли такая оценка. В 1988 году, когда «Доктор Живаго» был опубликован «Новым миром», полемика утратила актуальность [см., напр. На перекрестке мнений ... , 1990].

Но дело не только и не столько в том, что Пастернак скептически характеризовал советскую идеологию. Главным критерием политической оценки было само событие — несанкционированное заграничное издание книги.

Еще на рубеже 1920–1930-х годов правительство СССР утвердило свою монополию на издательскую деятельность. Целью было поставить литератора в полную зависимость от государственных издательских организаций. Поэтому несанкционированные заграничные публикации исключались безоговорочно. Иначе — критическая кампания и риск лишиться профессии, а значит — и заработка. При этом арест и тюрьма нарушителю вроде бы не грозят. По крайней мере это подсказывала административная логика хрущевской оттепели [подробнее см. Бит-Юнан, Фельдман, 2019, с. 579–638].

Более того, можно заранее выстроить линию защиты — как это и сделал Пастернак. Он утверждал, что свою книгу не считал антисоветской, и по этой причине не стал ее прятать. Наоборот, передал рукописи в редакции советских издательских организаций. Помимо этого, он договорился с заграничным издателем — и обеспечил таким образом законность своих действий.

Впрочем, у Пастернака был еще один аргумент — мировая известность. Благодаря ему он мог продолжать игру даже после требования ЦК КПСС протвратить иностранную публикацию. Так, получив отказ в СССР, он обратился к издателю с просьбой вернуть рукопись для правки. Однако и издатель, и писатель заранее придумали эту уловку — подготовка романа к печати не остановилась [подробнее см. Толстой, 2009, с. 74].

Публикация итальянского перевода «Доктора Живаго» в ноябре 1957 года осталась без явных последствий в СССР. В ЦК КПСС еще не определились, какие в подобной ситуации принимать меры.

Издание книги на русском языке в августе 1958 года тоже не сразу вызвало начальственную реакцию. Всё изменилось после присуждения Пастернаку Нобелевской премии. Советское правительство не могло допустить, чтобы награжденный иностранцами нарушитель избежал наказания.

В периодике развернулась кампания дискредитации как романа, так и его автора. Пастернак был исключен из Союза писателей, но главное — его вынудили публично отказаться от премии. Считается, что масштабная травля обусловила болезнь и смерть Пастернака в 1960 году. Впрочем, Пастернак называл «Доктор Живаго» своей главной книгой и говорил, что ради ее издания готов рискнуть жизнью. Знал цену.

Действия Гроссмана показывают, что в скандале 1958 года он увидел алгоритм бесцензурной публикации своей рукописи. Для начала следовало предъявить ее советской редакции, демонстрируя лояльность, — и в это же время, или заранее, тайно отправить рукопись заграничным издателям. Ну а после издания книги автор, защитившись международной известностью, мог бы защищаться, используя аргументацию Пастернака: не считал роман антисоветским и не предполагал, что возможны негативные политические оценки.

Кстати, именно так Гроссман и оправдывался, пытаясь вернуть рукописи. Но важно, что еще в октябре 1960 года он передал на хранение один экземпляр романа своему другу юности — В. И. Лободе [см. *Vita й destino ...*, 1995].

Другой экземпляр получил Липкин — если верить ему. Правда, из его свидетельства невозможно уяснить, когда именно ему была передана рукопись [Липкин, 1989].

С другой стороны, не столько важен вопрос достоверности липкинских мемуаров, сколько свершившийся факт: передав роман в журнал, Гроссман сразу же спрятал как минимум один экземпляр для отправки за границу. Следовательно, последствия прогнозировал.

И всё же реализовать пастернаковский алгоритм Гроссман не смог. Ему не хватило времени.

Пастернака, мировую знаменитость, со второй половины 1950-х годов регулярно посещали иностранные журналисты и литературоведы. У Гроссмана же постоянных контактов с иностранцами не было — ему предстояло найти потенциального курьера, а тому — издателя.

К тому же ЦК на этот раз проявил оперативность. И Гроссман этого не мог не заметить. Первый сигнал опасности он получил в течение недели после представления рукописи в редакцию. Для ознакомления с романом советского классика главному редактору или его заместителю потребовалось бы максимум три-четыре дня. Раз не последовало ни отказа, ни согласия, значит, выбран иной вариант. Следовательно, не исключена слежка. А значит, и курьера искать бессмысленно.

Сейчас имеются документальные свидетельства, что именно так всё и было. Сведения о романе «Жизнь и судьба» поступили в ЦК КПСС заранее. От кого — в данном случае неважно. Важно, что Гроссман недооценил оперативность функционерской реакции².

Следует отметить, что и заседание редколлегии в декабре 1960 года было созвано по распоряжению, поступившему из ЦК КПСС. А там проблемы, относившиеся к области идеологии, курировал М. А. Сулов. Он в то время решал задачу, традиционно считавшуюся очень важной, — добиться того, чтобы советскому литератору была присуждена Нобелевская премия. Такое достижение способствовало бы росту государственного престижа и даже нивелировало бы недавний скандал из-за романа «Доктор Живаго».

Роман Гроссмана мешал реализации этого плана. Его публикация за границей стала бы заметным событием, затем появились бы переводы на различные языки — а затем автору, вероятно, присудили бы высшую литературную награду [подробнее см. Фельдман, 1988].

Эту вероятность следовало исключить. Необходимо было также избежать огласки — будто никакого романа никогда и не существовало. Для этого была продумана многоходовая комбинация.

Сотрудникам КГБ понадобилось немало времени, чтобы выяснить, передал ли Гроссман рукописи за границу, а если нет — собирается ли. Параллельно шла подготовка расширенного заседания редколлегии [Из секретных архивов. Жизнь и судьба ... , 1992]. Оно потребовалось Сулову, чтобы не позволить автору крамольного романа использовать пастернаковский опыт. После обсуждения рукописи Гроссман уже не мог бы заявить, будто не догадывался, что роман будет оценен как клеветнический и антисоветский.

² См.: Записки КГБ при СМ СССР о писателе И. С. Гроссмане // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 34. Д. 250.

Даже то обстоятельство, что Гроссман не пришел на заседание редколлегии, не имело никакого значения. Он всё равно был извещен о его итогах — значит, использовать пастернаковский алгоритм уже не мог.

Однако КГБ еще не получил точных сведений, переданы ли рукописи за границу. Поэтому всё это время Гроссман оставался под наблюдением, и донесения регулярно поступали в ЦК КПСС³.

Арест романа 14 февраля 1961 года — очередной этап интриги. Гроссман, в прошлом фронтовой корреспондент, прекрасно знал воинские звания. Поэтому не мог не понять намек: если для изъятия рукописей посланы три старших офицера КГБ, значит, операцией руководят из ЦК.

Меж тем минуло почти полтора месяца после расширенного заседания редколлегии. Сотрудники КГБ следили за эмигрантской периодикой и всеми издательскими организациями, но анонсов публикации гроссмановского романа там не появилось. Поэтому решили остановиться на аресте рукописей. С одной стороны, нет повода арестовывать автора, а с другой — необходимо продемонстрировать ему, что попытка опубликовать роман за границей будет квалифицирована как государственное преступление. Например, та же «антисоветская агитация и пропаганда», которая теперь предусматривалась 70 статьей нового УК РСФСР, вступившего в силу 1 января 1961 года [Уголовный кодекс РСФСР, 1961].

По этой причине офицеры КГБ не стали проверять, все ли копии романа переданы им. В этом не было необходимости. Реальная цель этой операции — получить от Гроссмана протоколы, где его подписью удостоверялось, что он сдал все материалы.

Если Гроссман не соврал, значит, ни одного экземпляра за границей нет. Если соврал — окажется в большой беде.

Подписав протоколы, Гроссман стал заложником ситуации. Хуже того — он стал заложником своей главной книги. Появление даже небольшого фрагмента «Жизни и судьбы» в эмигрантской печати будет поводом к началу уголовного преследования против Гроссмана. Раз текст печатается, значит, Гроссман соврал сотрудникам КГБ и сдал не все экземпляры. Родные и друзья также будут привлечены к уголовной ответственности.

Поэтому Гроссман был вынужден принять условия Суслова. Он смирился с тем, что роман при его жизни опубликован не будет. Оставалось надеяться, что рукописи попадут за границу хотя бы после его смерти.

³ Там же.

* * *

Таким образом, итог борьбы Гроссмана за свой роман известен. Неизвестно же, когда он приступил к работе над «Жизнью и судьбой».

Согласно версии некоторых мемуаристов, роман создавался около десяти лет [см., напр.: Берзер, 1990, с. 250; Роскина, 1980, с. 112]. Эту же цифру называл и Гроссман в письме к Хрущеву, написанному после ареста романа [см. Письмо В. С. Гроссмана Н. С. Хрущеву ... , 1990].

Следовательно, работа началась примерно в 1950 году. Но это маловероятно. У Гроссмана в то время было слишком много другой работы. «Жизнь и судьба» — вторая часть сталинградской дилогии. Первая же, «За правое дело», была передана журналу «Новый мир» в 1949 году. Редактирование шло более двух лет, и за это время автор представил еще с десятков редакций книги, и каждая — около тысячи страниц⁴.

С 1949 года Гроссман вел дневник эдичионной подготовки рукописи. Там он характеризовал переписку с различными инстанциями, претензии редакторов и прочие события, относившиеся к работе над романом, — от журнальной публикации до выхода первого книжного издания⁵.

Редакторских претензий хватало изначально. Так, от Гроссмана требовали, чтобы он удалил эпизоды, относившиеся к разгрому и отступлению советских войск летом 1941 года, панике и растерянности командования.

Согласно редакторско-цензорским требованиям, из романа также надлежало изъять едва ли не все упоминания об уничтожении евреев на оккупированных территориях Украины. Равным образом — уменьшить количество персонажей с еврейскими фамилиями и понизить их роль в развитии сюжета.

Особую настороженность у редакторов и цензоров вызывал главный герой — Виктор Штрум. Его тоже требовали убрать из романа, однако Гроссман отказался наотрез. Вместо этого он ввел фигуру учителя Штрума — Чепыжина. То есть поставил над евреем учителя-славянина.

Претензии редакции были обусловлены актуальными политическими установками. Так называемая еврейская тема минимизировалась цензурой еще в конце 1930-х годов, а уж в послевоенную эпоху инициированные Сталиным антисемитские кампании следовали одна за другой.

Следует при этом отметить, что Гроссман уступал не всем редакторским требованиям. У него были влиятельные союзники: А. А. Фадеев, воз-

⁴ См. Гроссман В. С. За правое дело: [редакции романа] // РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 1. Ед. хр. 9–66. Подробнее см.: [Bit-Yunan, Chandler, 2019].

⁵ См. Гроссман В. С. Дневник прохождения рукописи романа «За правое дело» в издательствах // РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 2. Ед. хр. 1.

главлявший Союз писателей, К. М. Симонов, бывший в то время главным редактором «Литературной газеты», и главный редактор журнала «Огонек» А. А. Сурков.

Они лоббировали роман, преследуя конкретную цель. Во второй половине 1940-х годов наиболее актуальным был очередной сталинский проект — создание эпопеи о Великой Отечественной войне [подробнее см. Бар-Селла, 2005, с. 226–238].

Именно поэтому Гроссмана — как одного из наиболее перспективных создателей этой эпопеи — антисемитские кампании до поры не затрагивали.

Однако у руководства Союза писателей были влиятельные противники — функционеры Отдела пропаганды и агитации ЦК партии, которым в то время руководил Сулов.

Агитпроповские функционеры тоже спешили реализовать сталинский проект. На роль автора военной эпопеи лоббировали М. С. Бубеннова, издавшего первую книгу романа «Белая береза» в 1947 году. На рубеже 1940–1950-х годов он уже готовил к публикации вторую книгу [см.: Бубеннов, 1947; 1952].

Он — как претендент на статус создателя эпопеи — лидировал и по срокам, и по объему романа. Зато его литературный уровень был изрядно ниже гроссмановского.

Агитпроповские функционеры задерживали публикацию рукописи «За правое дело» и требовали всё новых согласований в цензурных инстанциях. И всё же текст был окончательно утвержден и напечатан «Новым миром» в четырех номерах — с июля по октябрь 1952 года. Анонсировалось и продолжение [см. Гроссман, 1952].

Тем не менее нет оснований полагать, что Гроссман принялся за второй роман сразу после публикации «За правое дело». Уже в ноябре 1952 года руководство Союза писателей выдвинуло роман на соискание Сталинской премии [Сталинские премии ... , 2007, с. 433].

И первые рецензии были восторженными. Критики утверждали, что Гроссман создает именно эпопею [см.: Львов, 1952; Галанов, 1953].

Следовательно, прогнозировались книжные издания романа. Для этого потребовался бы новый типографский набор, к нему следовало подготовить материалы — работы хватало.

Однако 13 января 1953 года газета «Правда» опубликовала редакционную статью «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей». Рядом было напечатано сообщение МВД СССР о раскрытии антиправительственного заговора. На этот раз организаторы самой масштабной антисемитской кампании обошлись без уже традиционных эквивоков. Сообщалось, что преступни-

ки — «растленные еврейские буржуазные националисты» [Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей, 1953].

Руководители издательств среагировали незамедлительно. Уже 16 января 1953 года Гроссмана критиковали на редакционном совете в издательстве «Советский писатель». Еще недавно восхваляемый роман оказался крайне несовершенным. Выпуск книги стал невозможен [см. Берзер, 1990, с. 153–164].

Суслов же готовил в это время массированную атаку. Она началась 13 февраля. Задавала тон опубликованная в «Правде» статья Бубеннова «О романе Василия Гроссмана “За правое дело”» [см. Бубеннов, 1953].

Гроссману были поставлены в вину клевета на русский народ, тенденциозно-неверное изображение войны и еврейский национализм. Но главной мишенью был Фадеев. Ему и редакции «Нового мира» инкриминировались так называемые идейная слепота и беспринципность.

Редакция журнала покаялась сразу. Руководство Союза писателей — чуть позже [см.: Твардовский и др., 1953; Фадеев, 1953].

Впрочем, кампания оказалась сравнительно недолгой. Четвертого апреля 1953 года «дело врачей» было официально признано фальсификацией [Сообщение Министерства внутренних дел СССР, 1953].

Разгром гроссмановского романа прекратился. Только в мае журналом «Звезда» было напечатано несколько писем разгневанных читателей [см.: Лецинский, 1953; Добротворский, 1953; Мороховский, 1953].

Однако это уже были выстрелы вхолостую. Просто сработал закон инерции: то, что было подписано к печати, пошло в печать. Такое бывает.

Суслов к тому времени занял более низкую должность. И уже в июне, по инициативе Фадеева, руководители издательств опять предлагали Гроссману выпустить книгу.

Он по-прежнему считался классиком советской литературы — следовательно, ему полагался функционерский статус. В характеристике, выданной Гроссману летом 1953 года, было указано, что он «является членом Правления Союза советских писателей СССР, членом Комиссии по приему в Союз советских писателей СССР»⁶.

Однако и летом 1953 года Гроссман еще не имел возможности заняться «Жизнью и судьбой». Роман «За правое дело» был опубликован трижды в течение трех последующих лет. Причем это были не стереотипные издания: автор пошагово устранял цензурные искажения. Каждый раз типографский набор

⁶ См. Гроссман Иосиф Соломонович, 1905 г. р., прозаик // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 39. Ед. хр. 1658. Л. 57.

делали заново — а это опять работа с редакторами, корректура и т. п. Более того, в то же время переиздавали и довоенный роман «Степан Кольчугин». Это тоже работа. Наконец, Гроссман опубликовал в альманахе «Литературная Москва» один рассказ и написал еще несколько [см.: Гроссман, 1954; Гроссман, За правое дело, 1955; Гроссман, Степан Кольчугин, 1955; Гроссман, За правое дело, 1956; Гроссман, Шестое августа, 1956; Гроссман, Тиргартен, 1990; Гроссман, Несколько печальных дней, 1990; Гроссман, Фосфор, 1990].

Поэтому лишь в 1956 году у Гроссмана появилась возможность заняться именно и только романом «Жизнь и судьба». Ранее создавались наброски, планы глав и частей.

Кстати, будучи функционером Союза писателей, Гроссман не мог не узнать о первом, 1957 года, издании романа «Доктор Живаго» на итальянском языке. И всё же подчеркну: вторая книга сталинградской дилогии была начата Гроссманом до того, как он уяснил пастернаковский алгоритм.

* * *

Мемуаристы, критики и литературоведы пытались объяснить, почему Гроссман, удачливый советский писатель, создал книгу, публикация которой была на его родине заведомо исключена. Выдвигались, по сути, две версии.

Первая — наивность всегда искреннего Гроссмана [см., напр.: Роскина, 1980; Шаров, 1990]. В основе второй — рассуждения о его реакции на постоянные гонения при Сталине и Хрущеве [см., напр.: Панков, 1988; Бочаров, 1990; Елина, 1994].

Однако мнение о наивности Гроссмана опровергается его главной книгой. Не был автор «Жизни и судьбы» наивен. Не был он и постоянно гонимым: единственная опала в 1953 году продолжалась менее трех месяцев. А потом — опять большие тиражи, гонорары и награды.

Ответ на вопрос о мотивации Гроссмана обозначен в рукописях его арестованного романа. Летом 2013 года они были переданы РГАЛИ — несколько редакций книги и черновые материалы⁷.

Гроссман сначала готовил тематические блоки, содержавшие главы романа, затем монтировал их, выбирая лучший вариант композиции. Так была составлена и самая ранняя из сохранившихся редакций.

В следующих редакциях Гроссман перемещал или вовсе изымал некоторые главы, вносил правку — и не только стилистическую.

⁷ См. Гроссман В. С. Жизнь и судьба [различные редакции романа, главы, разрозненные листы] // РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 4.

Однако все редакции содержат сюжетную линию Штрума. Историю его опалы, а затем — триумфа и катастрофы.

Штрум — физик-теоретик, еще до войны ставший доктором наук, что тогда было редкостью. Более того, на рубеже 1942–1943 годов он совершил открытие, принципиально важное для использования атомной энергии.

Но при всех заслугах Штрум в своем научном институте — опальный. Он слишком часто конфликтует с дирекцией, дискриминирующей его коллег-евреев, и не скрывает восхищения теориями А. Эйнштейна.

Его решают уволить. Последний шанс — явиться на заседание ученого совета и публично покаяться. Штрум осознает, что его семью ждут бедность и выселение из московской квартиры — однако пойти против себя он не в силах. В назначенный день он просто остается дома.

И вдруг — ситуация радикально меняется. Опальному физику звонит Сталин и желает ему успехов в работе.

На следующий день к Штруму приходит директор института и, виновато улыбаясь, спрашивает, когда Виктору Павловичу было бы удобно приехать на работу. Безусловно, на должностном автомобиле и с личным водителем. Через несколько дней Штрум уже беседует с Г. М. Маленковым, лично.

Однако вскоре триумфатора приглашают в кабинет директора и просят подписать опровержение статьи из «Нью-Йорк Таймс». В этой статье говорится о врачах, лечивших М. Горького и осужденных еще до войны. Кроме прочего, им инкриминировано отравление пациента, что американские специалисты признали абсурдом.

Штрум совершенно убежден в невинности врачей. У одного из них лечилась его мать. Он понимает, что его подталкивают к преступлению против совести — и всё же ставит подпись.

Казалось бы, оправдаться можно. Ведь судьбу врачей уже не изменить. Да и отказ подписать письмо — после недавней победы — и бессмыслен, и опасен. И всё же ночью Штрум осознает, что бессмысленна теперь именно его недавняя победа. И теперь произошла настоящая катастрофа: «Откуда эта ужасная тоска? Тяжесть, тяжесть. Победитель! Удивительно! В пору своей наибольшей беспомощности он, оказывается, был сильней»⁸.

Пути назад уже нет. Штрум понял, что «он плюнул на трупы замученных...». И теперь — «Всё пропало, всё рухнуло для него. Он презирал он ненавидел себя, он стыдился себя»⁹.

⁸ Гроссман В. С. Жизнь и судьба [первая редакция романа; машинопись с небольшой правкой автора] // РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 4. Ед. хр. 27. Л. 124.

⁹ Там же. Л. 126.

Сохранился и автокомментарий к этой главе: «Надо: подписание письма, полно все трагические обстоятельства — в нем центр тяжести». Причем слово «полно» подчеркнуто Гроссманом дважды¹⁰.

Последняя мысль, которая приходит к Штруму в ту ночь, — что жить дальше преступно. Главный герой решает дезавуировать подпись самоубийством: «Ведь в страшное время человек не должен бояться смерти... не должен бояться, если хочет остаться человеком»¹¹.

Так заканчивается история Штрума в первой редакции книги. Так завершается сама первая редакция.

И всё же позднее Гроссман изменил замысел.

В следующих редакциях Штрум планирует не самоубийство — он решает искупить минуту трусости всей оставшейся жизнью: «Каждый день, каждый час, из года в год, нужно вести борьбу за свое право быть человеком, быть добрым и чистым. И в этой борьбе не должно быть ни гордости, ни тщеславия, одно лишь смирение. А если в страшное время придет безвыходный час, человек не должен бояться смерти, не должен бояться, если хочет остаться человеком» [Гроссман, 1980, с. 587].

Критиками и литературоведами немало сказано о сходстве героя и автора романа. Оба — выпускники университета, один выбрал физику, другой стал химиком, первый муж жены Штрума осужден за так называемую контрреволюционную деятельность — та же история произошла в семье Гроссмана. Наконец, и у Гроссмана, и у Штрума мать погибла в еврейском гетто Бердичева.

Катастрофа Штрума — своего рода проекция аналогичных событий в жизни Гроссмана. Только произошли они не в 1943 году, а десятью годами позднее.

К февралю 1953 года антисемитская кампания достигла апогея. Распространялись слухи о готовящейся депортации евреев в отдаленные дальневосточные районы. Мотивировка — спасение высылаемых от возможной мести со стороны разгневанных неевреев [подробнее см. Шейнис, 1992].

Историки спорят до сих пор, действительно ли Сталин готовил такую операцию. Главное же, что слухи не воспринимались как беспочвенные. Но откровенно антисемитская кампания противоречила официальным идеологическим установкам — устранить конфликт должна была публикация открытого письма — «Обращения еврейской общественности» [подробнее см.: там же; Фрезинский, 2008, с. 561–563].

¹⁰ Гроссман В. С. Жизнь и судьба [первая редакция романа; черновой автограф] // РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 4. Ед. хр. 18. Л. 31.

¹¹ Гроссман В. С. Жизнь и судьба [первая редакция романа; машинопись с небольшой правкой автора] // РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 4. Ед. хр. 27. Л. 126.

Согласно этому документу, евреи в СССР одобряли смертный приговор врачам и, отделяя себя от «буржуазных националистов», просили защиты у правительства. Это означало бы, что оно не может быть обвинено в антисемитизме.

Кандидатуры тех, кому надлежало подписать этот документ, назначались ЦК партии. Герои Советского Союза, знаменитые актеры, ученые, музыканты, художники и писатели должны были проявить солидарность с палачами. Отказаться рискнули немногие. Так, В. А. Каверин акцентировал в мемуарах, что лишь чудом избежал позора [Каверин, 1989, с. 316].

Гроссман рисковать не мог. Как отмечено выше, роман «За правое дело» бранили уже в январе.

Впрочем, Липкин предложил иную мотивировку. По его словам, назначенных для подписания документа собрали в редакции «Правды», но обращение

<...> так и не было послано Сталину, вообще оно было задумано не наверху, а оказалось, как нам потом объяснил хорошо информированный Эренбург, затеей высокопоставленных партийных евреев, испугавшихся за свою судьбу со всеми ее привилегиями. Но Гроссман, в каком-то затмении решив, что ценою смерти немногих можно спасти несчастный народ, поставил вместе с большинством собравшихся под письмом свою подпись.

[Липкин, 1986, с. 42]

Из сказанного Липкиным верно лишь одно: Гроссман поставил свою подпись. Всё остальное — ложно.

Попытка Липкина возложить ответственность за идею письма на каких-то «высокопоставленных партийных евреев» настолько наивна, что это даже озадачивает. Если бы он был прав, пришлось бы признать, что советские знаменитости послушно отправились в редакцию «Правды» по зову безымянных инициаторов. И покорно подписывали письмо, призывающее к казни так называемых «врачей-отравителей».

На самом деле все понимали, где рождаются идеи подобного политического масштаба. Именно поэтому И. Г. Эренбург обратился письменно непосредственно к Сталину, доказывая, что публикация документа вызовет за границей реакцию, обратную планируемой [подробнее см. Фрезинский, 2008, с. 570–572].

И уж, конечно, Липкину он никаких объяснений не давал. Равным образом и Гроссман ему не говорил, будто надеялся, что «ценою смерти немногих можно спасти несчастный народ». Все назначенные подписывать «Обращение еврейской общественности» знали, что это «прелюдия к депортации» [Каверин, 1989].

Прагматика истории о «затмении» очевидна. Липкин доказывал, что Гроссман, будучи всё еще наивным, ошибся в оценке позорного документа, а потом осознал свою ошибку и раскаялся.

Правда же в том, что Гроссман всё осознавал изначально: он оправдал палачей. Возможно, как и Штрум, убеждал себя, что всё уже решено и его подпись ничего не изменит. Но всё же совести он уступил. И единственной возможностью искупить вину было сказать правду о том времени, когда оставаться человеком мог лишь тот, кто не боялся смерти.

Поэтому публикация «Жизни и судьбы» была для Гроссмана не просто делом чести — это была его личная «Аннибалова клятва». Цена оставшейся жизни. Всё остальное — в руках судьбы. Отсюда и название романа.

Список источников

Бар-Селла З. Литературный котлован: проект «Писатель Шолохов». М.: РГГУ, 2005. 462 с.

Берзер А. С. Прощание // *Липкин С. И.* Жизнь и судьба Василия Гроссмана; *Берзер А. С.* Прощание. М.: Книга, 1990. С. 121–270.

Бит-Юнан Ю. Г., Фельдман Д. М. Василий Гроссман: биография писателя в политическом контексте советской эпохи. М.: РГГУ, 2019. 796 с.

Бочаров А. Г. Мифы и прозрения // Октябрь. 1990. № 8. С. 160–173.

Бубеннов М. С. Белая береза: Роман [в 2 книгах]. [М.]: Мол. гвардия, 1952. 672 с.

Бубеннов М. С. Белая береза: Роман [в 2 частях]. Рига: Латгосиздат, 1947. 2 ч.

Бубеннов М. С. О романе Василия Гроссмана «За правое дело» // Правда. 1953, 13 февраля. С. 3–4.

Галанов Б. Е. Эпопея народной борьбы // Молодой коммунист. 1953. № 1. С. 117–123.

Гроссман В. С. Жизнь и судьба / изд. подгот. С. Маркиш и Е. Эткин; вступ. статья Е. Эткина. Lausanne: L'Age d'Homme, 1980. 607 с.

Гроссман В. С. Жизнь и судьба // Континент. 1976. № 6. С. 151–171; № 7. С. 95–112; № 8. С. 111–133.

Гроссман В. С. За правое дело. Главы из второй книги романа // Континент. 1975. № 4. С. 179–216; № 5. С. 7–39.

Гроссман В. С. За правое дело. М.: Воениздат, 1954. 656 с.

Гроссман В. С. За правое дело. М.: Воениздат, 1955. 656 с.

Гроссман В. С. За правое дело. М.: Советский писатель, 1956. 720 с.

Гроссман В. С. За правое дело // Новый мир. 1952. № 7. С. 3–132; № 8. С. 74–228; № 9. С. 5–123; № 10. С. 128–210.

Гроссман В. С. За правое дело: Отрывок из второго тома романа // Грани. 1975. № 97. С. 3–32.

Гроссман В. С. Природное стремление человека к свободе неистребимо // Посев. 1975. № 7. С. 53–55.

Гроссман В. С. Сикстинская Мадонна // Гроссман В. С. Несколько печальных дней: Повести и рассказы / сост. Е. В. Короткова. М.: Современник, 1990. С. 394–402.

Гроссман В. С. Степан Кольчугин. Роман. В 2 кн. М.: Гослитиздат, 1955. 2 т.

Гроссман В. С. Тиргартен // Гроссман В. С. Несколько печальных дней: Повести и рассказы / сост. Е. В. Короткова. М.: Современник, 1990. С. 277–302.

Гроссман В. С. Фосфор // Гроссман В. С. Несколько печальных дней: Повести и рассказы / сост. Е. В. Короткова. М.: Современник, 1990. С. 374–390.

Гроссман В. С. Шестое августа (Рассказ) // Литературная Москва: Литературно-художественный сборник московских писателей. Вып. 1. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. С. 506–523.

Добротворский Н. Это не герои Сталинграда // Звезда. 1953. № 5. С. 187.

Елина Н. Г. Василий Гроссман. Иерусалим: [б. и.], 1994. 252 с.

Из секретных архивов. Жизнь и судьба. Как пытались уничтожить рукопись романа, а заодно и самого Василия Гроссмана / предисл. С. И. Липкина // Труд. 1992, 3 октября. С. 2.

Каверин В. А. Эпилог: Мемуары. М.: Московский рабочий, 1989. 538 с.

Лецинский Н. Еще о «философии» Чепыжина и Штрума // Звезда. 1953. № 5. С. 186–187.

Липкин С. И. Жизнь и судьба Василия Гроссмана // Литературное обозрение. 1988. № 6. С. 96–108; № 7. С. 98–109.

Липкин С. И. Рукописи не горят. Как был спасен роман Василия Гроссмана «Жизнь и судьба» // Русская мысль. 1989, 5 мая. С. 8–9.

Липкин С. И. Сталинград Василия Гроссмана. Ann Arbor: Ardis, 1986. 145 с.

Львов С. Рождение эпопеи // Огонек. 1952. № 47. С. 24.

Мороховский Ю. Нечему учиться у таких героев // Звезда. 1953. № 5. С. 188.

На перекрестке мнений (фрагменты из статей и рецензий) // С разных точек зрения: «Доктор Живаго» Б. Пастернака [сборник документов, рецензий и научных материалов] / сост. Л. В. Бахнов, Л. Б. Воронин. М.: Советский писатель, 1990. С. 239–264.

Панков А. Трагическое прозрение // Литературная Россия. 1988, 8 июля. С. 8–9.

[Письмо В. С. Гроссмана Н. С. Хрущеву от 23 февраля 1962 г.] // *Бочаров А. Г.* Василий Гроссман. Жизнь, творчество, судьба. М.: Советский писатель, 1990. С. 184–188.

Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей // *Правда*. 1953, 13 января. С. 1.

Роскина Н. А. Памяти Гроссмана // *Роскина Н. А.* Четыре главы. Из литературных воспоминаний. Paris: YMCA-Press, 1980. С. 99–129.

Сообщение Министерства внутренних дел СССР // *Правда*. 1953, 4 апреля. С. 2.

Сталинские премии. Две стороны одной медали: сборник документов и художественно-публицистических материалов / сост. К. А. Осеев, В. Ф. Свиньин. Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2007. 880 с.

Стенограмма заседания Редколлегии журнала «Знамя» 10-го декабря 1960 года // С разных точек зрения: «Жизнь и судьба» Василия Гроссмана. М.: Советский писатель, 1991. С. 41–76.

Твардовский А. Т., Тарасенков А. К., Катаев В. П., Федин К. А., Смирнов С. С. О романе В. Гроссмана «За правое дело» // *Литературная газета*. 1953, 3 марта. С. 3.

Толстой И. Н. Отмытый роман Пастернака: «Доктор Живаго» между КГБ и ЦРУ. М.: Время, 2009. 493 с.

Уголовный кодекс РСФСР. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1950. 256 с.

Уголовный кодекс РСФСР. 1961. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=®vDoc=102021298&backlink=1&&nd=102010096> (дата обращения: 01.09.2021).

Фадеев А. А. Некоторые вопросы работы Союза писателей. Сокр. стенограмма доклада на Президиуме правления Союза писателей 24 марта 1953 г. // *Литературная газета*. 1953, 28 марта. С. 2–4.

Фельдман Д. М. До и после ареста. Судьба рукописи Василий Гроссмана // *Литературная Россия*. 1988, 11 ноября. С. 16–17.

Фрезинский Б. Я. Писатели и советские вожди. Избранные сюжеты 1919–1960 годов. М.: Эллис Лак 2000, 2008. 668 с.

Шаров А. И. Из воспоминаний о Василии Гроссмане // *Шаров А. И.* Окоем: Повести, воспоминания. М.: Советский писатель, 1990. С. 398–425.

Шейнис З. С. Провокация века: Расстрелянный наркомотдел. Холодный погром на Путинках. Новое о «Деле врачей». М.: ПИК, 1992. 220 с.

Bit-Yunan Y., Chandler R. Afterword // *Grossman V.* Stalingrad / transl. by R. Chandler and E. Chandler; ed. by R. Chandler and Y. Bit-Yunan. New-York: NYRB, 2019. P. 971–1011.

Vita é destino. Il contrabbando di letteratura dal' Unione Sovietica / реж. Billstein Н.; в ролях: И. В. Новикова, Ф. Б. Губер, В. Н. Войнович, С. И. Липкин, Е. Г. Эткин; Pickup Film Köln, 1995. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=pFdMYbFrII0> (дата обращения: 01.09.2021).

Архивы

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства;
РГАНИ — Российский государственный архив новейшей истории.

References

Bar-Sella, Z. (2005) *Literaturnyi kotlovan: proekt "Pisatel' Sholokhov"* [*Literary Pit: The Project "Writer Sholokhov"*]. Moscow: RGGU Publ.

Berzer, A.S. (1990) 'Proshchanie' ['Parting'], in Lipkin, S.I. *Zhizn' i sud'ba Vasiliya Grossmana* [*The life and fate of Vasily Grossman*]; Berzer, A.S. *Proshchanie* [*Parting*]. Moscow: Kniga Publ., pp. 121–270.

Bit-Yunan, Y., Chandler, R. (2019) 'Afterword', in Grossman, V. *Stalingrad*. Translated by R. Chandler and E. Chandler; ed. by R. Chandler and Y. Bit-Yunan. New-York: NYRB, pp. 971–1011.

Bit-Yunan, Yu.G., Fel'dman, D.M. (2019) *Vasilii Grossman: biografiya pisatelya v politicheskom kontekste sovetskoj epokhi* [*Vasily Grossman: Biography of the Writer in the Political Context of the Soviet Era*]. Moscow: RGGU Publ.

Bocharov, A.G. (1990) 'Mify i prozreniya' ['Myths and Insights'], *Oktyabr'*, 8, pp. 160–173.

Bubennov, M.S. (1947) *Belaya bereza: Roman [v 2 chastyakh]* [*White Birch: A Novel [in 2 parts]*]. Riga: Latgosizdat Publ.

Bubennov, M.S. (1952) *Belaya bereza: Roman [v 2 knigakh]* [*White Birch: A Novel [in 2 books]*]. [Moscow]: Molodaya gvardiya Publ.

Bubennov, M.S. (1953) 'O romane Vasiliya Grossmana "Za pravoe delo"' ['About the Novel by Vasily Grossman "For a Just Cause"'], *Pravda*, 13 Feb., pp. 3–4.

Dobrotvorskii, N. (1953) 'Eto ne geroi Stalingrada' ['These are not the Heroes of Stalingrad'], *Zvezda*, 5, p. 187.

Elina, N.G. (1994) *Vasilii Grossman* [*Vasily Grossman*]. Ierusalim: no publ.

Fadeev, A.A. (1953) 'Nekotorye voprosy raboty Soyuza pisatelei. Sokrashchennaya stenogramma doklada na Prezidiume pravleniya Soyuza pisatelei 24 marta 1953 g.' ['Some Questions of the Work of the Writers' Union. Abridged Transcript of the Report at the Presidium of the Board of the Writers' Union on March 24, 1953'], *Literaturnaya gazeta*, 28 Mar. P. 2–4.

Fel'dman, D.M. (1988) 'Do i posle aresta. Sud'ba rukopisi Vasiliia Grossmana' ['Before and after Arrest. The Fate of Vasily Grossman's Manuscript'], *Literaturnaya Rossiya*, 11 Nov.

Frezinskii, B.Ya. (2008) *Pisateli i sovetskie vozhdii. Izbrannye syuzhety 1919–1960 godov* [Writers and Soviet Leaders. Selected Subjects from 1919–1960]. Moscow: Ellis Lak 2000 Publ.

Galanov, B.E. (1953) 'Epopeya narodnoi bor'by' ['The Epic of the People's Struggle'], *Molodoi communist*, 1, pp. 117–123.

Grossman, V.S. (1952) 'Za pravoe delo' ['For a Just Cause'], *Novyi mir*, 7, pp. 3–132, 8, pp. 74–228, 9, pp. 5–123, 10, pp. 128–210.

Grossman, V.S. (1954) *Za pravoe delo* [For a Just Cause]. Moscow: Voenizdat.

Grossman, V.S. (1955) *Stepan Kol'chugin. Roman* [Stepan Kolchugin. Novel] (2 vols). Moscow: Goslitizdat Publ.

Grossman, V.S. (1955) *Za pravoe delo* [For a Just Cause]. Moscow: Voenizdat.

Grossman, V.S. (1956) 'Shestoe avgusta (Rasskaz)' ['Sixth of August (Story)'], in *Literaturnaya Moskva: Literaturno-khudozhestvennyi sbornik moskovskikh pisatelei. Vyp. 1* [Literary Moscow: Literary and Artistic Collection of Moscow Writers. Iss. 1]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., pp. 506–523.

Grossman, V.S. (1956) *Za pravoe delo* [For a Just Cause]. Moscow: Sovetskii pisatel'.

Grossman, V.S. (1975) 'Prirodnoe stremlenie cheloveka k svobode neistrebito' ['The Natural Desire of Man for Freedom is Indestructible'], *Posev*, 7, pp. 53–55.

Grossman, V.S. (1975) 'Za pravoe delo. Glavy iz vtoroi knigi romana' ['For a Just Cause. Chapters from the Second Book of the Novel'], *Kontinent*, 4, pp. 179–216, 5, pp. 7–39.

Grossman, V.S. (1975) 'Za pravoe delo: Otryvok iz vtorogo toma romana' ['For a Just Cause: The Excerpt from the Second Volume of the Novel'], *Grani*, 97, pp. 3–32.

Grossman, V.S. (1976) 'Zhizn' i sud'ba' ['Life and Destiny'], *Kontinent*, 6, pp. 151–171, 7, pp. 95–112, 8, pp. 111–133.

Grossman, V.S. (1980) *Zhizn' i sud'ba* [Life and Destiny]. Markish, S. and Etkind, E. (eds); Introductory article by E. Etkind. Lausanne: L'Age d'Homme Publ.

Grossman, V.S. (1990) 'Fosfor' ['Phosphorus'], in Grossman, V.S. *Neskol'ko pechal'nykh dnei: Povesti i rasskazy* [A Few Sad Days: Tales and Stories]. Compiled by E.V. Korotkova. Moscow: Sovremennik Publ., pp. 374–390.

Grossman, V.S. (1990) 'Sikstinskaya Madonna' ['Sistine Madonna'], in Grossman, V.S. *Neskol'ko pechal'nykh dnei: Povesti i rasskazy* [A Few Sad Days: Tales and Stories]. Compiled by E.V. Korotkova. Moscow: Sovremennik Publ., pp. 394–402.

Grossman, V.S. (1990) 'Tirgarten', in Grossman, V.S. *Neskol'ko pechal'nykh dnei: Povesti i rasskazy* [A Few Sad Days: Tales and Stories]. Compiled by E.V. Korotkova. Moscow: Sovremennik Publ., pp. 277–302.

‘Iz sekretnykh arkhivov. Zhizn' i sud'ba. Kak pytalys' unichtozhit' rukopis' romana, a zaodno i samogo Vasiliya Grossmana’ [‘From Secret Archives. Life and Destiny. How they Tried to Destroy the Manuscript of the Novel, and at the same time Vasily Grossman himself’] (1992) Preface by S.I. Lipkin, *Trud*, 3 Oct., p. 2.

Kaverin, V.A. (1989) *Epilog: Memuary [Epilogue: Memoirs]*. Moscow: Moskovskii rabochii Publ.

L'vov, S. (1952) ‘Rozhdenie epopei’ [‘The Birth of the Epic’], *Ogonek*, 47, p. 24.

Leshchinskii, N. (1953) ‘Eshche o “filosofii” Chepyzhina i Shtruma’ [‘More about the “Philosophy” of Chepyzhin and Shtrum’], *Zvezda*, 5, pp. 186–187.

Lipkin, S.I. (1986) *Stalingrad Vasiliya Grossmana [Stalingrad of Vasily Grossman]*. Ann Arbor: Ardis Publ.

Lipkin, S.I. (1988) ‘Zhizn' i sud'ba Vasiliya Grossmana’ [‘The Life and Fate of Vasily Grossman’], *Literaturnoe obozrenie*, 6, pp. 96–108, 7, pp. 98–109.

Lipkin, S.I. (1989) ‘Rukopisi ne goryat. Kak byl spasen roman Vasiliya Grossmana “Zhizn' i sud'ba”’ [‘Manuscripts do not Burn. How Vasily Grossman's Novel “Life and Fate” was Saved’], *Russkaya mysl'*, 5 May, pp. 8–9.

Morokhovskii, Yu. (1953) ‘Nechemu učit'sya u takikh geroev’ [‘There is nothing to Learn from such Heroes’], *Zvezda*, 5, p. 188.

‘Na perekrestke mnenii (*fragmenty iz statei i retsenzii*)’ [‘At the Crossroads of Opinions (*Excerpts from Articles and Reviews*)’] (1990) *S raznykh toчек zreniya: “Doktor Zhivago” B. Pasternaka [sbornik dokumentov, retsenzii i nauchnykh materialov]* [From Different Points of View: “Doctor Zhivago” by B. Pasternak [Collection of Documents, Reviews and Scientific Materials]]. Compiled by L.V. Bakhnov, L.B. Voronin. Moscow: Sovetskii pisatel' Publ., pp. 239–264.

Oseev, K.A, Svin'in, V.F. (eds) (2007) *Stalinskie premii. Dve storony odnoi medali: sbornik dokumentov i khudozhestvenno-publitsisticheskikh materialov* [Stalin Prizes. Two Sides of the Same Coin: A Collection of Documents and Artistic Publicistic Materials]. Novosibirsk: Svin'in i synov'ya Publ.

Pankov, A. (1988) ‘Tragicheskoe prozrenie’ [‘Tragic Epiphany’], *Literaturnaya Rossiya*, 8 Jul., pp. 8–9.

‘[Pis'mo V.S. Grossmana N.S. Khrushchevu ot 23 fevralya 1962 g.]’ [‘The Letter from V.S. Grossman to N.S. Khrushchev dated February 23, 1962’] (1990) in Bocharov, A.G. *Vasilii Grossman. Zhizn', tvorchestvo, sud'ba* [Vasily Grossman. Life, Creativity, Destiny]. Moscow: Sovetskii pisatel' Publ., pp. 184–188.

Pravda (1953) ‘Podlye shpiony i ubiitsy pod maskoi professorov-vrachei’ [‘Sneaky Spies and Assassins Disguised as Medical Professors’], 13 Jan., p. 1.

Pravda (1953) ‘Soobshchenie Ministerstva vnutrennikh del SSSR’ [‘Message from the Ministry of Internal Affairs of the USSR’], 4 Apr., p. 2.

Roskina, N.A. (1980) 'Pamyati Grossmana' ['In Memory of Grossman'], in Roskina, N.A. *Chetyre glavy. Iz literaturnykh vospominanii* [Four Chapters. From Literary Memoirs]. Paris: YMCA-Press, pp. 99–129.

Sharov, A.I. (1990) 'Iz vospominanii o Vasili Grossmane' ['From the Memories of Vasily Grossman'], in Sharov, A.I. *Okoem: Povesti, vospominaniya* [Okoyom: Tales, Memories]. Moscow: Sovetskii pisatel' Publ., pp. 398–425.

Sheinis, Z.S. (1992) *Provokatsiya veka: Rasstrelyanniy narkomotel. Kholodnyi pogrom na Putinkakh. Novoe o "Dele vrachei"* [Provocation of the Century: Shot People's Commissariat. Cold Pogrom on Putinki. New about the "Doctors' Case"]. Moscow: PIK Publ.

'Stenogramma zasedaniya Redkollegii zhurnala "Znamya" 10-go dekabrya 1960 goda' ['Transcript of the Meeting of the Editorial Board of the "Znamya" Journal on December 10, 1960'] (1991) in *S raznykh toчек zreniya: "Zhizn' i sud'ba" Vasiliya Grossmana* [From Different Points of View: Life and Fate by Vasily Grossman]. Moscow: Sovetskii pisatel' Publ., pp. 41–76.

Tolstoi, I.N. (2009) *Otmytyi roman Pasternaka: "Doktor Zhivago" mezhdru KGB i TsRU* [Pasternak's Laundered Novel: "Doctor Zhivago" between the KGB and the CIA]. Moscow: Vremya Publ.

Tvardovskii, A.T., Tarasenzov, A.K., Kataev, V.P., Fedin, K.A., Smirnov, S.S. (1953) 'O romane V. Grossmana "Za pravoe delo"' ['About the Novel by V. Grossman "For a Just Cause"'], *Literaturnaya gazeta*, 3 Mar., p. 3.

Ugolovnyi kodeks RSFSR [Criminal Code of the RSFSR] (1950) Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoi literatury Publ.

Ugolovnyi kodeks RSFSR [Criminal Code of the RSFSR] (1961) Available at: URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102021298&backlink=1&&nd=102010096> (Accessed: 01 Sep. 2021).

Vita é destino. Il contrabbando di letteratura dal' Unione Sovietica (1995) Directed by H. Billstein, pickup Film Köln. Available at: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=pFdMYbFrII0> (Accessed: 01 Sep. 2021).

Информация об авторе: Ю. Г. Бит-Юнан — доктор филологических наук, доцент кафедры литературной критики факультета журналистики Института массмедиа Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ). Адрес: Российская Федерация, 125047, Москва, Миусская площадь, д. 6.

Information about the author: Yu. G. Bit-Yunan — DSc in Philology, Associate Professor at the Department of Literary Criticism of the Faculty of Journalism of the

Institute of Mass Media, Russian State University for the Humanities (RSUH). Address:
6 Miuskaya Sq., Moscow, 125993, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.03.2022;
одобрена после рецензирования 10.05.2022;
принята к публикации 25.05.2022.

The article was submitted 15.03.2022;
approved after reviewing 10.05.2022;
accepted for publication 25.05.2022.

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 2. С. 169–186.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2022. Vol. 5, no. 2. P. 169–186.

Научная статья / Original article

УДК 008

doi:10.17323/2658-5413-2022-5-2-169-186

ДИАЛОГ «ВОЙНЫ» И «МИРА» В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Игорь Вадимович Кондаков
Российский государственный
гуманитарный университет,
Москва, Россия, ikond@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-8903-8368>

 Аннотация. Статья посвящена культурной семантике и исторической динамике важнейших концептов русской культуры, связанных с войной и миром (мир, міръ и война — в прямом и переносном смысле). Эти концепты, вступая в диалог друг с другом, сближаются и размываются, объединяются и разъединяются. В результате возникают промежуточные концепты: «мировойна», поствойна, постмир, характеризующиеся многозначностью, синкретичностью и смысловой неопределенностью. Все эти нетрадиционные концепты являются своего рода симулякрами исторических трансформаций в понимании современных войны и мира. Они находят свое воплощение в текстах художественной культуры и их критических интерпретациях.

 Ключевые слова: диалог, русская культура, концепты, мир, міръ, война, «мировойна», поствойна, постмир

© Кондаков И. В., 2022

Ссылка для цитирования: Кондаков И. В. Диалог «войны» и «мира» в русской культуре // *Философические письма. Русско-европейский диалог*. 2022. Т. 5, № 2. С. 169–186. <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2022-5-2-169-186>.

Memory of Culture

THE DIALOGUE OF “WAR” AND “PEACE” IN RUSSIAN CULTURE

Igor V. Kondakov

The Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, ikond@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-8903-8368>

Abstract. The article is devoted to the cultural semantics and historical dynamics of the most important concepts of Russian culture related to war and peace (peace, world and war — literally and figuratively). These concepts, entering into a dialogue with each other, converge and blur, unite and separate. As a result, intermediate concepts arise: “peace/war”, post-war, post-peace, characterized by ambiguity, syncretism and semantic uncertainty. All these unconventional concepts are a kind of simulacra of historical transformations in the understanding of modern war and peace. They find their embodiment in the texts of artistic culture and their critical interpretations.

Keywords: dialogue, Russian culture, concepts, peace, world, war, “peace/war”, post-war, post-peace

For citation: Kondakov, I.V. (2022) ‘The Dialogue of “War” and “Peace” in Russian Culture’, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 5(2), pp. 169–186. (In Russ.). [doi:10.17323/2658-5413-2022-5-2-169-186](https://doi.org/10.17323/2658-5413-2022-5-2-169-186).

«Всё мое», — сказало золото;
 «Всё мое», — сказал булат.
 «Всё куплю», — сказало золото;
 «Всё возьму», — сказал булат.

А. С. Пушкин. Золото и булат (1826)

[Пушкин, 1977, т. 3, с. 351]

Бахтинское понимание диалога как универсального культурного механизма предполагает, что в диалоге (то есть взаимной коммуникации двух субъектов) могут участвовать не только, например, две личности или две культуры, но и две мыслительные или деятельностные системы — такие как «война» и «мир». На первый взгляд, у «войны» и «мира» нет общего культурного языка и общего хронотопа: они взаимоисключают друг друга. Даже ситуация «перемирия» или концепция «ни мира, ни войны» (вспомним «похабный» Брестский мир и странную инициативу Л. Троцкого на дипломатических переговорах с представителями германского штаба) не проясняет возможности какого-либо содержательного диалога между «войной» (как комплексом боевых действий и мыслей) и «миром» (как воплощенным отказом от каких-либо военных действий и планов). В реальности отношения войны и мира скорее напоминают маятник: либо война — либо мир. Зато в культуре, особенно культуре художественной, концепты *война* и *мир* постоянно находятся в состоянии перманентного диалога, «который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов» [Бахтин, 1986, с. 354].

Особенно «богата» чередованиями войны и мира Россия, и неслучайно русская культура XIX и тем более XX веков так насыщена нескончаемыми диалогами войны и мира, отнюдь не ведущими к их согласию.

1

Со времени толстовского романа «Война и мир» (1860-е годы) словам «война» и «мир» придается смысл емких и многозначных концептов, несущих символическое содержание и эквивалентное ментальным и мировоззренческим константам русской культуры. Утвердившаяся еще при жизни Л. Толстого школьная практика — «проходить» его знаменитый роман по двум «образам» (или фазам) жизни: мальчишки читают «про войну», девочки — «про мир» или все вместе, поочередно: то о «войне», то о «мире» — еще и до сих пор имеет место в школе (в той мере, в какой этот роман вообще читается школьниками). Соответственно, еще сохранилось в массовом обыденном сознании деление отечественной истории на «мирную» и «военную» жизнь, на

«довоенную» и «послевоенную» историю, в том числе по отношению не только к Великой Отечественной войне (о Первой мировой и Гражданской сегодня уже практически никто не вспоминает; участвовавшие в них поколения безвозвратно ушли), но и к афганской и двум чеченским войнам, не говоря о «гибридной войне» с Украиной. Таким образом, культурфилософский дискурс восприятия войны и мира «в связке» был задан русской культуре во многом еще в XIX веке заглавием романа Л. Толстого.

В самом деле, в повседневной школьной практике выборочное чтение фрагментов художественного текста, условно разделенных на две колонки: «о войне» и «о мире», — конечно, выход из положения и для преподавателя, ограниченного в учебном времени и в возможности каким-либо образом повлиять на процесс чтения своими подопечными художественной литературы, и для учеников, стремящихся, с одной стороны, не читать роман-эпопею целиком, а с другой — составить о его содержании хоть какое-то представление. Однако, по сути, в этом методическом приеме всё же заключена ошибка в понимании толстовского замысла и авторской концепции романа. Концепты «война» и «мир» выполняют в тексте романа гораздо более многочисленные и многозначные функции, нежели школьническая практика, на деле сложно взаимодействуя и переплетаясь между собой.

Так, «мир» в заглавии толстовского романа одновременно обозначает:

- *не-войну, мирную жизнь* (по правописанию XIX века — «миръ»);
- *весь свет, мирское сообщество* (в правописании толстовского времени — «міръ»).

В последнем случае присутствует смысл *патриархальной общины* (крестьянской или церковной), также обозначаемой как «міръ» (широко известны такие важные для семантики романа Толстого фразы, как: «міром Господу помолимся» и «всем міром навалиться хотят») [Бочаров, 1985; 1987]. Кроме того, «миръ» появляется в романе на разных смысловых уровнях: это и перемирие в военных действиях, и «классовый мир» во взаимоотношениях между помещиками и крестьянами, и «миролюбивые» отношения между персонажами романа, и «гармония» в душе главных героев — князя Андрея, Пьера, Наташи и Николаеньки Ростовых, и концептуальная смерть-растворение в мире/міре Платона Каратаева и, по-своему, князя Андрея и т. д.

Что же касается «войны», то этот концепт почти столь же многозначен в контексте толстовского романа, как и «мир»: здесь и политика Наполеона и Александра, и парад на плацу, и «дубина народной войны», и самое ужасное в истории человечества; но одновременно своего рода «микровойной» является дуэль Пьера и Долохова, и ссора Пьера с Элен, и попытка бегства Наташи Ро-

стовой с Анатодем Курагиным, и душевный кризис Андрея Болконского... Как в прямом, так и в переносном смысле «война» как концепт в романе Л. Толстого противостоит «миру» на всех смысловых уровнях текста, знаменуя собой распад гармонии и единства, нарастание конфликтов, борьбы различных сил и интересов. В одних случаях «война» несет в себе негативный смысл деструкции и распада мира, но в других (как в случае с «дубиной народной войны») именно война служит стимулом и причиной будущего мира, победы над агрессорами-французами, источником «классового мира» русских помещиков и крестьян, сплоченных «скрытой теплотой патриотизма».

В конечном счете «мир и война» в философской концепции Толстого соотносятся между собой как «гармония и дисгармония», «лад и разлад», «единство и борьба противоположностей», «преодоление кризиса и кризис», «добро и зло», то есть как предельно широкие категории бытия, поляризующие пространство и время человека и человечества. В своей предельной обобщенности эти культурфилософские категории выступают как взаимодополнительные и циклически чередующиеся — как в истории страны и мира, так во взаимоотношениях близких людей и в жизни отдельного человека. В каждой событийной или сюжетной линии выстраивается бесконечная цепочка чередований:

...Мир — Война — М — В — М — В — М — ...

Эта цепочка может быть в любой момент начата и в любой момент оборвана. Главное в ней — зафиксированный контраст сменяющих друг друга состояний — *мира* и *войны*. И в то же время — поток незаметно перетекающих друг в друга событий — то мирного, то военного характера.

В этом процессе предполагается два в принципе различных переходных состояния — от «мира» к «войне (М — В) и противоположное — от «войны» к «миру» (В — М). Оба перехода — как в жизни народа, так и в жизни отдельного человека — носят драматический характер, сопровождаясь «сломом» — социальным, психологическим, мировоззренческим, культурным, бытовым. Перестраиваться на «военный лад» — с началом войны — и на «мирный лад» — с наступлением мира — оказывается крайне трудно, и каждый из этих переходов оказывается интересным для художественного отображения и анализа (не только в литературе, но и в изобразительном искусстве, музыке, театре и кино). В любом из подобных дискурсов мы фактически имеем дело не только и не столько с концептами «войны» и «мира», взятыми отдельно друг от друга, но с контрастной «парой» концептов «война/мир» («мир/война»), передающих трагизм самого «слома» привычных образов жизни.

И эта культурная семантика «мировойны», во-первых, бинарная, а во-вторых, внутренне изменчивая, так или иначе, задает координаты всем представлениям о войне и мире в русской культуре конца XIX и всего XX века (за малым исключением) — прежде всего в литературе и искусстве, но не только. Однако понимание диалектики войны и мира в русской культуре не является ни исторически постоянным, ни стабильным и определенным. На протяжении XX века оно всё время меняется, наполняясь новыми смыслами и коннотациями, и в конце концов уходит до неузнаваемости далеко от исходной толстовской формулы — «Война и мир».

Впрочем, в русской литературной классике толстовская модель «Войны и мира» — как сменяющих друг друга состояний в процессе мировой истории — не является единственной. Еще задолго до Л. Толстого в творчестве Н. Гоголя рождается модель «Миргорода», воссоздающая образ фантастического города (производного от небольшого городка на Полтавщине, существующего и поныне), который становится символом не то Города Мира (города мирского или мирового), не то Города Ми́ра (города мирного, миролюбивого, умиротворяющего и т. п.). В оригинале сборник повестей назван Гоголем «Миргородъ» (1835), то есть город произведен от «Мира» («Город Мира»), то есть Покоя, Гармонии в мире. Однако название города-призрака на поверку оказывается обманчивым, двусмысленным, амбивалентным. Исследования филологов [Вайскопф, 2003, с. 154–155; Манн, 2007, с. 494–495] показали, что гоголевский Миргород ведет свое происхождение от Миргорода Г. Сковороды, который ассоциируется с Иерусалимом (Городом Мира — по популярной, но ложной древнееврейской этимологии: Yerushalayim — Ir shalom). Отталкиваясь от образа «Града небесного», Гоголь низводит свой Миргород к образу «града земного», грешного и порочного, и придает ему гротескно-сниженные и мелочные черты травестийного «Анти-Иерусалима».

Как мы помним, книга «Миргород» состоит из четырех повестей, соединенных попарно. Первую пару составляют «Старосветские помещики» и «Тарас Бульба». Они воплощают патриархальные малороссийские представления о мире и, соответственно, о войне. Первая повесть сентиментальна; вторая — романтична и героична. На их противопоставлении и напряжении держится конструкция всего цикла. Вторая пара более многозначна. Первая из них (то есть третья в цикле) — «Вий», вторая (то есть четвертая) — «Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Действие обеих заключительных повестей разворачивается в мирное время, но содержание их выходит далеко за рамки «мира».

Идейно-образная семантика и той и другой исподволь пронизана пафосом войны. «Вий» посвящен войне с нечистой силой, и ужас от соприкосновения

с миром нечисти совершенно парализует волю Хома Брута и делает его абсолютно незащитным перед лицом врагов рода человеческого, а вера бурсака оказывается бессильной противостоять сплочению темных сил. Хома (Фома неверный) гибнет в результате своего неверия. Четвертая повесть излагает трагикомическую историю нарастающей бытовой войны, которую ведут друг с другом два соседа, недавние друзья, по пустяковому поводу. Иными словами, последние две повести по своей семантике двухслойны: на поверхности они причастны «миру», а в глубинном отношении представляют «войну» — мистико-религиозную или социально-бытовую. Во всех четырех повестях цикла война и мир оказываются неразрывно связанными и влияющими друг на друга. Более того, включенными друг в друга. Это — мир, чреватый войной, и война под маской мира. Неразделимые и неслиянные, мир и война сосуществуют в одном городе.

Тем не менее, по замыслу Гоголя, и этот «град земной», кощунственно называющий себя «Миргородом», а на поверку выступающий очагом различных войн, имеет шанс на спасение. Недаром ведь в промежутке между четырьмя повестями цикла — сентиментальной — героико-романтической и мистико-религиозной — гротескно-комической — просматривается невидимый миру крест:

Старосветские помещики	Тарас Бульба
Вий	Повесть о том, как поссорились...

2

Осмывая концептосферу русской культуры, академик Ю. С. Степанов в своем «Словаре русской культуры» выделял лишь один ключевой концепт — «мир», придавая ему значение *константы*, то есть устойчивой постоянной в мире русской культуры. Если обратиться к индоевропейской компаративистике, выясняется исключительное своеобразие русской культуры, обусловленное значением и строением концепта «мир» в ней. Особенно уникальным оказывается «совмещение двух значений в одном слове» — «мир»: только русская культура «в определенной мере сохраняет это совмещение, сменившееся в других европейских культурах более резким разделением». Причем «в написании на протяжении всего древнерусского периода оба значения постоянно смешиваются и изображаются и так, и эдак [то есть через “и” и через “i”], чаще через “и”». «Вообще же, — заключает Ю. Степанов, — соединение двух рядов представлений — “Вселенная, высший мир” и “согласие между людьми, мир-

ная жизнь” — в одном исходном концепте постоянно встречается в культуре, это одна из констант культуры. <...> Ядром этого соединения является концепт «свои» в противопоставлении их «чужим, чужому» [Степанов, 2004, с. 86].

Это означает, что патриархальное общинное сознание древних восточных славян на протяжении многих веков держалось за стратегические принципы самоизоляции («свои», «свое»), избегая не только конфликтов с миром «чужих» (в том числе войн с «чужаками»), но и вообще каких-либо контактов за пределами своего *мира* (племени, общины, рода). И напротив, выход за пределы замкнутого мира общины (*мира*) чреват разрушением первобытной гармонии (*мира*), возникающими конфликтами, этническим противоборством и в конечном счете *войной*. Явно предпочитая *мир* — *войне*, восточные славяне тем не менее много воевали с южными и восточными кочевниками, а затем и западными захватчиками, каждый раз представляя *войну* как оборону родного дома (*мира*), как вынужденное отступление от привычного, неизменно-гармоничного, органично-этнического образа жизни (*мира*).

Во время мирной жизни русичи морально и материально готовились дать отпор врагам военными средствами и поддерживали в своем *мире* боевой дух (строительство крепостей и оборонительных сооружений, создание и сохранение текстов былин и воинских повестей, летописные сведения о войнах и сражениях, и т. п.) как средство поддержания *мира*. Но в то же время, обращаясь к жанру воинской повести или к архитектуре кремля, древнерусский человек постоянно помнил о *мире* как об идеальном состоянии своего *мира*, связывая мирную и гармоничную жизнь с Русской землей, с родным социокультурным пространством и охраной его границ.

Академик Д. С. Лихачев в связи с двумя юбилеями — 150-летия со дня рождения Л. Толстого и 600-летия Куликовской битвы — обратил внимание на устойчивость национальной *топики* (термин этот был введен в научный оборот позднее академиком А. М. Панченко), преемственной от XIII–XVII до XIX века. «Все значительнейшие воинские повести посвящены оборонительным сражениям в пределах Русской земли. <...> Историческая сторона романа [Л. Толстого «Война и мир»] в ее нравственно-победной части вся оканчивается в России, и ни одно событие в конце романа не переходит за пределы Русской земли. <...> Толстой в фактической стороне событий усматривает ту же народную концепцию оборонительной войны» [Лихачев, 1981, с. 134–135].

Продолжая эти наблюдения, акад. А. М. Панченко сформулировал концептуальные положения, характеризующие национальную *топику* русской культуры: «Россия, если можно реставрировать ее символическое мышление по литературе, ставит героизм выше одоления, а самопожертвование и самоот-

речение выше силы» [Панченко, 2000, с. 261]. Если это суждение «перевести» на язык концептов «война» и «мир», мы убедимся, что в этом семантическом комплексе сложным образом соотнесены и переплетены между собой «миръ», «міръ», «война», приобретающие в совокупности парадоксальный смысл: «война как миръ міра» или «война ради мира в нашем міре».

Заметим, что сталинский лозунг послевоенного времени «Миру мир!» относится к модификациям того же национально-русского смыслового комплекса (*міру — миръ*), в подтексте которого лежит еще более парадоксальное утверждение (*миру — міръ*), навязывающее мировому сообществу определенную модель *міра* (коммунистическую, сталинистскую) под флагом борьбы с *поджигателями войны*. (При этом «война» остается неупоминаемой; о ней говорится исключительно двусмысленным языком «мира».) Фактически лозунг «борьбы за *миръ*» означал «борьбу за *міръ*», а потому включал подготовку к новой мировой войне с помощью ядерного оружия в качестве средства достижения *мира*, а вместе с тем — *мірового* господства. Чисто русская игра слов (*миръ — міръ*) обретает в послевоенном историческом контексте совершенно особый многозначный идеологический смысл.

Как видим, пространственные и временные отношения, определяемые в русской культуре концептами «война» и «мир», настолько тесно переходят друг в друга, что образуют особый культурный хронотоп. Среди «своих», на Русской земле, царит «мир», а среди «чужих» неизбежна «война». «Мир» стабилен и отличается повторяемостью одних и тех же форм и выражений; он привычен, константен, а потому идеален для русского этноса. «Война» динамична, непредсказуема и уже этим, помимо приносимых ею массовых смертей и разрушений, страшна и ужасна.

Впрочем, для кочевых народов, живших набегами на чужие территории и завоеваниями «чужого», «война» представляется органичным и желанным состоянием жизни; «мир» же рассматривается как передышка между войнами. Очевидно, по мере проникновения тюркского этноса в полиэтничное пространство Древней Руси (особенно значительное после завоевания Руси монголами в период так называемого «монголо-татарского ига») этнокультурные константы русской ментальности стали размывать исходный концепт «міръ/миръ» за счет компонентов концепта «войны». В XVII веке, после драматических событий Смутного времени, полосы крестьянских бунтов (по существу, первой в русской истории гражданской войны) и русского религиозного раскола, представление о «войне» и «мире» в русской культуре существенно изменилось, сдвинувшись в сторону синкретической формулы *мировойны*.

С этого времени и начинается некий цивилизационный «слом» в национально-русском менталитете, приведший к интерпретации войны как «борьбы за мир», предвосхищающей оруэлловское «Война — это мир».

3

Великий русский и американский социолог XX века Питирим Сорокин в своей во многом пророческой книге «Главные тенденции нашего времени» (1964), где он предсказал неизбежность конвергенции, развивающейся в отношениях между двумя системами и обеими сверхдержавами — США и СССР, и следующей из нее глобализации, уделил внимание и проблематике войны и мира в период после окончания Второй мировой войны. В соответствии с принципами, разработанными Сорокиным в его знаменитой «Социальной и культурной динамике», ученый усматривает зависимость социальных процессов, происходящих в мире, от культурных, а культурных — от социальных.

В двадцатом веке великолепный чувственный мир западного человека начал быстро разрушаться и затем гибнуть. <...> Заметная дезинтеграция чувственного порядка возбудила вспышки первой и второй мировых войн, множество войн меньшего масштаба, кровопролитнейших революций, мятежей, преступлений и насилия в их наихудших формах. <...> Войны, революции, мятежи и преступления, в свою очередь, ускорили дезинтеграцию чувственного строя.

[Сорокин, 1997, с. 28–29]

В XX веке Россия пережила прошедшую три этапа Русскую революцию, Гражданскую войну, Первую и Вторую мировые войны, не считая более локальных войн и конфликтов (включая Русско-японскую войну, Халхин-Гол, 1-ю, 2-ю и 3-ю Советско-финские войны, Корейскую, вьетнамскую, афганскую, 1-ю и 2-ю чеченские войны). Сегодня к ним невольно добавились крымские события и боевые действия в Новороссии (Донбассе) и Сирии. Нет сомнений, что все эти военные кампании оказали и оказывают влияние и на культуру России (включая ее важнейшую составляющую — русскую культуру), и на менталитет россиян, и на тексты художественной культуры этого времени. В послевоенное время (эпоха оттепели 1950–1960-х годов) в русской литературе XX века родилась так называемая «военная проза», посвященная рефлексии военного опыта Советской армии в Великой Отечественной войне. Тема войны активно занимала русскую прозу и поэзию и в последующее время — в 1970–1980-е годы, вплоть до постсоветской современности. Однако следует заметить, что

за прошедшие после окончания Второй мировой войны семь десятилетий литературное отображение и культурное осмысление военного опыта сильно изменились.

Изменились и ключевые концепты «мировойны» по мере удаления от военного времени. Строго говоря, «война» в понимании писателей эпохи «оттепели» не вполне война, а скорее использование военного дискурса восприятия и оценки «мира». Ситуации и персонажи К. Симонова и В. Гроссмана, Г. Бакланова и Ю. Бондарева, К. Воробьева и Б. Окуджавы, В. Астафьева и В. Распутина, Б. Васильева и В. Кондратьева, Д. Гранина и А. Адамовича, вбирая в себя опыт действий и переживаний эпохи Великой Отечественной войны, в то же время были и крупнее, и значительнее чисто военных эпизодов российско-советской жизни. Почти каждая ситуация выбора, почти каждая трагическая коллизия могли быть интерпретированы и как *жизнейские испытания* в условиях мирного времени, и как *философские*, обладающие внеисторическим, общечеловеческим смыслом. Многие сюжеты и фабульные эпизоды произведений военной прозы воспринимались и писателями, и читателями как *притча*, *философское*, а подчас и *религиозно-философское иносказание*, выходящее за пределы конкретно-исторического и культурного контекста.

Особенно показательны в этом отношении военные повести В. Быкова («Альпийская баллада», «Западня», «Мертвым не больно», «Круглянский мост», «Атака с ходу», «Сотников», «Дожить до рассвета», «Обелиск», «Волчья стая», «Его батальон», «Знак беды», «Карьер», «В тумане», «Облава» и др.), представляющие собой не столько чисто литературные произведения, сколько философские тексты отечественного экзистенциализма (коррелирующие с литературными произведениями Сартра и Камю, Кафки и Беккета). Нравственный максимализм, неразрешимость роковых ситуаций выбора, характерные для всех без исключения произведений В. Быкова, лишь опираются на военно-партизанский «антураж» действия. На самом деле все бытовые и исторические детали повествования условны и лишь дополнительно осложнены обстоятельствами оккупированной фашистами Белоруссии, этого партизанского края. Все трагические коллизии нравственного выбора и человеческого выживания в невыносимых физически и нравственно условиях для Быкова важны сами по себе — нравственно-этически, психологически, философски; к тому же разворачиваются они по преимуществу не между «своими» и «чужими», а «среди своих». Сама линия фронта пролегает у Быкова между «своими» и другими «своими» (то есть «чужими», но другими «чужими»), что особенно непонятно и страшно. Ведь это означает, что параллельно с отечественной войной идет подспудная гражданская война, не затихшая с начала 1920-х годов.

Быковские персонажи не имеют «мира» в душе; нет «мира» и между живущими бок о бок персонажами; «міръ», в котором они существуют и в котором разворачивается сюжетное действие, сам внутренне расколот и размыт не только войной, но и советским довоенным опытом. Лишь глубинное погружение в ситуацию позволяет героям Быкова постепенно осознать, кто «свой», а кто «чужой» и в каком смысле следует понимать их «свойскость» и «чуждость» друг другу и человеческому вообще. Людей из быковских повестей в буквальном смысле окружает «туман», и понимание того, что же происходит вокруг на самом деле, подчас героям удается лишь ценой собственной жизни или совести, средствами войны, да и то, чаще всего, к концу сюжета.

Такое условное восприятие жестокой правды о войне характерно и для творчества В. Астафьева («Пастух и пастушка», «Прокляты и убиты», «Так хочется жить», «Веселый солдат», последние рассказы — «Трофейная пушка», «Жестокие романсы», «Пролетный гусь»). Неслучайно здесь столь характерное для писателя сочетание предельного натурализма и жестокости, высокого идеализма, сентиментальности, тонкого психологического анализа, казалось бы, совершенно несовместимых между собой. Однако в жанре философской притчи о вечных проблемах человека и его души все средства литературы оказываются хороши. Нередко здесь идет противопоставление «мира» — «міру», их конфликтное наложение друг на друга, непримиримый спор между различными «срезами» культуры, искаженными, исковерканными нескончаемой войной. Войной против войны и против мира.

По существу, вместо концепта «война» в русской военной прозе 1950–1990-х годов (и в послевоенной поэзии — например, Б. Слуцкого, А. Межирова, Д. Самойлова, Ю. Левитанского и особенно ярко Б. Окуджавы) мы сталкиваемся с чем-то принципиально иным, что можно было бы условно назвать «*поствойной*». Имеется в виду жизненный и нравственный опыт, который мог появиться и быть отрефлексирован лишь *после* окончания войны, именно в послевоенной, *мирной* ситуации, но без кардинального переосмысления военного опыта этот «мирный» взгляд в принципе не мог появиться. «Война» и «мир», многократно опосредуя друг друга в сознании, вырабатывают конструкты именно *поствоенной* культуры, конфигурации *поствоенного* сознания. Но это сознание слишком проникнуто войной, чтобы быть мирным. Это подспудное продолжение *войны после войны*.

Главное, что отличает «военное» от «поствоенного» в культуре, — это многослойность концепта «поствойна», где над условно «военным содержанием» надстраиваются различные ее — рефлексивные и надрефлексивные — интерпретации. При этом нарратив (или метанарратив) военных событий и пере-

живаний вытесняется поствоенным дискурсом, совершенно изменяющим «оптику» восприятия и войны, опосредованной миром, и мира, исподволь омраченного войной. Война как бы утрачивает свои объективные, онтологические черты и предстает как предмет восприятия, воспоминания, переосмысления, то есть как феномен эпистемологии, аксиологии, интенциональности — едва ли не как виртуальный объект.

Чтобы понять разницу между военным и поствоенным дискурсом, сошлюсь на несколько примеров. У А. Твардовского «Василий Теркин» — это военный дискурс, а «Теркин на том свете» — поствоенный. У К. Симонова трилогия «Живые и мертвые» написана в русле военного дискурса, а «Так называемая личная жизнь (Из записок Лопатина)» — поствоенного. У В. Гроссмана роман «Сталинград» — военный, а его продолжение «Жизнь и судьба» — поствоенный. Романы В. Астафьева «Прокляты и убиты» и Г. Владимова «Генерал и его армия», «Московская сага» В. Аксенова пронизаны поствоенным дискурсом.

В творчестве Д. Шостаковича Седьмая и Восьмая симфонии — военные, а Девятая — поствоенная; из них первые две героико-трагические, третья — гротескная, трагикомическая. В творчестве С. Прокофьева Пятая симфония — военная, а Шестая симфония и «Ода на окончание войны» — поствоенные. Если Пятая симфония Прокофьева несет в себе героико-драматическое начало, то Шестая и «Ода» представляют собой трагическое и лирико-драматическое переосмысление итогов войны как внутренне противоречивых. Оперы Прокофьева «Война и мир» и «Повесть о настоящем человеке» — именно поствоенные, причем первая из них проникнута рефлексией событий Великой Отечественной войны больше, чем Отечественной войны 1812 года, а вторая обращена к теме выживания каждого «настоящего человека» в нечеловеческих условиях (с оттенком автобиографизма). Подобные наглядные примеры военного и поствоенного дискурса можно привести и из области изобразительного искусства, театра, кино.

Так, в сфере отечественного кино «Молодая гвардия» С. Герасимова, «Живые и мертвые», «Возмездие» А. Столпера, «Освобождение» Ю. Озерова, «Судьба человека» и «Они сражались за Родину» С. Бондарчука — это военные фильмы, описывающие войну изнутри, глазами войны. А «Летят журавли» М. Колотозова, «Иваново детство» А. Тарковского, «Восхождение» Л. Шепитько, «Иди и смотри» Э. Климова, «Проверки на дорогах» и «Двадцать дней без войны» А. Германа, «Военно-полевой роман» и «Анкор, еще анкор» П. Тодоровского — всё это поствоенные фильмы (кино о войне, отрефлексированной в мирное время или через призму мирного времени). Отличие поствоенного искусства от военного — многомерность восприятия и осмысления войны

через совмещение разных дискурсов, нередко не только дополняющих, но и противоречащих друг другу. Особенно показательные примеры художественных возможностей поствоенного дискурса — фильмы А. Балабанова «Брат», «Брат-2», «Война», в недрах которых открывались возможности нового, *постпоствоенного дискурса*.

4

В последнее время в русской культуре постсоветского времени начал складываться еще один неожиданный дискурс, еще один концепт восприятия «войны и мира». Отталкиваясь от концепта, условно названного нами «*поствойна*», эту конструкцию можно было бы назвать «*постпоствойна*», или «*постмир*». Конечно, подобные представления были во многом навеяны военными ситуациями среди мирного времени (вроде афганской или чеченской войн) — «миръ» и «міръ», увиденные через призму «войны», опосредованные «войной», хотя бы и «гибридной», пронизанные дважды поствоенным дискурсом. Это отнюдь не «мирная жизнь», наступающая «после войны», и не «военная жизнь», наступающая после «мирной», — это совершенно другое качество жизни, иное ее понимание — многомерное, многослойное, многозначное. Это скорее очертания «войны», проступающие сквозь описание или переживание «мира»; «поствойна» как своего рода *подтекст* иллюзорного «мира». Эти и подобные дискурсы «постмира» демонстрируют прямое идейно-эстетическое родство с постсоветским постмодернизмом.

По-своему «*постмир*» представлен в романе-анекдоте В. Войновича про Ивана Чонкина (гротескно-пародийная интерпретация Василия Теркина и гротескный образ Великой Отечественной войны). Но к «постмирному» дискурсу относятся и последние романы А. Проханова, идеологически противоположные произведениям В. Войновича, эстетизирующие и героизирующие военный натурализм и апеллирующие к гипертрофированным деталям афганской и чеченской войн («Дворец», «Чеченский блюз»), постсоветской истории («Господин Гексоген»), событий в Донбассе («Новороссия, кровью умытая») и др. Многие особенности «постмира» мы угадываем в последних романах В. Сорокина («День опричника» и др.) и В. Пелевина.

Из этой же обоймы «постмирных» произведений, представляющих «мир с точки зрения войны», «мир как разновидность войны» (в другом мировоззренческом ключе — как «мир после войны в состоянии перманентной войны»), выделяются кинофильмы А. Балабанова «Жмурки» и «Груз-200», во многом продолжающие и усиливающие тенденции, заложенные в его предшествующих «поствоенных» фильмах. Сходные тенденции «постмирного» дискурса нашли

выражение в фильмах «Сестры» С. Бодрова, «Водитель для Веры» П. Чухрая, «Мой сводный брат Франкенштейн» В. Тодоровского.

Интересно концепт «*постмира*» явлен в романе А. Королёва «Быть Босхом» [Королёв, 2004], представляющем интеллектуальную, постмодернистскую традицию современной литературы (номинант Букера-2005). В основе автобиографического сюжета лежит исходная коллизия: начинающий писатель после окончания филфака университета сослан за инакомыслие в Советскую армию, где он обречен служить «офицером в дисбате, в лагере для заключенных солдат на Южном Урале». Собственно, это и есть рисуемый писателем «постмир» советской действительности, являющийся оборотной стороной «поствойны». Невольно сопоставляя свой опыт и впечатления с «Записками из Мертвого дома» Ф. Достоевского и «Архипелагом ГУЛАГ» А. Солженицына, лейтенант Королёв, выполняющий обязанности следователя на солдатской зоне, задумывает роман о гениальном Иерониме Босхе, предвосхитившем феномен «постмира» в эпоху Северного Возрождения.

Фантазмагорический ад, в котором лейтенанту Королёву приходится жить, словно погружает молодого художника в мир босхианских картин и страшных, апокалиптических видений художника. Он начинает жить двойной жизнью: днем работает в армейском ГУЛАГе, а ночью становится подмастерьем Босха в брабантском Хертогенбосе. Незаметно грань между двумя мирами — советским и средневековым — в сознании писателя и его читателя размывается, и кошмарная явь проникает во все клеточки сознания и бытия будущего постмодерниста, навсегда отравляя его жизнь и творчество эстетикой ужаса и распада, где «война» проникает во все клеточки «мира» на микромолекулярном уровне.

Всесильное Зло предстает в романе А. Королёва прекрасной 17-летней девушкой, заражающей едва ли не всю солдатскую зону, жаждущую женской любви, сифилисом. Всемогущий Дьявол оказался эстетически очаровательным, юным, ликующим в своем гедонизме существом. Такое вот явление Мессии советскому народу!

Королёвскому Босху из незаконченного лейтенантского романа в его финале является Князь тьмы и отвечает на главный вопрос, задаваемый себе — рано или поздно — каждым человеком: «В чем смысл человека? Зачем он был создан Всемогущим Творцом?»

«Так вот, человек создан с единственной целью — сотворить Зло, которое не с руки сотворить Богу, потому что зло — единственное, что ему не под силу в силу Божьей природы. Быть источником злотворения в мире, вот и все. Элементарно. И ты один из сильных мира сего, который освистал Творца».

«Тсс... больше ни слова.

Тьма приложила палец к губам» [Королёв, 2004, с.291].

Королёвско-босхианский «постмир» разрастается в глазах свободного художника, загнанного в мундир подневольного младшего офицера, в ужасающий своей безысходностью «постмір», то есть во Вселенную после конца света.

Художник приходит к трагическому финалу жизни и творчества. Эротика в его изложении поднимается (или опускается) к религиозно-философским и экзистенциальным безднам смысла, превращаясь в апокалипсис любви. Отчаяние, ужас, бессилие разверзаются перед читателем... Русская литература XXI века, теряя слова и их значения, вновь останавливается в недоумении перед тайной человека на перекрестке добра и зла, войны и мира, гуманизма и бесчеловечности, света и тьмы...

* * *

Мы видим, как на протяжении XIX–XXI веков содержание концептов «война» и «мир» непрерывно меняется в основном за счет того, что смысловые границы между противоположностями размываются и опосредуются различными многозначными контекстами. Это связано, во-первых, с тем, что концепты «война» и «мир» в русской культуре изначально были включены в амбивалентные хронотопы. Хронотоп «мира» (как «не-войны») и хронотоп «міра» (как сообщества людей) имеют различные культурфилософские основания и разные пространственно-временные измерения. Хронотоп «войны», на первый взгляд, более однозначен, но и он имеет буквальный смысл («не-мир») и переносный, метафорический смысл («хаос», «дисгармония», «разлад»), далеко не всегда совпадающие между собой. Во-вторых, вступая в диалог друг с другом, эти концепты формируют медиативную зону (вне обоих хронотопов и между ними), в которой возникают новые, более сложные концепты, соответствующие реалиям XX и XXI веков, — симулякры «поствойна» и «постмир», в составе которых изначальные концепты «война» и «мир» образуют сложные, многоэтажные конфигурации мирных, военных и переходных аллюзий. В-третьих, когда нет возможности концептам «война» и «мир» вступить в диалог друг с другом, между ними разверзается пропасть непонимания, диалог переходит в конфронтацию — и побеждает война.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. 2 изд. М.: Искусство, 1986. 445 с.
- Бочаров С. Г. «Мир» в «Войне и мире» // Бочаров С. Г. О художественных мирах. М.: Сов. Россия, 1985. С. 229–248.
- Бочаров С. Г. Роман Л. Толстого «Война и мир». М.: Худ. лит., 1987. 155 с.
- Вайскопф М. Птица-тройка и колесница души. Работы 1978–2003 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 576 с.
- Королёв А. Быть Босхом. М.: Гелеос, 2004. 310 с.
- Лихачев Д. С. Литература — Реальность — Литература. Л.: Сов. писатель, 1981. 215 с.
- Манн Ю. В. Творчества Гоголя: смысл и форма. СПб.: Изд-во С.-Петербург. Ун-та, 2007. 744 с.
- Панченко А. М. Русская культура в канун Петровских реформ // Панченко А. М. О русской истории и культуре. СПб.: Изд-во Азбука, 2000. С. 13–278.
- Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. 4-е изд. Л.: Наука, 1977. Т. 3. 497 с.
- Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997. 351 с.
- Степанов Ю. Константы. Словарь русской культуры. 3-е изд. М.: Академический Проект, 2004. 992 с.

References

- Bakhtin, M.M. (1986) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. 2nd edn. Moscow: Iskusstvo Publ.
- Bocharov, S.G. (1985) ‘«Mir» v «Voine i mire»’ [“Peace” in “War and Peace”], in Bocharov, S.G. *O khudozhestvennykh mirakh* [About Art Worlds]. Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ., pp. 229–248.
- Bocharov, S.G. (1987) *Roman L. Tolstogo «Voina i mir»* [L. Tolstoy’s Novel “War and Peace”]. Moscow: Khudozhestvennaya literature Publ.
- Vaiskopf, M. (2003) *Ptitsa-troika i kolesnitsa dushi. Raboty 1978–2003 godov* [The Bird-troika and the Chariot of the Soul. Works 1978–2003]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Korolev, A. (2004) *Byt’ Boskhom* [Being Bosch]. Moscow: Geleos Publ.
- Likhachev, D.S. (1981) *Literatura — Real’nost’ — Literatura* [Literature — Reality — Literature]. Leningrad: Sovetskii pisatel’ Publ.
- Mann, Yu.V. (2007) *Tvorchestva Gogolya: smysl i forma* [Gogol’s Creativity: Meaning and Form]. St. Petersburg: Izdatel’sтво Sankt-Peterburgskogo Universiteta.

Panchenko, A.M. (2000) 'Russkaya kul'tura v kanun Petrovskikh reform' ['Russian Culture on the Eve of Peter's Reforms'], in Panchenko, A.M. *O russkoi istorii i kul'ture* [About Russian History and Culture]. St. Petersburg: Azbuka Publ., pp. 13–278.

Pushkin, A.S. (1977) *Polnoe sobranie sochinenii: v 10 tomakh. Tom 3* [Complete Works: in 10 vols. Vol. 3]. 4th edn. Leningrad: Nauka Publ.

Sorokin, P.A. (1997) *Glavnye tendentsii nashego vremeni* [The Main Trends of our Time]. Moscow: Nauka Publ.

Stepanov, Yu. (2004) *Konstanty. Slovar' russkoi kul'tury* [Constants. Dictionary of Russian Culture]. 3rd edn. Moscow: Akademicheskii proekt Publ.

Информация об авторе: И. В. Кондаков — доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор, действительный член Российской академии естественных наук, профессор кафедры истории и теории культуры факультета культурологии Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ). Адрес: Российская Федерация, 125993, ГСП-3, Москва, Миусская пл., д. 6.

Information about the author: I. V. Kondakov — DSc in Philosophy, PhD in Philology, Professor, full member of the Russian Academy of Natural Sciences, Professor of the Department of History and Theory of Culture of the Faculty of Cultural Studies at the Russian State University for the Humanities (RSUH). Address: 6 Miuskaya sq., Moscow, GSP-3, 125993, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.03.2022;
одобрена после рецензирования 05.05.2022;
принята к публикации 25.05.2022.

The article was submitted 01.03.2022;
approved after reviewing 05.05.2022;
accepted for publication 25.05.2022.

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 2. С. 187–198.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2022. Vol. 5, no. 2. P. 187–198.

Научная статья / Original article

УДК 1(091)

doi:10.17323/2658-5413-2022-5-2-187-198

БОРЬБА ЗА КРАСОТУ В ФИЛОСОФИИ ТЕАТРА Е. М. БЕСПЯТОВА

Николай Александрович Червяков
Философский факультет
Московского государственного
университета имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия, kola.cska2@mail.ru

 Аннотация. В статье рассматривается творческое наследие малоизвестного русского драматурга и философа театра Е. М. Беспятова. Автор подробно исследует биографию Беспятова, определяет истоки его идей, обозревает первые литературные опыты, анализирует философские позиции героев в главной пьесе Беспятова «Лебединая песнь». Отдельно рассматривается полемическая статья мыслителя «Парадоксы Толстого о Шекспире», где Беспятов противопоставляет взгляды Толстого на искусство как на «служанку морали» свободному духовному поиску Шекспира. Особое внимание уделяется рассмотрению философии театра Беспятова, который пытался создать собственную философско-театральную терминологию, а также обозревается концепция трех стадий развития театра (театр-зрелище, театр-школа, театр-искусство). Автор дает краткую характеристику художественных путей, которые выдвигает Беспятов для преодоления кризиса в искусстве, — выявления из быта духовной фило-

© Червяков Н. А., 2022

софской сущности и «скелетизации» бытовых элементов. Также обозревается работа «Элементы научной психологии в театральном искусстве...», где содержатся два основных принципа философии театра Беспятова: 1) актер есть творец театра; 2) театр — самостоятельное и независимое от других искусство. Делается предположение, что ключевым звеном в его философии театра является понятие Красоты, развивавшееся как в драматических произведениях («Лебединая песнь»), так и в теоретических статьях («Эволюция идеи театра», «Пролегомены о Красоте» и др.). Показывается, что размышления Беспятова о красоте схожи с философской эстетикой В. С. Соловьева и имеют ее своим истоком. В заключение автор приходит к выводу о фундаментальном характере причастности актера к божественной красоте в силу специфики актерского искусства.

Ключевые слова: философия театра, искусство, Е. М. Беспятов, актер, красота, В. С. Соловьев, театр как искусство актера, действие, искание Бога

Ссылка для цитирования: Червяков Н. А. Борьба за красоту в философии театра Е. М. Беспятова // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 2. С. 187–198. <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2022-5-2-187-198>.

Memory of Culture

THE STRUGGLE FOR BEAUTY IN E. M. BESPIATOV'S PHILOSOPHY OF THEATRE

Nikolai A. Cherviakov

The Faculty of Philosophy

at the Lomonosov Moscow State University,

Moscow, Russia, kola.cska2@mail.ru

Abstract. The article reviews the heritage of E. M. Bespiatov, a little-known Russian playwright and philosopher of theatre. The author investigates the biography of Bespiatov, defines roots of his ideas, reviews the first literary essays, and analyses philosophical positions of characters in the main Bespiatov's play "Swan-Song". The author considers separately a polemic article of the thinker "Tolstoy's Paradoxes on Shakespeare" where Bespiatov opposes Tolstoy's doctrines on art as on "maid of moral" to free spiritual endeavor of Shakespeare. The great attention is paid to the examination of his philosophy of theatre in which he tried to create his own philo-

sophic-theatrical terminology; also, the conception of three stages of theatrical development (theatre-pageant, theatre-school, and theatre-art) is reviewed. The author gives a short characteristic of artistic ways which Bespiatov proposes for the negotiation of crisis in art — the elicitation of a spiritual philosophical point from everyday life and the “skeletalisation” of everyday life elements. The work “Elements of scientific psychology in theatrical art...” where there are two main principles of Bespiatov’s philosophy of theatre — 1) an actor is a creator of theatre and 2) theatre is separate art and independent from other arts — is also reviewed. It is supposed that a key element of his philosophy of theatre is a term “Beauty” which was developed both in dramas (“Swan-Song”) and in theoretical articles (“The Evolution of the idea of Theatre”, “Prolegomena about Beauty” and others). The author points out that Bespiatov’s reflections on Beauty are very similar to the philosophical aesthetics of V. S. Solovev and have it as its source. The author of the article comes to the conclusion that there is a fundamental character of connection between an actor and the divine Beauty that is possible thanks to the specificity of the actor’s art.

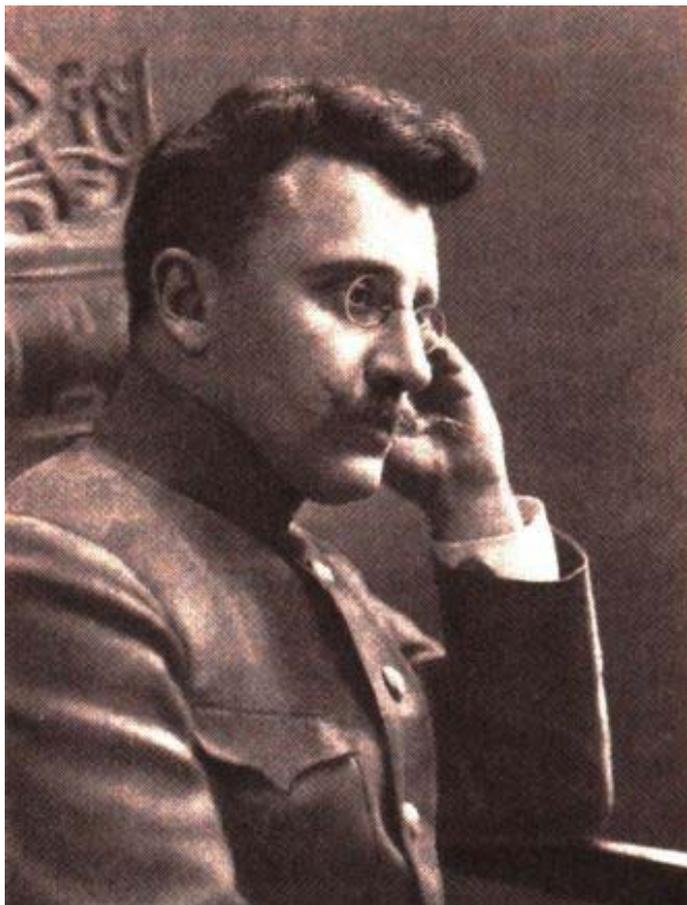
Keywords: philosophy of theatre, art, E. M. Bespiatov, actor, beauty, V. S. Solovev, theatre as art of actor, action, search for God

For citation: Cherviakov, N.A. (2022) ‘The Struggle for Beauty in E.M. Bespiatov’s Philosophy of Theatre’, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 5(2), pp. 187–198. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2022-5-2-187-198.

Имя Евгения Михайловича Беспятова (1873–1919), врача, драматурга, педагога и философа, незаслуженно малоизвестно. В философии театра оно затмевается именами более успешных, плодовитых и признанных авторов, вроде К. С. Станиславского, Н. Н. Евреинова, Ф. Ф. Комиссаржевского, Вяч. И. Иванова, Ф. А. Степуна и др. Однако в жизни Беспятова философии всегда отводилось значимое место: так, в поле его интересов входила эстетическая философия театра, а также психология личности, в конце XIX — начале XX века еще не отделенная полностью от философии. В статьях Беспятова читатель обнаружит близкое знакомство автора с философским наследием Ф. Ницше, Вл. С. Соловьева, И. Канта. Помимо этого, он отметился как талантливый драматург, пьесы которого ставились в петербургском Малом театре.

В небольшом автобиографическом очерке, напечатанном в сборнике «Первые литературные шаги. Автобиографии современных русских писателей» (1911) под редакцией Ф. Ф. Фидлера, Беспятов характеризовал свое творчество

Евгений Михайлович Беспятов (1873–1919)

так: «Во всей моей деятельности тесно и органически сплетаются и врач, и литератор, и театрал, и художник» [Первые литературные шаги ... , 1911, с. 253]. К такому же универсальному идеалу, объединяющему разные области художественной (и не только) деятельности, будет стремиться Муромский, главный герой пьесы Беспятова «Лебединая песнь».

По происхождению сын потомственного дворянина, Беспятов с самого детства был увлечен театром. Однако в качестве профессионального пути он избирает медицину: сначала заканчивает естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета (1897), а затем Военно-

медицинскую академию (1901). Но став служителем Асклепия, Беспятов не переставал быть служителем Мельпомены и Талии, талантливо соединяя обе стороны своей личности в художественном творчестве, благодаря чему появились такие «медицинские» пьесы, как «Лебединая песнь» и «Доктор».

Писать Беспятов начал, будучи студентом. Его писательская карьера стартовала с рассказов «Жиган», «Что осветило солнце», «Весною» в «Литературном сборнике произведений студентов императорского Санкт-Петербургского университета» (1896). Примечательно, что в этом же сборнике, редакторами которого были такие маститые авторы, как Д. В. Григорович, А. Н. Майков, Я. П. Полонский, был опубликован рассказ «К идеалу» философа Н. О. Лосского, в те времена еще студента Петербургского университета.

В 1899 году у Беспятова выходит маленькая книга рассказов и стихов «Лютик», посвященная Лидии Валериановне Волошиновой, участнице ложи розенкрейцеров и матери Валентина Николаевича Волошинова, поэта, музыканта, участника так называемого «круга Бахтина». Скорее всего, она же была прототипом Лидии из «Лебединой песни», первой серьезной пьесы Беспятова, вышедшей в 1903 году. «Лебединая песнь» была поставлена в петербургском

Малом театре, и о ней З. Н. Гиппиус в статье «Слово о театре» оставила полный порицательных инсинуаций отзыв [Гиппиус, 2003, с. 58–63].

В этой пьесе, в речи врача Муромского, главного героя, прослеживаются те взгляды на красоту, которые Беспятов позднее выскажет уже от своего имени. Так, Муромский, обращаясь к Лидии, в которую влюблен, восклицает:

Пользу принести может всякий, то есть пользу фактическую, материальную, — но быть истинным создателем ценностей, истинно-культурною силой, внести в общую культуру существенный вклад, может только личное творчество, — творчество художника! Вот почему и от врача я требую художественно-научного миропонимания. Пусть он, глядя на испорченный человеческий организм, пусть исправит он в мыслях своих эту бедную форму, пусть идет он к больной, несовершенной природе с истинной мыслью творца и художника, с чистой любовью создателя, с искренней верой в светлое будущее, в грядущую зарю Красоты и Бесконечности!

[Беспятов, 1903, с. 5]

Муромскому противостоит его ученик, студент Вастель, который имеет другой взгляд на красоту. По его мнению, природа совсем не так несовершенна, как выходит у Муромского, а наоборот, она-то и есть само совершенство: «Природа, жизнь тем и хороши, тем-то и притягательны, что они бесцельны. Цель как-то ограничивает, указывает конец, сужает и умаляет самую сущность, — как-то дешежит самое явление. А если цели нет, так нет и конца...» [там же, с. 21]. Природа бесцельна, совершенна и бесконечна. Впоследствии Беспятов разрешит это мнимое противоречие между учителем и учеником в статье «Пролегомены о Красоте» [Беспятов, 1911].

С 1907 года Беспятов начинает преподавать в театральной школе А. С. Суворина в Петербурге историю западноевропейского театра, психологию искусства и философию. Примерно с этого же времени он начинает активно публиковаться в таких журналах, как «Театр и искусство», «Журнал Театра Литературно-художественного общества», «Библиотека театра и искусства». В последнем Беспятов опубликовал любопытную статью «Парадоксы Толстого о Шекспире» (1907), которая стала полемическим ответом на напечатанную ранее в этом же журнале брошюру Л. Н. Толстого «О Шекспире и о драме» (11-й и 12-й номера 1906 года). Любопытна она тем, что, помимо собственно критики в адрес Толстого, в ней содержится попытка разобраться, почему автор «Войны и мира» никоим образом не мог бы примириться с Шекспиром. Иначе говоря, Беспятов, подобно своему любимому писателю Достоевскому, делает

упор на психологии личности Толстого, пишет психологический очерк о нем. Суть «противления» Толстого Шекспиру Беспятов видит в том, что характер русского писателя слишком отсталый, неспособный воспринять новые веяния в искусстве. Однако, помимо косности, в Толстом есть и начало разрушительное — по отношению ко всему тому новому, что он неспособен принять («новое» в данном случае значит отличающееся от христианской догмы). Потому Беспятов называет Толстого консервативным анархистом. И если догмой Толстого в искусстве является навязывание идеи Бога, то антидогма Шекспира — это искание Бога. Беспятов не приемлет несвободы в искусстве, проповедуемой Толстым: «Где-где, а уж в искусстве-то с его бурной, кипучей свободой менее всего уместно это тенденциозное навязывание узкой идеи религиозного христианства и познаваемого Бога с прописной буквы» [Беспятов, 1907, с. 21]. Но по-настоящему важными словами в этой статье оказываются следующие: «Искание Бога — основа всякого высокого искусства» [там же]. Сквозь призму этих слов нужно смотреть на последующие эстетические работы Беспятова.

В 1908 году выходит статья «Эволюция идеи театра» с подзаголовком «Этюд по эстетической философии театра». Эпиграфом для нее Беспятов взял сентенцию из наследия французского писателя А. де Виньи: «Если искусство — сказка, то она должна быть философской». Эпиграф задает тон всем последующим рассуждениям. Искусству необходимо обратиться к философии, чтобы обрести свою сущность, тем более это нужно сделать театру, без которого «работа общественной идеи не может быть полной, целесообразной и творчески прекрасной» [Беспятов, 1907/1908, с. 116]. Однако из этого не следует, что театр должен выражать некие абстрактные общественные идеалы, он вообще ничего не должен выражать, кроме самого себя. В этом пункте мысль Беспятова совпадает с положениями из вышедшей спустя несколько лет «Апологии театральности» Николая Евреинова. Но этому самовыражению театра предшествуют другие, заостреные его формы существования, с которыми и ведет борьбу за красоту современный театр.

Театр, как и всё живое, эволюционирует, и старые формы заменяются новыми, более могущественными в художественном плане. Беспятов выделяет три таких формы (театр-зрелище, театр-школа, театр-искусство), первой из которых предшествует стадия театра-обряда, где религиозное и театральное слиты воедино. Театр-зрелище — самая живучая из форм театра, ее историю Беспятов начинает с этрусков и заканчивает эпохой Мольера, которому приходилось вести борьбу с ложноклассицизмом Расина и Вольтера (что не мешало ему, однако, водить дружбу с тем же Расином). Параллельно с театром-зрелищем развивался театр-школа (Шиллер, Лессинг, Гоголь), провозгласивший,

что театр должен воспитывать и поучать зрителя. Тем не менее обе эти формы театра были обречены на постепенное историческое угасание, поскольку «зрелище угнетало театр пустотой и ничтожеством», а «школьная тенденция тормозила в театре свободное развитие чисто-художественных эстетических задач методизмом и узостью догмы» [там же, с. 117]. Этим угасанием объясняется и тот кризис театра, о котором в конце XIX и начале XX века заявляли все теоретики и философы театра (сборник «Кризис театра» 1908 года, статья Вяч. Иванова «О кризисе театра» и т. д.), и та борьба, которую ведет современный театр со своими пережитками: «Театр переживает мучительно-прекрасный момент перевоплощения в третью стадию развития, — в театр-искусство» [там же].

В основании этой борьбы лежит формула «отречения от быта», но проявляться она может несколькими путями. Беспятов называет, помимо символизма и стилизации, еще два пути: *выявление из быта духовной философской сущности* и *«скелетизацию» бытовых элементов* (неблагозвучность этого понятия признавалась и самим мыслителем). Первый путь предполагает «облечение всякого явления философской мыслью, как бы мелко и повседневно оно ни было», второй — «очищение быта до его возможной первобытности, до основных его художественных элементов» [там же, с. 120]. Наиболее удачными выразителями этих двух путей в театре были А. П. Чехов и М. Метерлинк (особенно в «Синей птице», где во главу угла ставится мудрость и непорочность ребенка).

Развитием описанных идей стала статья «Повозка Тесписа» в журнале «Библиотека театра и искусства». В ней развиваются основные понятия и направления эстетической философии Беспятова. В частности, Беспятов определяет театр как «монотворчество в лицедейственных образах» [Беспятов, Повозка Тесписа ... , 1909, с. 13]. Это монотворчество предполагает наличие Я, которое «едино-цельно, едино-реально, едино-безусловно». Иными словами, Я едино и подлинно, в силу чего оно способно творить. Но в театре Я не только творит, но и творимо самим собой. Единая воля актера творит и проживает образы, творя тем самым и собственную волю, и свою личность. В более поздних работах Беспятов откажется от такой замысловатой терминологии, но главные понятия его концепции — Я и Красоты — останутся. Идея театра как монотворчества близка концепции Евреинова о монодраме и, по всей видимости, имеет ее своим истоком, поскольку в том же 1909 году Беспятов написал положительную рецензию на брошюру Евреинова «Введение в монодраму», где заявлял: «Я утверждаю, что г. Евреинов дает прекрасное положение своей теорией трудному и самому насущному вопросу в эстетической философии театра — вопросу об

оправдании личности на сцене, о “я” сцены» [Беспятов, Монодрама Н. Н. Евреинова, 1909, с. 79]. Монотворчество (или монодрама) дают повод Беспятову говорить об особом виде бытия — бытии сценическом.

Отношения Беспятова и Евреинова на этом не закончились. В 1911 году выходит сборник работ разных авторов «Нагота на сцене» под редакцией Евреинова. Беспятов принял в нем участие со статьей «Пролегомены о Красоте», где резко противопоставил вечную Красоту в театре спекуляции на сексуальном желании зрителя (А. Дункан)¹. «Тело, те внешние формы, которым человечество так часто и так незаслуженно приписывает Красоту, — несовершенно, конечно, *целесообразно* (курсив мой. — Н. Ч.), привязано *целью* (курсив мой. — Н. Ч.) к брэнной реальности» [Беспятов, 1911, с. 86]. Как не увидеть здесь развития приведенных выше мыслей Муромского и ответа тем рассуждениям, которыми делился с той же Лидией студент Вастель в «Лебединой песни»? Несмотря на кажущееся противоречие, положения Муромского и Вастеля объединяются Беспятовым в «Пролегоменах» и образуют довольно четкую позицию автора по вопросу о красоте — позиция эта идеалистическая. Согласно ей, Бог совершенен, вечен, бесцелен. Человек как эманация Бога соединяет в себе и природу духовную, и природу материальную. Растворение в одной из них приведет к смерти — либо исчезновение в Боге, либо впадение в животную неразумность. Потому у человека одна цель — стремиться к идеалу, *достигать* идеала, но не *достичь* (вспомним об искании Бога в статье о Толстом и Шекспире). Красота присуща совершенному Богу, а для человека она открывается в творческом духе; тело же, как низшая ступень иерархии в человеке, красивым быть никак не может — зато оно может быть объектом сексуального вожделения, страсти. Когда это вожделение оберегается и пестуется человеком больше красоты, появляется стыд, феномен которого описывал Владимир Соловьев в «Оправдании добра».

Именно Соловьев может помочь ответить на вопрос, который оставил без ответа Беспятов, — что такое красота? В работе «Красота в природе» Соловьев определяет ее как «преображение материи через воплощение в ней другого, сверхматериального начала» [Соловьев, 1988, с. 361]. Это определение закрывает лауну в концепции Беспятова. Также Беспятов не проговаривает зако-

¹ В примечаниях к статье «Повозка Тесписа» Беспятов дает следующий комментарий по поводу готовящейся им статьи о наготы на сцене: «В человеке истинная красота — дух и его творчество, а тело безобразно, неэстетично и привлекает только в смысле решения половой проблемы. И даже смелая вдохновенная Айседора Дункан неправда, думая, что “от человеческого тела возникло первое основное понятие красоты”. Ведь сама же она косвенно указывает на половую проблему, ограничивая “Танец Будущего” наготой *женского* тела, а не тела вообще» [Беспятов, Повозка Тесписа ... , 1909, с. 15].

номерный вывод, который следует из его положения о бесцельности красоты. Если бы красота действительно была бесцельна, то разве была бы она совершенной? На этот вопрос также отвечает Соловьев: «Она [красота] ценится как цель сама в себе» [там же, с. 358]. Итак, через Соловьева идеализм Беспятова становится более фундаментальным, но и, по справедливости говоря, менее самостоятельным². В чем, однако, Беспятов независим от Соловьева, так это в том, что подлинным полем битвы за красоту в современном мире он видит только театр: «Ни одному искусству этого вопроса не решить, вопроса об Идеокрасоте, и только один театр дерзает проникать за строгие пределы возможности» [Беспятов, Повозка Тесписа ... , 1909, с. 22–23].

Свои «Прологомены о Красоте» Беспятов писал в Обераммергау летом 1910 года, когда в этой маленькой, но известной на весь мир деревушке состоялось традиционное представление «Страстей Христовых» в исполнении местных жителей. Представление это произвело на Беспятова, как он сам признается, грандиозное впечатление, вылившееся в целых три статьи (правда, небольшого размера) на страницах «Театра и искусства», а также в полемику с главным редактором этого журнала А. Р. Кугелем. Статьи эти («Обераммергау», «Обераммергау и мы», «Еще по поводу Обераммергау») нетипичны для Беспятова — в них он выступает за необходимость соборного искусства, со-молитвенного переживания, богослужебного экстаза, короче говоря, всех атрибутов символистского театра. Но, по-видимому, излишняя экзальтированность продлилась недолго — уже в 1912 году Беспятов в работе «Элементы научной психологии в театральном искусстве в связи с общими вопросами театра» категорически высказался о невозможности уничтожить рампу и раствориться в соборном действе: «Никакой “соборности” нет и быть не должно. Рампа никоим образом ни фактически, ни символически уничтожена быть не может. Актер есть художник, театр есть искусство, а публика — публика» [Беспятов, 1912, с. 17].

Упомянутая работа представляет собой предназначенный для педагогических целей краткий конспект лекций, читанных Беспятовым в театральной школе А. С. Суворина³. В этой работе автор рассуждает о том, кто творит театр, — об актере. Именно актер (а не драматург, не режиссер и не зритель) создает театр своей личностью, и чем развитее актер как личность, тем ка-

² Примечательна зависимость Беспятова от Соловьева даже в выборе эпиграфа к «Прологоменам». Если в статье «Красота в природе» Соловьев использует знаменитую сентенцию Достоевского «Красота спасет мир», то Беспятов выбирает выражение Леонардо да Винчи «Мир держится только Красотою».

³ Остов этой работы составляет статья [Беспятов, «Действо» актера ... , 1909].

чественнее театр как искусство. В этой абсолютизации роли актера Беспятов предвосхитил схожие мысли А. Ф. Лосева, для которого театр — это искусство личности, соединяющей духовное начало с пластическим. В основании описываемой Беспятовым науки о театре, таким образом, лежат два положения. Первое гласит, что «актер, как творчески-действенная личность, есть единый и вполне самостоятельный творец театра» [там же, с. 6]. Второе положение вытекает из первого и заявляет об автономности не только актера, но и театра как искусства актера: «театр — самостоятельное и самодовлеющее искусство, независимое от других искусств» [там же].

Сами же искусства делятся на статические (искусства бытия, *Sein*) и динамические (искусства становления, *Werden*). К первым относятся, например, литература и живопись. Театр относится к динамическим, поскольку в основании актерского искусства лежит *действие*, — термин, которым Беспятов заменяет философски нагруженное немецкое *Werden* (становление). Действо — это «кинетическое творчество актера, творчество в движущемся моменте, а не в законченном и в сущности мертвом произведении искусства» [там же, с. 10–11]. Потому и театр содержится не в написанных, то есть законченных, пьесах Чехова или Гоголя (это область литературы), а в неповторимом, единожды творящемся и единожды актуальном действе актера.

Подлинный актер творит только ради красоты, он «призван творить живую красоту, выявить из реальной жизни <...> ее художественную тайну, ее немую красоту, — всё, что в ней есть вечного, бесконечного, совершенного» [там же, с. 18]. Иначе говоря, актер — борец за красоту, который, проходя стадии ощущения, чувства и познания красоты, достигает идеи красоты, выразителем которой он и становится на сцене. Искание Бога (в противоположность «обладанию» им) наиболее полно выразимо только в таком неуловимом, вечно становящемся искусстве, как искусство актера, — в театре.

Тенденции, намеченные Беспятовым в «Эволюции театра» и «Прологонемах о Красоте», в этой работе вылились уже в полноценное исследование психологии актера, что явилось, пожалуй, главным результатом его деятельности на поприще философии театра.

Жизнь Беспятова оборвалась стремительно — в 1919 году он подхватил болезнь от пациента и за два-три дня угас. Перед смертью он собирался написать книгу о великом театральном деятеле А. И. Сумбатове-Южине, но его последней работой осталась ненапечатанная «Смерть театра», следы которой пока не найдены.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Беспятов Е. М.* Лебединая песнь // Библиотека театра и искусства. 1903. № 7. 38 с.
- Беспятов Е. М.* Парадоксы Толстого о Шекспире // Библиотека театра и искусства. 1907. № 6. С. 3–30.
- Беспятов Е. М.* Эволюция театра. Этюд по эстетической философии театра // Журнал Театра Литературно-художественного общества. 1907/1908. № 5. С. 116–121.
- Беспятов Е. М.* «Действо» актера. Этюд по эстетической философии театра // Библиотека театра и искусства. 1909. № 7. С. 16–28.
- Беспятов Е. М.* Монодрама Н. Н. Евреинова // Ежегодник императорских театров. 1909. № 3. С. 75–81.
- Беспятов Е. М.* Повозка Тесписа. Очерк по общей теории театра // Библиотека театра и искусства. 1909. № 5. С. 11–23.
- Беспятов Е. М.* Прологомены о Красоте // Нагота на сцене / под ред. Н. Н. Евреинова. СПб.: Тип. Мор. м-ва, 1911. С. 85–92.
- Беспятов Е. М.* Элементы научной психологии в театральном искусстве в связи с общими вопросами театра. СПб.: Тип. И. В. Леонтьева, 1912. 37 с.
- Гиппиус З. Н.* Собрание сочинений: в 15 т. М.: Русская книга, 2003. Т. 7. 528 с.
- Первые литературные шаги. Автобиографии современных русских писателей / собр. Ф. Ф. Фидлер. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1911. 268 с.
- Соловьев В. С.* Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1988. Т. 2. 822 с.

References

- Bespyatov, E.M. (1903) 'Lebedinaya pesn' ['Swan-Song'], *Biblioteka teatra i iskusstva* [*Library of Theatre and Art*], 7.
- Bespyatov, E.M. (1907) 'Paradoksy Tolstogo o Shekspire' ['Paradoxes of Tolstoi on Shakespeare'], *Biblioteka teatra i iskusstva* [*Library of Theatre and Art*], 6, pp. 3–30.
- Bespyatov, E.M. (1907/1908) 'Evolyutsiya teatra. Etyud po esteticheskoi filosofii teatra' ['The Evolution of the Theatre. An Essay on Aesthetic Philosophy of Theatre'], *Zhurnal Teatra Literaturno-khudozhestvennogo obshchestva* [*Journal of the Theatre of Literary and Artistic Society*], 5, pp. 116–121.
- Bespyatov, E.M. (1909) '«Deistvo» aktera. Etyud po esteticheskoi filosofii teatra' ['"The action" of the actor. An Essay on Aesthetic Philosophy of Theatre'], *Biblioteka teatra i iskusstva* [*Library of Theatre and Art*], 7, pp. 16–28.
- Bespyatov, E.M. (1909) 'Monodrama N.N. Evreinova' ['Monodrama of N.N. Evreinov'], *Ezhegodnik imperatorskikh teatrov* [*Yearbook of the Imperial Theaters*], 3, pp. 75–81.

Bespyatov, E.M. (1909) 'Povozka Tespisa. Ocherk po obshchei teorii teatra' ['Thespis's Carriage. An Essay on the General Theory of Theatre'], *Biblioteka teatra i iskusstva* [Library of Theatre and Art], 5, pp. 11–23.

Bespyatov, E.M. (1911) 'Prolegomeny o Krasote' ['Prolegomena about Beauty'], in Evreinov, N.N. (ed.) *Nagota na stsene* [Nudity on Stage]. St. Petersburg: Tip. Mor. m-va [Publishing House of the Ministry of the Sea], pp. 85–92.

Bespyatov, E.M. (1912) *Elementy nauchnoi psikhologii v teatral'nom iskusstve v svyazi s obshchimi voprosami teatra* [Elements of Scientific Psychology in the Theatrical Art in Connection with General Questions of Theatre]. St. Petersburg: Tip. I.V. Leont'eva [I.V. Leontev Publishing House].

Gippius, Z.N. (2003) *Sobranie sochinenii: v 15 tomakh. Tom 7* [Collected Works: in 15 vols. Vol. 7]. Moscow: Russkaya kniga [Publishing House "The Russian Book"].

Fidler, F.F. (ed.) (1911) *Pervye literaturnye shagi. Avtobiografii sovremennykh russkikh pisatelei* [First Literary Steps. The Autobiographies of Modern Russian Writers]. Moscow: Tip. t-va I.D. Sytina [Publishing House "I.D. Sytin Partnership"].

Solov'ev, V.S. (1988) *Sochineniya: v 2 tomakh. Tom 2* [Works: in 2 vols. Vol. 2]. Moscow: Mysl' [Publishing House "Thought"].

Информация об авторе: Н. А. Червяков — аспирант кафедры истории русской философии философского факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Адрес: Российская Федерация, 119991, Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4.

Information about the author: N. A. Cherviakov — Postgraduate Student at the Department of History of Russian Philosophy, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University. Address: 27/4 Lomonosovsky Prospekt, GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.02.2022;
одобрена после рецензирования 05.05.2022;
принята к публикации 25.05.2022.

The article was submitted 13.02.2022;
approved after reviewing 05.05.2022;
accepted for publication 25.05.2022.

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 2. С. 199–233.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2022. Vol. 5, no. 2. P. 199–233.

Научная статья / Original article

УДК 1(470)(091)

doi:10.17323/2658-5413-2022-5-2-199-233

ЖИЗНЬ ЯНА СТЭНА ПО ДОКУМЕНТАМ ИЗ ПАРТИЙНЫХ, АКАДЕМИЧЕСКИХ И СЕМЕЙНЫХ АРХИВОВ

Сергей Николаевич Корсаков

Институт философии

Российской академии наук,

Москва, Россия, snkorsakov@yandex.ru

Аннотация. В статье рассказывается о возможностях полноценной реконструкции жизненного пути российских философов прошлого на материале истории философии советского периода. Проводится мысль о том, что успешное решение подобной задачи возможно только на путях комплексного применения различных архивных и литературных источников. К таким источникам относятся фонды академических архивов, архивов учебных заведений, партийных архивов, архивов органов государственной безопасности. Подчеркивается роль семейных архивов, при работе с которыми анализ сохранившихся документов следует дополнять непосредственным сбором воспоминаний потомков философов. К литературным источникам относятся монографии, сборники статей, журнальная и газетная периодика, рецензии. Данные мысли иллюстрируются на примере биографии советского философа 1920-х

© Корсаков С. Н., 2022

годов Яна Эрнестовича Стэна (1899–1937), представителя дебординской школы. Впервые публикуются автобиография Я. Э. Стэна из дела Комиссии партийного контроля, выступление Я. Э. Стэна на дискуссии в Институте научной философии, документы и фотографии из архива вдовы Я. Э. Стэна Валерии Львовны. Среди этих документов свидетельства о Я. Э. Стэне его коллег В. Я. Кирпотина и Г. М. Беспалова, письмо В. Л. Стэн на имя секретаря ЦК КПСС П. Н. Демичева с требованием привлечь к партийной ответственности М. Б. Митина за плагиат статьи Я. Э. Стэна и воспоминания И. Е. Мясковской, правнучки В. Л. Стэн. Документы были обнаружены на даче Стэнов в Московской области в декабре 2021 года. Воспоминания И. Е. Мясковской написаны специально для настоящей публикации. Впервые публикуются уникальные фотографии, запечатлевшие Я. Э. Стэна.

Ключевые слова: история советской философии, Я. Э. Стэн, дебординская школа, сталинские репрессии, Институт философии, архивы

Ссылка для цитирования: Корсаков С. Н. Жизнь Яна Стэна по документам из партийных, академических и семейных архивов // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 2. С. 199–233.
<https://doi.org/10.17323/2658-5413-2022-5-2-199-233>.

Archival Materials. Unpublished Papers

YAN STAEN'S LIFE ACCORDING TO DOCUMENTS
FROM PARTY, ACADEMIC AND FAMILY ARCHIVES

Sergey N. Korsakov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, snkorsakov@yandex.ru

Abstract. The article describes the possibilities of a full-fledged reconstruction of the life path of Russian philosophers of the past on the material of the history of philosophy of the Soviet period. It is suggested, that a successful solution of such a problem is possible only by the constant integrated using of various archival and literary sources. Such sources include funds of academic archives, archives of educational institutions, party archives, archives of state of state security agencies. The role of family archives is emphasized, when working with which the analysis of surviv-

ing documents should be supplemented by a direct collecting of the memoirs of the descendants of philosophers. Literary sources include monographs, collections of articles, magazine and newspaper periodicals, reviews. These thoughts are illustrated by the example of the biography of the Soviet philosopher of the 1920s. Ya. E. Staen, a representative of the Deborin School. Published for the first time: autobiography of Ya. E. Staen from the case of the Commission of Party Control, speech by Ya. E. Staen at a discussion at the Institute of Scientific Philosophy, documents and photographs from the archive of Ya. E. Staen's widow — Valeria Staen. Among these family documents are evidence of Ya. E. Staen, written by his colleagues (his former students) V. Ya. Kirpotin and G. M. Bepalov, Valeria Staen's letter, addressed to the Secretary of the Central Committee of the CPSU P. N. Demichev with a demand to bring M. B. Mitin for plagiarism of Staen's article "Philosophy" in Big Soviet Encyclopedia and memoirs of Irene E. Myaskovskaya, great-granddaughter Valeria L. Staen. For the first time, unique photographs are published, depicting Ya. E. Staen. The documents were discovered in November — December 2021 in the cottage that firstly belonged to Valeria Staen not far from Moscow, Memoirs by Irene E. Myaskovskaya were written during her cooperation with me in the memory of her beloved relatives.

Keywords: history of Soviet philosophy, Ya. E. Staen, Deborin school, Stalinist repressions, Institute of Philosophy, archives

For citation: Korsakov, S.N. (2022) 'Yan Staen's Life according to Documents from Party, Academic and Family Archives', *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 5(2), pp. 199–233. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2022-5-2-199-233.

Когда я приступил к детальному изучению истории советской философии, то почти интуитивно нащупал путь, который мне представляется самым правильным: комплексный подход к источникам и реконструкция на основе этого системы взаимоотношений участников событий, отражающей конфликт их идейных и человеческих позиций. Сейчас если к тематике советской философии и обращаются, то чаще всего пользуются, если так можно выразиться в этом случае, структурно-семантическим подходом. Берут тексты, причем довольно произвольно, из некоторых наиболее известных изданий, и пытаются анализировать употребление тех или иных словесных формул, зачастую вкладывая в них собственные неаутентичные смыслы и строя умозрительные объясняющие конструкции. Причем для рассмотрения берутся либо общеизвестные персонажи, либо же с рассматриваемыми фигурами

оперируют как с анонимами, без попыток углубиться в вопрос: а что эти фигуры из себя представляли? Отсюда поверхностность умозаключений. В результате исследователи имеют дело не с реальной картиной изучаемой эпохи, а с тем ее образом, который стихийно дошел до нас во времени, в значительной степени под воздействием различных идеологических матриц. Либо же вкладывают в привлеченный материал собственные актуальные представления. Могут быть и публикации, которые оформлены архивными ссылками, но не способствуют продвижению к научному пониманию предмета. Хотя, с другой стороны, в изучении советской философии возможна подлинная научность даже без привлечения архивного материала, как в случае с нестареющей книгой О. О. Яхота «Подавление философии в СССР». Сохраняют вполне значение и пионерские работы Г. С. Батыгина по истории советской философии.

Ничто не может заменить самого обычного идейно-исторического и историко-философского изучения. А оно должно быть всесторонним и углубленным, опираться на изучение документов. Важно понять, что действующими лицами в событиях прошлого были часто не те, кто по тем или иным причинам попали в справочную литературу. Нужно быть готовым к тому, что, если ты хочешь решить ту или иную поставленную исследовательскую задачу, придется изучать жизнь и деятельность людей, о существовании которых ты

не знал, когда эту задачу ставил. Если ты обратишься к документам, такие персонажи будут возникать на каждом шагу. И нужно будет ответить себе на вопрос: что это за человек? То есть его надо знать так же гештальтно, как мы знаем людей, с которыми общаемся в жизни. Чего он стоит? Серьезно ли его надо воспринимать и в каких отношениях серьезно, а в каких нет? Что он продвигает в рамках общей идейной ситуации? В какой системе связей он функционирует и как на нее влияет его деятельность? Каковы его нравственные качества? Только зная всё это, можно адекватно оценить тексты, многие из которых еще нужно найти, вытащив их из

Ян Эрнестович Стэн (1899–1937)

Воспитанники Вольмарской (Валмиерской) учительской семинарии. 1915–1916 учебный год. В центре сидит учитель-теолог Карлис Кундзиньш. Второй слева в верхнем ряду — Ян Стэн

Леты и поставив в современную им реальную систему общественных и личных взаимосвязей.

Конечно, такой целостной ясности не получить, если брать только какую-то одну сторону человека и, соответственно, только один какой-то вид сведений о нем. Поэтому и нужен комплексный подход к источникам. Какие виды источников необходимо проработать, скажем, если речь идет о советских философах?

Первое, что приходит на ум: литературные источники, их тексты. С авторскими монографиями всё более или менее понятно. Но есть сборники статей, и выявить статьи интересующего тебя лица непросто, так же как и узнать, кто был автор заинтересовавшей тебя статьи. В каких сборниках он еще публиковался... С журнальными статьями не проще. Обратиться к ведущему журналу данного периода совершенно недостаточно. Надо представлять себе номенклатуру периодики, печатавшей философские статьи, а ее число составляет десятки названий. Надо сначала выявить эти названия. Периодические издания часто привязаны к тем или иным институциям. Значит, надо представлять себе структурную схему этих институций, наложенную на ткань философской жизни. Особое внимание надо уделить рецензиям: они помещают человека в перекрестье актуальных тогда оценок, отражают либо его качества, либо от-

Я. Э. Стэн на крыльце родного дома рядом с родственниками. 1925 или 1928

ношение к нему, определяемое идеологическими причинами. И здесь дело не сводится к рецензиям на индивидуальные монографии. Есть рецензии на сборники, и есть рецензии на периодические издания. В них также содержатся оценки нужного лица, но их надо выявить. Газетные статьи могут иметь решающее значение для реконструкции событий идейной жизни. Насколько они влияют на текущий момент, настолько же их значение исчезает в потоке времени. Причем следует учитывать как философские статьи в массовых газетах с их резонансностью, так и многотиражки вузов и академических структур, содержащие богатые сведения, включая иконографические.

К литературным источникам относятся и воспоминания, публиковавшиеся в разное время и по разным поводам. Их нужно знать и в них ориентироваться.

Перейдем теперь к архивам. Скажу сразу, что если бы я не обратился к архивным источникам при изучении советской философии и всё отпущенное время тратил бы только на изучение публикаций, то мои реконструкции прошлого по информативности и пониманию событий стремились бы к нулю. Перечислим виды архивных источников, необходимые в нашем деле. Конечно, это академические архивы. Здесь и текущее делопроизводство, и стенограммы заседаний и семинаров, и научные доклады, и рукописи, и отзывы на них, и

личные документы, и списки трудов. Значение имеют архивы учебных заведений. Весьма важно обращение к партийным архивам. Их документы не сводятся только к личным делам и стенограммам собраний. Есть еще один важнейший источник, ныне переставший вновь быть доступным: это документы партийного контроля, то есть инквизиционные документы. Они наиболее информативны по части реальной картины трагических страниц истории. С ними не идут ни в какое сравнение документы органов госбезопасности, хотя их тоже нужно иметь в виду, правда, скорее для проведения дальнейшего биографического и иконографического поиска.

Самостоятельный фронт работы: розыски семей изучаемых персонажей и работа с ними. Подобные поиски иногда носят детективный характер, а общение с потомками героев требует психологического искусства. С семьями работа двойкая: выявить весь сохранившийся документальный материал и выслушать, а в случае необходимости записать воспоминания либо предложить написать их самим членам семей героев. То же относится к воспоминаниям пожилых коллег-философов. Подобную работу я начал делать, будучи еще студентом.

Есть и такой специфический, но подчас важный участок, как обнаружение могил и выявление некрологов. Иногда вообще невозможно иначе установить даты жизни и получить изображение героя.

Бывают радостные случаи обратной связи, когда разыскать родственников в ходе работы над персоналией не удалось, публикация вышла. И неожиданно она сама становится магнитом или маяком, на который выходят потомки героя, сообщают дополнительные сведения, приносят уникальные фотографии. Так случилось у меня после публикации статьи о дебординце Э. Ф. Лепине¹ [Корсаков, 2019]. Откликнулась его внучка, сообщила сведения о том, как их

В. Л. Стэн. 1920-е

¹ Лепинь Эдуард Фрицевич (1893–1937) — советский философ. Репрессирован.

семья пережила трагедию репрессий, переслала фотографии своего деда и его семьи. До тех пор имелось одно не очень качественное его изображение, найденное ярославскими краеведами. Теперь мы можем посмотреть, как выглядел этот сотрудник Ленинградского Института философии. Всякая такая встреча с потомками твоих героев окрыляет.

Когда источники изучены, начинается путь от анализа — к синтезу. Прделанная работа по всем направлениям одновременно может позволить реконструировать целостный образ философа и понять его как человека. Если исследователь привык работать с одним типом архивов, где он комфортно себя чувствует и не хочет выходить из зоны комфорта, он задач создания философского портрета героя не решит.

Вот те общие соображения, которые я хотел предпослать тому, что теперь называют кейс-стади, и посвятить нижеследующие страницы самому символическому герою советской философии 1920-х годов Яну Эрнестовичу Стэну. Попытку реконструкции жизненного пути Стэна я предпринимал в книге «Наш философский дом» [Корсаков, 2009]. Она, конечно, была неполной, да и касалась только последнего периода его жизни. Потом я собрал и опубликовал философские тексты Стэна, которые на тот момент удалось выявить [Стэн, 2015]. В настоящей публикации я хочу ввести в научный оборот новые тексты, одновременно продемонстрировав возможности создания объемной, многогранной картины на стыке нескольких видов источников.

Начну с документа из партийных архивов. В РГАСПИ находятся на хранении личное и персональное дела Стэна. В нулевые годы персональные дела выдавались свободно. Сейчас они вновь не выдаются. Смысла в этом нет, чаще всего никаких личных секретов они не содержат. В основном они заполнены инквизиционными разбирательствами по обвинению в «троцкизме». Соображения о душевном спокойствии потомков авторов доносов не мешали недавней открытости этих документов. Историки, несомненно, должны иметь

Я. Э. Стэн и В. Л. Стэн на отдыхе. 1929

возможность их изучать. Мне в работе приходится теперь довольствоваться теми выписками, которые я успел тогда сделать и благодаря которым я могу сообщить читателям о документах, вышедших из-под пера Стэна.

Среди них — автобиография Стэна, написанная после начала последнего партийного инквизиционного процесса и перед последним его арестом. Поэтому данная автобиография наиболее ценна как итоговая. В тексте хорошо видны вынужденные пассажи, написанные в попытке защититься от ударов. Но она дает совершенно уникальную информацию из первых рук о годах формирования мировоззрения Я. Э. Стэна. С другой стороны, столь же бесценна информация о его главных произведениях, погибших при аресте. То, что он работал над темой о «Феноменологии духа» и «Фаусте» можно установить по косвенным признакам. Но текст автобиографии показывает, что Стэн готовил не одну, а две работы на эту тему. Так документы партийных архивов позволяют устанавливать историко-философские факты.

Обратимся теперь к архивам высших учебных заведений и академическим архивам, то есть к хранилищам, в которых можно найти авторские научные тексты. После публикации сборника философских произведений Стэна я считал, что возможности поиска его философских текстов исчерпаны. Но нет! Нашлись еще две его философских работы.

В ГАРФ удалось обнаружить вступительное сочинение, которое он подал при поступлении на философское отделение Института красной профессуры (ИКП) [ГАРФ. Ф. 3-5205. Оп. 2. Ед. хр. 1045]. В работе Стэна нет ничего ученического. Это тот случай, когда легкость литературной формы отражает свободное владение материалом и проистекает из ума и таланта автора. В свете того, что мы знали ранее, удивляет тема: «Учение Михайловского о прогрессе». Считается, что деборинцы почти не занимались русской философией, хотя наши недавние исследования вносят коррективы в данное мнение [Корсаков, Черняев, 2021]. Но о Стэне действительно не было известно, что он когда-либо обращался

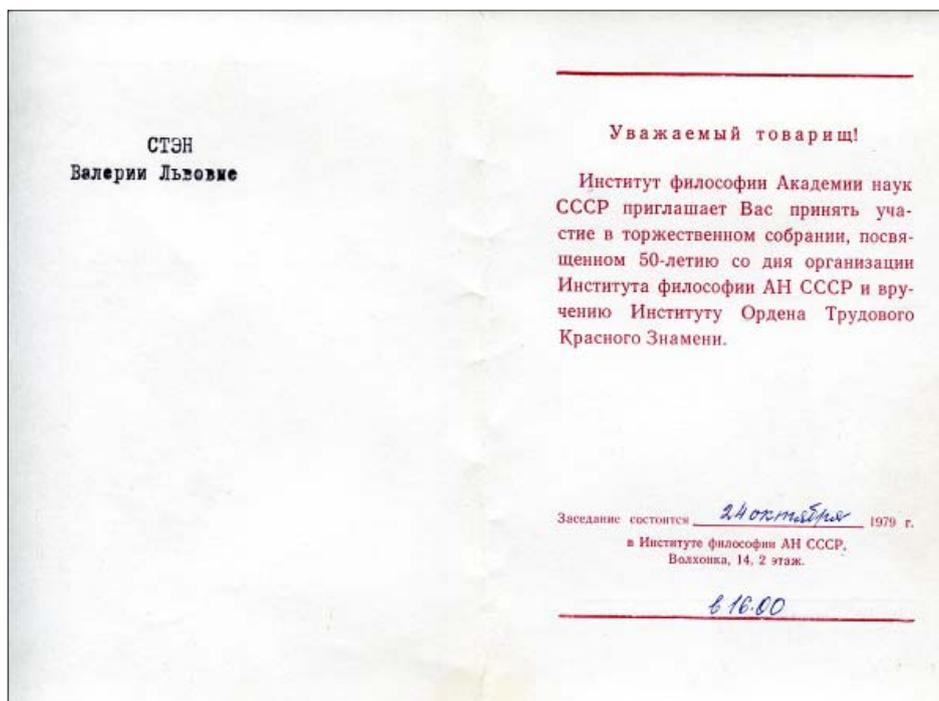

В. Л. Стэн после реабилитации. 1956

к истории русской философии. И вот — объемная работа в несколько десятков страниц, писанная от руки. Стэн проводит сравнительный анализ философско-социологических концепций Михайловского, Спенсера и Конта и приходит к выводу, что «несмотря на свое страстное нападение на органическую теорию общества, Михайловский сам не выходит за пределы абстрактно-биологических обобщений» [ГАРФ. Ф. Р-5205. Оп. 2. Ед. хр. 1045. Л. 3–4]. Стэн далее приходит к заключению, что субъективизм в социологии Михайловский переносил и на решение основного вопроса философии. Стэн вычленяет основную формулу прогресса в концепции Михайловского, связанную с уменьшением разнородности общества. Он критикует периодизацию стадий прогрессивного развития Михайловского, построенную абстрактно-рассудочным методом без показа логики переходов от одной стадии к другой. Вывод Стэна:

Формула прогресса Михайловского, носящая яркий телеологический и нравственно-оценочный характер, не может иметь для действительного социологического познания никакого значения. Абстрактное же рассуждение о том, в какой зависимости стоит развитие индивидуальности от дифференциации общества, — совершенно ненаучно, потому что нельзя установить никакого соотношения, годного для всякой формы устройства общества.

[ГАРФ. Ф. Р-5205. Оп. 2. Ед. хр. 1045. Л. 31]

Пригласительный билет В. Л. Стэн на празднование 50-летия Института философии АН СССР. 1979

В Архиве РАН найдено выступление Я. Э. Стэна в Институте научной философии в дискуссии по докладу Л. И. Германа² «Проблема бытия и сознания в философии Бергсона». Прения по докладу проходили в несколько приемов и вышли далеко за рамки заявленной темы. В них выступил А. А. Богданов с изложением нигилистических взглядов на философию, к которым он пришел в начале 1920-х годов. От имени механистов Л. И. Аксельрод поддержала ряд тезисов Богданова, что вызвало ответную резкую полемику со стороны А. М. Деборина и его сторонников. Стэн выступал на этой дискуссии 16 марта 1926 года. Мы нашли текст этого выступления и опубликовали в сборнике его философских работ. Но оказалось, что Стэн вновь выступил на этой дискуссии в один из последующих дней, 27 апреля. Выступление явилось ответом еще одному лидеру механистов А. К. Тимирязеву. Тимирязев заявил, что в философии естествознания диалектики опираются на «реакционные» идеи квантовой механики Планка и Бора, теорию относительности и генетику и это заведет их к физическому идеализму и витализму [Архив РАН. Ф. 355. Оп. 1. Ед. хр. 45. Л. 89–98]. Возражая Тимирязеву, Стэн, по существу, сформулировал основные идеи диалектиков о том, что определяющим для свойств форм движения материи являются не составляющие их элементы, а типы связей между ними и что в отношении форм движения материи (от механической к социальной), соединенных скачкообразными переходами, действует принцип качественной несводимости высших форм к низшим.

Перейдем к открытиям в семейном архиве. Когда я начал работу над советской философией 1920–1930-х годов и особенно заинтересовался деборинцами, мне посчастливилось разыскать И. Е. Мясковскую, правнучку В. Л. Стэн. Меня привел к ней обнаруженный на Введенском кладбище кенотаф с высеченным именем Яна Стэна. Имена Яна Стэна и захороненной здесь его жены Валерии были заключены в терновый венец. Рядом было написано с открытой датой имя зятя Валерии Львовны, через телефон которого я и разыскал ухаживавшую за ним ее правнучку. Когда Ян Эрнестович и Валерия Львовна поженились, у них у каждого было по дочери от первого брака. Ольга, дочь Валерии, жила с ними, и ее потомки считают Яна родным и дорогим человеком. И. Е. Мясковская (так же, как ее мать Елена Михайловна), приняла близко к сердцу трагическую судьбу Стэна и своей прабабушки, с которой она провела детские годы.

В декабре 2021 года произошло «архивное чудо» — случай, который известен каждому исследователю-архивисту и который бывает только раз в жизни.

² Герман Лев Иосифович (1895–?) — советский философ.

Состоялось обретение архива Стэнов, вернее того, что пощадило в нем время после периода репрессий в отношении супругов, а затем десятилетий небрежения. В том же подмосковном дачном поселке, где в 1929–1936 годах была дача Стэнов, а после реабилитации с 1958 года проживала уже в другом доме В. Л. Стэн, скончался отчим И. Е. Мясковской. В тот же день, когда она узнала об этом, то немедленно поехала туда, чтобы разыскать недоступные до того времени документы Стэна. О том, чтобы попытаться счастье в их розыске, мы говорили с ней давно и неоднократно. Ей посчастливилось.

Лета вернула нам уникальные фотографии, прежде всего «тот самый» портрет Стэна. О нем я слышал от О. Н. Якимюк, дочери Н. А. Карева³. После расстрела родителей она прошла несколько детдомов, во время войны подростком работала на заводе, а после сумела вернуться в Москву и поселилась у своей няни, так как родственники побоялись ее принять. Во время оттепели ее разыскала В. Л. Стэн. О. Н. Якимюк побывала у нее и увидела на почетном месте портрет Стэна. Валерия Львовна рассказывала ей: «Утром встаю, говорю: “Доброе утро, Ян!”, ложусь спать, говорю: “Спокойной ночи, Ян!”». Здесь же нашлось семинарское фото юного Яна. И фото — на крыльце родного дома рядом с родными. Сделано оно явно во второй половине 1920-х годов. Можно датировать даже точнее: 1925 или 1928 год. В эти годы Стэн выезжал в полулегальные командировки по линии Коминтерна, в первый раз в Германию, Австрию и Чехословакию, во второй раз — в Германию. В его личном листке по учету кадров нет указаний на какие-либо его другие поездки за границу. Можно предположить, что по пути он заехал к родным в Латвии. Еще одна замечательная фотография: Валерия и Ян на каком-то курорте. Плохое качество фото искупается характерностью образа. Ян одной рукой обнимает любимую женщину, а другой сжимает толстый том. Так и хочется представить, что это «Феноменология духа». Справа, по семейному преданию, стоит познакомивший их критик Л. Н. Чернявский⁴. Наконец, это несколько фотографий В. Л. Стэн после реабилитации.

Среди документов — копия справки о реабилитации Стэна от 14 июля 1956 года и выписки из уголовного дела В. Л. Стэн, сделанные ее внучкой Е. М. Мясковской в архивах КГБ. Сохранилась копия ведомости успеваемости ученика второго класса Вольмарской учительской семинарии. Из последней следует, что сын крестьянина Сарканской волости Венденского уезда Лифляндской губернии Ян Эрнестович Стыне, родившийся 11 марта

³ Карев Николай Афанасьевич (1901–1936) — советский философ. Репрессирован.

⁴ Чернявский Лев Николаевич (1897–1979) — советский критик, драматург, переводчик.

1899 года⁵ и учившийся в Лаздынском евангелическо-лютеранском приходском училище, поступил 16 августа 1915 года в первый класс семинарии. В ведомости только две графы оценок заполнены пятерками: поведение и Закон Божий. Четверки по естествоведению. Четверки с тройками по арифметике и физике. Тройки по большинству предметов: по русскому языку, латышскому языку, алгебре, геометрии, истории, географии, чистописанию, рисованию и органу, а по пению и скрипке встречаются и двойки. 20 марта 1917 года учащийся был переведен в третий класс. Среди сохранившихся писем — сообщение от зав. партархивом Ульяновского обкома КПСС о том, что в книге «В. И. Ленин в фотоискусстве» (с. 178–179) на фотографии участников подавления Кронштадтского мятежа второй справа в черном пальто, держащий правую руку на груди, — Стэн. И несколько писем из Латвии: от семейства Шмитс, родственников Стэна, от краеведа из Мадоны И. К. Звиргздиньша, от старшего преподавателя Валмиерского учебно-консультационного пункта Рижского политехнического института Г. А. Раузана, от ректора Латвийского государственного университета академика В. А. Штейнберга. В. А. Штейнберг приглашает на юбилейное заседание памяти Стэна и просит выступить с воспоминаниями. Г. А. Раузан сообщает, что в январе 1967 года на здании бывшей Валмиерской учительской семинарии установлена мемориальная доска с 56 фамилиями выдающихся семинаристов, и среди них начертана и фамилия Стэна.

Самый ценный блок документов связан с историей об изобличении М. Б. Митина в плагиате статьи Стэна «Философия» в БСЭ. Эта история многократно описана в историко-научной литературе и хорошо известна. Есть и воспоминания Л. Н. Митрохина, который в 1967 году был секретарем партийной организации журнала «Вопросы философии» и довел до конца дело об исключении из партии Митина, работавшего тогда главным редактором журнала [Митрохин, 2002]. Академик В. А. Лекторский, старейший сотрудник Института философии, присутствовавший на том партсобрании, недавно рассказал нам с И. Е. Мясковской о незабываемом моменте, как Митин цинично пытался оправдать себя тем, что, поменяв авторство, сохранил статью Яна Эрнестовича. В результате вышестоящие инстанции оставили Митина в партии с выговором, но он потерял и должность главного редактора, и ряд других должностей. На этом его политическая карьера закончилась. Но главное — была одержана нравственная победа, единственный в советской

⁵ Возможно, он был с опозданием записан в метрическую книгу, так как отмечал с женой день своего рождения 9 марта — самый главный и любимый день в году для Валерии на всю оставшуюся жизнь.

истории случай наказания организаторов репрессий «на философском фронте». И сделано это было благодаря самоотверженной любви вдовы Стэна и ее борьбе за справедливость. Нашлась первая страница письма В. Л. Стэн с разоблачением Митина на имя секретаря ЦК КПСС П. Н. Демичева. Второй страницы нет, но вся основная информация изложена на первой. По правилам того времени при посмертной реабилитации собирались отзывы людей, знавших покойного. Они были признаны удостоверить его невиновность и преданность советской власти. В архиве Стэнов нашлись отзывы В. Я. Кирпотина⁶ и Г. М. Беспалова⁷. Ранее в семейном архиве был и отзыв В. Ф. Асмуса. В. Я. Кирпотин учился со Стэном на философском отделении ИКП. В его фонде в РГАЛИ есть фото слушателей ИКП, среди которых — Стэн. Потом их вместе направили от Коминтерна «готовить революцию» в Чехословакии. Об этом Кирпотин рассказал в своих воспоминаниях. На отзыве Г. М. Беспалова стоит печать редакции журнала «Вопросы философии». Его воспоминания особенно ценны как прямое свидетельство читателя главного произведения Стэна о Гегеле и Гёте. Он и его брат И. М. Беспалов⁸ учились в ИКП, восхищались преподавателем Стэном, бывали у него дома. Он зачитывал им большие отрывки из своего труда. Впоследствии братьев постигла тяжелая участь. В 1937 году Иван был расстрелян, а Георгий после ареста брата уволен с работы и исключен из партии. Отзывом Г. М. Беспалова дополнительно подтверждается факт создания Стэном большой работы о Гегеле и высокий научный и литературный уровень этого труда.

Я попросил И. Е. Мясковскую написать воспоминания для настоящей публикации. Поскольку она в детстве проводила с прабабушкой летние месяцы на даче, слушала и запоминала ее высказывания, мы имеем здесь почти что прямое свидетельство. Вообще говоря, воспоминания о Я. Э. Стэне не собраны, поэтому перечислю те мемуарные источники, где есть фрагменты воспоминаний. Это воспоминания А. Г. Авторханова [Авторханов, 1976, с. 116, 154], А. М. Деборина [Деборин, 2009, с. 124–125], В. Я. Кирпотина [Кирпотин, 2006, с. 100–112], А. М. Лариной [Ларина, 2002, с. 144–145], Т. И. Ойзермана [Ойзерман, 2010, с. 129], В. Д. Резника [Резник, 1991, с. 197], Ю. В. Шапиро [Шапиро, 2006, с. 4], М. М. Этлиса [Сандлер, Этлис, 1991, с. 87–88]. Среди найденных в дачном поселке документов есть последняя, пятая страница неизвестных воспоминаний о Стэне. Несомненно, они принадлежат самой В. Л. Стэн и представляют

⁶ Кирпотин (Рабинович) Валерий Яковлевич (1899–1997) — советский философ.

⁷ Беспалов Георгий Михайлович (1904–1967) — советский ученый-международник.

⁸ Беспалов Иван Михайлович (1899–1937) — советский литературовед. Репрессирован.

собой текст ее выступления на торжественном заседании памяти Я. Э. Стэна, состоявшемся в Риге. В них говорится, что Ян Стэн стремился «оказать настоящую помощь людям, которые в ней нуждались. И как-то незаметно он всегда становился центром в любой сходке друзей и всегда восхищал всех своим остроумием, которое никогда не бывало дешевым».

Главные философские произведения Я. Э. Стэна погибли, были уничтожены по воле Сталина. Было сделано всё, чтобы вычеркнуть его из памяти людей и из истории советской философии. Но подлинное возвращается. Находятся люди, которые осознают значение погибшей личности и предпринимают усилия для восстановления справедливости. Если же проявлять настойчивость и грамотно совместить «показания» различных источников, удастся воссоздать объемный портрет философа и восстановить его основные идеи.

Документальное приложение

1. Автобиография Я. Э. Стэна

Родился я в 1899 г. в семье сельскохозяйственного батрака в Венденском уезде Лифляндской губернии. До двенадцати лет был пастухом. Учился в сельской начальной школе. После двенадцати лет работал в сельском хозяйстве по найму. До тринадцати лет находился под влиянием религиозной идеологии. Дедушка в раннем детстве обучал меня грамоте по Библии. В тринадцатилетнем возрасте пережил кризис, который привел меня к разрыву с религией и толкнул меня к чтению Э. Геккеля и Л. Бюхнера. Книга Эрнста Геккеля «Мировые загадки», о существовании которой впервые узнал из одной проповеди местного пастора, стала моей любимой книгой. Страстная любовь к природе и интерес к вопросам естествознания охватили и заполнили всю мою детскую душу. Наблюдал окружающие явления природы, собирал коллекции камней, растений и насекомых. Прочитав «Астрономию» Фламариона и заимствовав у соседа старый морской бинокль, изучал по книгам звездное небо. Проштудировав «Школу химии» Освальда и приучив сына местного аптекаря, моего школьного товарища по начальной школе, таскать из аптеки склянки, колбочки, кислоты и всякого рода химические вещества, организовал в роще своеобразную химическую лабораторию.

Все эти стремления и склонности не могли получить свободного развития. Нужда и тяжелая борьба за кусок хлеба были уделом сельскохозяйственного батрака. Кормить и воспитывать детей не было никакой возможности. Дети сами должны зарабатывать себе хлеб. Больная, согнувшаяся под тяжким

бременем труда мать. Болезненные брат и сестра. Умирает брат, сестра, а потом и мать. Отец горел ненавистью против немецких помещиков и латышских кулаков, в 1905 году принимал участие в движении батраков и примыкал к латвийской социал-демократии.

Вся обстановка, в которой я рос, неизбежно должна была поставить передо мною вопросы общественного развития. В августе 1914 года вошел в состав социал-демократического кружка молодежи, находившегося под руководством Мадонской организации Малиенского района. Первая марксистская книжка, с которой я ознакомился в этот период, была книга латвийского социал-демократа Янсона⁹ «Исторический материализм». Впервые имя Ленина я услышал в 1915 году. Оканчивая начальную школу, я стремился к тому, чтобы продолжить учение, но дорога в гимназию или в реальное училище была закрыта ввиду отсутствия средств. Оставалась только учительская семинария, куда неохотно шли дети зажиточных родителей и вынуждены были идти дети бедняков. В пятнадцать лет я поступил в Валмиерскую учительскую семинарию. Занятия в семинарии давали чрезвычайно мало, но усиленная работа над собой, чтение философской, естественнонаучной и марксистской литературы заменили ее. Прочитал «Анти-Дюринг» Энгельса, «Критику наших критиков» Плеханова, «Социальную революцию» Каутского. Начал, может быть не очень отчетливо, сознавать различие между вульгарным механическим материализмом, которым я увлекся в период разрыва с религией и диалектическим материализмом Маркса и Энгельса. В 1916 г. Мадонский социал-демократический кружок на гектографе издавали журнал «Slaume» («Течение»), в котором я поместил свои первые статьи и ряд стихотворений, направленных против власти. Летом 1916 г. был арестован по подозрению в распространении антивоенных прокламаций, но ввиду отсутствия прямых улик через месяц освобожден. После Февральской революции кружок влился в местную партийную организацию. Стал читать ежедневную большевистскую прессу, принимал активное участие в пропагандистской и агитационной работе Мадонской партийной организации. Читал лекции и выступал на митингах. Продолжал работу в организации молодежи и свою теоретическую учебу.

В сентябре 1917 г. в связи с эвакуацией Валмиерской учительской семинарии в г. Сызрань принял участие в Октябрьском перевороте в Сызрани по организации Красной гвардии. Летом 1918 г. во время мятежа чехословаков сидел в Сызранской тюрьме. В 1919 г. работал председателем Сызранского уко-

⁹ Янсон Карл (1888–1939) — политический деятель. Репрессирован. (Здесь и далее примеч. С. Н. Корсакова.)

ма и принимал участие в подавлении кулацких восстаний в Сызранском уезде. В 1920 г. избран секретарем Симбирского губкома. Весной 1921 г. во время профсоюзной дискуссии защищал ленинскую точку зрения, будучи делегатом X съезда партии голосовал за «платформу десяти».

В 1921 г. решил, что по-настоящему надо заняться учебой и поставил перед Симбирским губкомом вопрос о командировании на Курсы марксизма, которые были организованы согласно постановлению X съезда. Осенью 1921 г. приехал в Москву и поступил на Курсы. Окончив Курсы, перешел на философское отделение ИКП. Специализировался по логике и истории новой философии. Принимал активное участие в пропагандистской и агитационной работе Московской партийной организации. В 1923–1924 гг. вел решительную борьбу с троцкистами в ИКП. В 1924 г. начал борьбу с представителями вульгарного механистического материализма.

В 1924–1927 гг. зав. сектором Агитпропа Коминтерна. В 1925 г. был послан в качестве уполномоченного ИККИ в Германию, Австрию и Чехословакию для борьбы с правым оппортунизмом Шмералья¹⁰. Написал цикл статей для центрального органа КПЧ «Руде право».

Окончив ИКП, вел преподавательскую работу в ИКП и МГУ. В 1925–1927 гг. принимал активное участие в борьбе с троцкистско-зиновьевской оппозицией. С весны 1927 г. по осень 1927 г. работал зам. зав. Агитпропом ЦК ВКП(б). На XIV–XV съездах партии избирался членом ЦКК.

В 1929 г. проявил левацкие колебания и имел групповые связи с Костровым¹¹, Шацкиным¹², Ломинадзе¹³. Выдвигал обвинения в «ожирении и поглуплении теоретической мысли», которые были воспроизведением троцкистской клеветы на партию. В 1930 г. в области философии я проявил недооценку ленинского этапа в философии марксизма и вместе с Дебориным скатился к меньшевистствующему идеализму, совершенно правильно разоблаченному т. Сталиным. В момент начала реконструктивного периода я не понял стратегического плана т. Сталина. Был исключен из партии.

21 января 1934 г. восстановлен в партии. Работаю в Большой советской энциклопедии. За ошибку, допущенную в момент выступления на собрании

¹⁰ Шмераль Богумир (1880–1941) — основатель Коммунистической партии Чехословакии.

¹¹ Костров Тарас (Мартыновский Александр Сергеевич) (1901–1930) — главный редактор газеты «Комсомольская правда».

¹² Шацкин Лазарь Абрамович (1902–1937) — советский политический деятель. Репрессирован.

¹³ Ломинадзе Виссарион Виссарионович (1897–1935) — советский политический деятель. Покончил жизнь самоубийством.

партийной организации БСЭ¹⁴, Сокольнический райком 15 апреля 1935 г. исключил меня из партии. Московская партийная контрольная комиссия 25 мая 1935 г. отменила исключение, заменив его строгим выговором.

В течение 1934 г. написал статьи для БСЭ: «Формализм», «Ионийская философия», для «Философского словаря»: «Практика», для МСЭ¹⁵: «Очерк истории диалектики». Закончил ранее начатые работы «“Фауст” Гёте и “Феноменология духа” Гегеля», «“Феноменология духа” Гегеля в свете материалистического понимания истории». Здесь я даю разбор высшей формы синтеза, которого достигла буржуазная философская мысль в гётевском «Фаусте» и в гегелевской «Феноменологии духа» и анализ условий краха этого синтеза в последующий период развития. Для БСЭ пишу диалектику «Капитала» К. Маркса. В 1934–1935 учебном году читал курс по истории новой философии в МИФЛИ¹⁶ и собираюсь на его основе создать марксистско-ленинскую историю новой философии.

8 июля 1935 г. Ян Стэн

[РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Ед. хр. 1806. Л. 193–199]

2. Выступление Я. Э. Стэна на дискуссии в Институте научной философии 27 апреля 1926 года

Деборин: Слово имеет тов. Стэн.

Стэн: Здесь выступал тов. Тимирязев, говорил, что философы игнорируют данные науки, что они схоласты, обскуранты, пуская в ход всяческие зоологические эпитеты. Толковал факты вкривь и вкось.

Но если подойти с общей точки зрения — поставил ли Тимирязев основные вопросы диалектики в естествознании? Нет, он их не поставил.

Вспомним слова Гегеля: «Задача естествознания не только в том, чтобы познать мир, анализировать его, но и в том, чтобы синтезировать его вновь».

Важно не только разложить мир, но и опять создать его. Те сравнения, которые приводил Тимирязев — абсолютные глупости (шум, смех в зале).

Деборин: Употребляйте более парламентские выражения.

Стэн: Ни один диалектический материалист не выступает против электронов. Спор не в этом. Но по-нашему задача науки не в том, чтобы разложить мир и на этом закончить.

Маркс говорил, что путь науки сперва идет от конкретного к абстрактному и затем вновь от абстрактного к конкретному.

¹⁴ Большая советская энциклопедия.

¹⁵ Малая советская энциклопедия.

¹⁶ Московский институт философии, литературы и истории имени Н. Г. Чернышевского.

Мы не только смотрим на качества как козел на воду. Мы выходим за пределы непосредственного восприятия. Но мы не говорим, что нет ничего в мире, кроме электронов, что голова Ваша, тов. Тимирязев — только хаос электронов. А так получится, если мы вычтем из природы качество и упростим ее до чисто количественных взаимоотношений. На деле же мы имеем дело с чрезвычайно сложной системой природы.

Воссоздать мир, разложивши его — задача диалектического материализма. Естествоиспытатель, который сидит в кабинете, различает, возводит свою аналитическую работу в общую теорию науки, ограничивается формальной логикой. Но на известной ступени физика становится диалектической и математической.

Тов. Тимирязев приписывал мне взгляд о специфичности истории в биологии. Я этого не говорил. Я считаю, что историчность на определенной ступени проникает и в физику и в химию.

Только синтетическая физика дает основу для решения вопроса о живом веществе так же, как аналитическая работа биологии. То простейшее животное существо, о котором говорил Энгельс, будет дано синтетической физикой и аналитической биологией.

Если бы был прав т. Тимирязев — не было бы развития, а была бы лишь игра механических сил. Нельзя сводить всё к мельчайшим частицам. Если бы были правы механисты — не нужно бы было никаких наук, а только тектология А.А. Богданова.

Механисты говорят: вы извне привносите схемы природе. Но чем отличается диалектический материализм от механического? Диалектический материализм есть сгусток опыта. Поскольку это так — диалектический материализм может быть применен по всем наукам.

В чем отличие диалектического материализма от механического? (читает цитату из «Людвига Фейербаха...» Энгельса).

Интересно, почему Тимирязев не вскрыл диалектики в физике электронной теорией? Он бы понял, что механика — частное применение электродинамических законов.

Цитирую Энгельса (читает: «Биология — химия белков...»).

До какого абсурда может довести последовательный механицизм, ясно показывает книжка Лёба¹⁷ «Организм с физико-химической точки зрения». Он там пишет, что конечная цель биологии та же, что физики и химии, что нет принципиального различия между химией и биологией, что излишне предпо-

¹⁷ Лёб Жак (1859–1924) — американский зоопсихолог.

лагать историческое развитие. Лёб отбрасывает полностью дарвинизм. Здесь мы видим, как механицизм перерастает в витализм, который не старается также объяснить жизнь историей.

За пределами механики лежит применение диалектической логики. Тимирязев не пытался показать нам, где физика переходит в химию.

Он «диалектик», он — химик: пусть покажет. Но он не умеет поставить вопросов диалектики в естествознании. Он противопоставляет прямо механицизм — витализму и спрашивает: как же вы против механицизма? На деле же механистический марксизм скрывает диалектику отдельных наук. Именно последовательным механицизмом диктуется образ козла, известное «Ignorabimus»¹⁸ Дюбуа-Реймона¹⁹. Когда мир очищен от качеств, и его мельчайшие частицы сделаны однородными, мы оказываемся лишенными возможности объяснить жизнь, историческое развитие природы. Механицизм диктует «Ignorabimus», диктует качества, которых мы не можем объяснить.

Я не хотел сказать, что исторический метод приложим только в биологии. На известной ступени он присущ каждой науке. Объяснить же мир в целом — общая задача синтетической физики и аналитической биологии.

Мы считаем, что отдельные факты, не вошедшие в синтез, не могут опровергнуть диалектического материализма. Мы не можем из-за них сдать основные философские позиции. Ленин говорил, что современность характеризует все более тонкая подделка под марксизм, что буржуазии нужно принарядиться в марксистский костюм. Витализм нам не страшен, с витализмом мы успешно боролись, и опыт у нас накоплен. Но сейчас, когда материализм растет — появляется худшая опасность вульгаризации. Здесь основная идеологическая опасность. Варьяш²⁰, например, совершает прямое и открытое нападение на диалектический материализм. Сейчас наша задача проникнуть во все науки. Сейчас стоит у власти новый класс, который должен во все проникнуть и иметь для этого общий принцип, верный, надежный для всех наук. Смешно обвинять нас в черносотенстве. Опасны те, кто не понимает этого. К этим вопросам нам придется не раз вернуться.

Итак, я заключаю: главная опасность в том, что наши вульгаризаторы не понимают разницы между механистическим и диалектическим материализмом.

[Архив РАН. Ф. 355. Оп. 1. Ед. хр. 45. Л. 98–100]

¹⁸ «Не узнаем» (лат.)

¹⁹ Дюбуа-Реймон Эмиль (1818–1896) — немецкий физиолог и философ, выдвинувший тезис о принципиальной непознаваемости основных вопросов существования природы и человека.

²⁰ Варьяш Александр Игнатьевич (1885–1939) — советский философ.

3. Секретарю ЦК КПСС товарищу Демичеву П. Н.

Уважаемый Петр Нилович!

Считаю своим долгом обратить Ваше внимание на следующие факты возмутительного поведения Митина М. Б. в отношении моего погибшего мужа. Мой муж Стэн Ян Эрнестович, партийно посмертно реабилитированный, написал в 1936 году заказанную ему Большой Советской энциклопедией статью «Философия». Над этим научным трудом, объемом 100 страниц машинописи, мой муж работал очень продолжительное время. Труд был напечатан в томе № 57 БСЭ (стр. 446–499). Том был подписан к печати 15 июня 1936 года. Сигнальный экземпляр вышел в конце июля. В нем под статьей «Философия» значилось следующее: «Статья, в основном, написана Я. Стэном. Редактирована М. Митиным, В. Сережниковым²¹, А. Щегловым²². При редактировании использован был материал, представленный С. Турецким²³».

Через несколько дней после выхода сигнального экземпляра Я. Стэн был арестован (3 августа 1936 года).

Том БСЭ № 57 со статьей Я. Стэна был подписан к печати вторично 31 августа 1936 г., т. е. спустя 28 дней после ареста Стэна. В нем под статьей «Философия», написанной моим мужем, уже не было фамилии Стэна. В отличие от первого сигнального экземпляра (июльского, который успел получить мой муж), под статьей «Философия» уже было написано: «Основная работа по статье произведена Митиным и Щегловым. В редактировании участвовал В. Сережников».

Таким образом научный труд Я. Стэна, напечатанный как труд марксистско-ленинского понимания философии, был присвоен спустя несколько недель Митиным. При этом Митин позволил себе в статью, написанную Стэном, приписать в самом конце абзац, в котором подлинный автор Стэн шельмуется (в этой же статье) как идеолог меньшевистствующего идеализма, который «оказался прямой агентурой троцкизма и зиновьевщины на философском фронте, идеологическим прикрытием антипартийной и антисоветской террористической деятельности троцкистско-зиновьевской банды».

Следовательно, Митин, утверждая, что подлинный автор статьи Стэн является меньшевистствующим идеалистом и агентурой троцкизма и зиновьевщины на философском фронте, присвоил себе философский труд этого агента

²¹ Сережников Виктор Константинович (1873–1944) — советский философ. Репрессирован.

²² Щеглов Алексей Васильевич (1905–1996) — советский философ, ученый секретарь Института философии. Свою часть гонорара за статью передал жене арестованного Стэна. Репрессирован.

²³ Турецкий Соломон Янкелевич (1902–1944) — советский философ. Репрессирован.

и напечатал его в Большой советской энциклопедии как труд марксистско-ленинской мысли и подписался под ним.

Я понимаю это как беспримерный случай неслыханного цинизма и попрание всех морально-нравственных норм члена КПСС.

В. Л. Стэн

[Личный архив И. Е. Мясковской]

4. Отзыв Г. М. Беспалова

В целях установления правды свидетельствую:

1. Я знал тов. Яна Стэна в начале 30-х годов как талантливого философа нашей страны. Меня познакомил с ним мой погибший в 1937 году брат Иван Беспалов (в настоящее время полностью реабилитирован). На своей квартире Ян Стэн прочел моему брату и мне большие отрывки из своих произведений «“Фауст” Гете и “Феноменология духа” Гегеля». Эти рукописи произвели на меня неизгладимое впечатление как шедевры в развитии марксистско-ленинской философии. К несчастью, они не увидели света.

2. Когда я учился в Институте красной профессуры, то самым популярным и любимым лектором в области философии был Ян Стэн. Его авторитет как философа-диалектика стоял очень высоко, его работы были для нас неременным пособием при изучении марксистско-ленинской философии.

С тех пор я не видел тов. Яна Стэна, так как уехал на партийную работу на Дальний Восток, однако значение его личности и его трудов навсегда сохранилось в моей памяти.

28 ноября 1966 г. Г. Беспалов, член КПСС с 1921 года, партбилет № 00266589

[Личный архив И. Е. Мясковской]

5. О Яне Эрнестовиче Стэне

Я учился одновременно с Яном Стэном на курсах марксизма при Коммунистической академии, организованных по решению X съезда партии, в 1921–1922 учебном году, и в Институте красной профессуры, на философском отделении, в 1922–1925 гг.

Ян Стэн был подававшим большие надежды выдающимся молодым ученым. Таково было всеобщее мнение и преподавателей и слушателей. Он хорошо знал труды классиков марксизма. Он с увлечением изучал диалектику, особенно привлекала его внимание «Феноменология духа» Гегеля. Интересы его были разносторонни. Много времени он уделял истории философии, логике, математике и естествознанию. Помню, он читал книгу Хвольсона об успехах современной физики, только что вышедший «Двадцатилетний опыт изучения

высшей нервной деятельности» Павлова, работы по теории относительности и многое другое.

Ян Стэн хорошо владел словом. Он с успехом принимал участие в дискуссиях против механистов, в опровержении теперь уже забытого «енчменизма»²⁴. В институте он играл большую роль в борьбе против троцкизма.

Способности Стэна, его знания, его ленинская ортодоксальность получили партийное признание. ЦК направил его на работу в Коминтерн. В 1925 году он ездил как представитель Исполкома Коминтерна в Чехословакию, в Прагу. Это была трудная поездка со сложными заданиями, с которыми он хорошо справился, снискав себе авторитет среди руководящих чешских товарищей.

Ян Стэн был хороший товарищ, скромн, никогда не кичился своими знаниями или своим положением, но был тверд и упорен в своих убеждениях.

Москва, 8 декабря 1966 года В. Кирпотин
[Личный архив И. Е. Мясковской]

6. Воспоминания Ирины Евгеньевны Мясковской

Моя прабабушка по матери Валерия Львовна Стэн всегда — до глубокой старости — вспоминала Яна Стэна, своего второго мужа, с неослабевающей любовью и глубочайшим уважением. Валерия всегда преображалась, молодела, сияла, говоря о Яне, ибо неизменно горячо любила его, предстоящего ее внутреннему взору.

Воодушевлявший многих мощный порыв, гениальный ум, открытый взгляд, широкие скулы... Словно вот только что она влюбилась в его «бетховенский лоб», обрамленный густой шевелюрой, вдохновенное и мужественное лицо, талант оригинального мыслителя, честное и достойное поведение общественного деятеля, ученого и ее мужа, ничем не разочаровавшего ее за семь лет счастливейшего союза!

Любые фразы, оценки, слова Яна в исполнении любящей жены, как я сейчас понимаю, в ее чтении, воспроизведении звучали, происходили вообще во имя воскрешения его на эти мгновения... Она любила, упиваясь рассказом, живописным контрастом возрождать его детство: подростком пас овец и читал Спинозу... Сейчас подумала, что на подсознательном уровне Спиноза, конечно, добавлял на весы ее возраставшей любви и отсутствие антисемитизма, крайне редкое для коренных прибалтов, как в ее Литве, так и в его Латвии. Валерия никогда не забывала ни строчки и всегда читала очень мощно «Бабий Яр» Евтушенко, пылающее возмущением большое стихотворение, поднимая голос в

²⁴ Енчмен Эммануил Семенович (1891–1966) — советский философ.

финальных словах кредо чтимого ею поэта поколения шестидесятников: «Я ненавистен всем антисемитам как еврей и потому я настоящий русский!»

О роде Яна по ее рассказам помню крестьянские корни и по другой ветви он считал своим предком известного художника, «малого голландца» Яна Стена. Честно говоря, я несколько сомневалась до последнего времени в том, что это было достоверно, а не только желательно. Но лет пять назад в ГМИИ им. Пушкина на выставке западно-европейского искусства была совершенно потрясена реальным очевидным сходством лица художника на втором плане (по словам экскурсовода, это был автопортрет Яна Стена) с фото прабабушкиного Яна.

Валерия Львовна Стэн родилась в большой семье Перы и Лейба Зибуцев в 1899 году в Литве в городке Укмерге, переживавшем свой культурный, религиозный, промышленный и ремесленный расцвет с населением, состоящим большей частью из евреев (оттесненных Александром II из центральных российских городов путем количественного ценза) и староверов. Нынешний Укмерге с нулем еврейского населения продолжает любоваться многими уцелевшими постройками старого города, оставшимися от тех, кто был истреблен приспешниками нацизма. Несколько евреев, попытавшихся вернуться в Укмерге после войны, уцелели на фронте и в сталинских безднах лучше, чем в Литве. Я знаю про выросших и состоявшихся трех братьев и сестру Валерии Львовны. Двое братьев эмигрировали, третий погиб на фронте в Отечественную войну.

С Яном они встретились после развода с ее первым мужем Евсеем Лазаревичем Рапопортом²⁵, также профессиональным революционером. Она вышла за него замуж в 1919 г. Он был председателем военно-революционного трибунала в Вильнюсе, в конце 1919 г. был направлен по линии Коминтерна на нелегальную работу в Германию, где работал два года, а затем до 1923 г. служил в советском торгпредстве в Берлине. Валерия окончила курсы стенографии и машинописи и тоже работала около года в советском торгпредстве. После возвращения в Москву муж работал там прокурором, потом прокурором в Туле. Затем через год выехали на Дальний Восток, в Хабаровск. Валерия выехала на учебу во Владивосток, в Дальневосточный университет, где училась до 1926 года на китайском отделении. Уход первого мужа к другой женщине стал для нее тяжелейшей драмой, она даже пыталась покончить с собой на глазах маленькой дочери, родившейся в 1920 г. в Берлине. Потом долго восстанавливалась. Учиться в университете ей после болезни и

²⁵ Рапопорт Евсей Лазаревич (1897–1957) — подполковник юстиции.

душевного кризиса не разрешили врачи, поэтому она не успела закончить два последних курса. Но так как она имела отличные успехи в изучении китайского языка, ей предложили выехать на практику в Китай вместе со студентами старших курсов. В конце 1926 г. она выехала в Китай. Первые полтора месяца жила в Пекине, занималась изучением китайского языка. Затем, ввиду невозможности поступить на работу в Пекине, переехала в г. Тяньцзинь, где устроилась работать машинисткой в советское консульство. Работала до осени 1927 г., занимаясь одновременно китайским языком. Осенью 1927 г. выехала из Китая в связи с разрывом дипломатических отношений СССР и Китая.

После лагерей от ее английского остался только письменный. Когда она после освобождения восстановила связь с эмигрировавшим младшим братом Яковом, то они переписывались по-английски. Но когда приезжал, говорили на русском. Помнила несколько слов по-китайски. Язык, который она реально обожала, был немецкий, который она сумела сохранить в лагерные годы, преподавая желающим в «лагерных университетах» страны и на поселении. А когда надо было написать стаж в трудовой книжке, по которому ей «заплатили» за годы в лагерях после ее реабилитации, то написала «учитель немецкого языка». Когда мои родители в 1970-х познакомили ее со своими друзьями из ГДР, баба Валя потрясла их тем, как воспроизводила все региональные диалектные и интонационные отличия в немецком языке.

Ян Стэн был главной любовью ее жизни. Мне помнится по ее рассказам, что познакомил их Лев Николаевич Чернявский. Хотя, возможно, их познакомил певец Н. Н. Озеров. Есть групповая фотография: втроем, в пальто, стоящими на ветру; развевались волосы у Яна и полы плащей. И изумительное поле влюбленности между двумя людьми на этом снимке. Летом 1929 г. они поженились. Встреча с ним стала для нее возрождением после душевного кризиса. Скорее всего, их сблизило и германское прошлое, какие-то воспоминания о любимых пространствах — Прибалтики их детства и отрочества, Германии их юности, немецкая культура, в которой им предстояло творчески посотрудничать, когда он писал свой главный философский труд, а она счастлива была для него максимально точно переводить Гете и Гегеля. Круг общения семьи Стэнов в этот период: философы²⁶ Карев и Лупшол²⁷, историки Фридланд²⁸ и Газганов²⁹, политики Шацкин и Ломинадзе.

²⁶ «Филосовы» — записал энкавэдэшник в уголовном деле Валерии Стэн.

²⁷ Лупшол Иван Капитонович (1896–1943) — советский философ. Репрессирован.

²⁸ Фридланд Цви Самойлович (1897–1937) — советский историк. Репрессирован.

²⁹ Газганов Эммануил Яковлевич (1900–1937) — советский историк. Репрессирован.

Она рассказывала, что, хорошо владея немецким, переводила ему «Феноменологию духа» Гегеля для уникального сравнительного исследования этого труда с «Фаустом» Гете... Если экземпляр этой рукописи чудом сохранился в архиве НКВД-КГБ-ФСБ или личном — Сталина, то, возможно, эта работа еще прославит Яна Эрнестовича как зрелого самобытного философа, а не только как честного коммуниста, талантливое и ярчайшего преподавателя молодой философской школы, которого почитали и В. Ф. Асмус, и В. Я. Кирпотин (они поддерживали с вышедшей из лагеря В. Л. Стэн периодическое общение, надписывали ей книги).

Прабабушка никогда не запинаясь, произнося принципиальнейшую фразу Яна: «Каждый комсомолец должен на собственном опыте проверять правильность генеральной линии партии». Она с детства вдолбила мне в голову многократным цитированием этот тезис Яна, непростой для малого ребенка своей логической конструкцией, но со временем все более ясно и стройно раскрывавший суть здоровой партийной жизни в стране. Позднее уже я сама повторяла его кому-то после вступления в комсомол: «Каждый комсомолец должен на собственном опыте проверять правильность генеральной линии партии!»³⁰ Эти мощные, социально проточные и энергетичные слова даже в годы моей юности и в период учебы в институте («идеологический фронт» — театроведение) в эпоху застоя акцентировали честность, достоинство, смелость, гражданственность — и я тоже повторяла их людям не раз, неся дальше волны реки Яна. И тоже произнесу без запинки, если разбудить ночью — потому что это стало частью меня, моего представления об идеальном обществе и идеальном — честном! — служении.

Ян преподавал Сталину гегелевскую диалектику, и этого — наряду с «проверкой правильности генеральной линии» — было бы уже достаточно для ареста. Но прабабушка говорила, что он еще и не стеснялся сказать Сталину: «Коба, ты дурак!» — поскольку так и думал. Сталин был весьма посредственным учеником. Еще Ян рассказывал жене о чудовищном матерном хамстве Сталина по отношению к Н. С. Аллилуевой, то есть к жене и матери его детей, за общим столом в Кремле при свидетелях.

Я видела у прабабушки фото дочери Яна от первого брака. По-моему, ее звали Рита. Вероятно, прабабушка была с ней знакома, говорила, что она умерла молодой от туберкулеза. Не знаю, кто была первая жена Яна. Были и латышские родные Яна с хутора Саулитес Рижского района, с которыми Валерия

³⁰ Стэн Я. Э. Выше коммунистическое знамя марксизма-ленинизма // Комсомольская правда. 1929. 26 июля. После публикации этой статьи Сталин отдал приказание преследовать Стэна.

общалась после лагерей — сестрой Яна Марией Шмитс и ее детьми Рутой и Оскаром, ездила к ним в гости, радостно улыбаясь, фотографировалась с племянником, похожим на Яна комплекцией и чертами лица. Привезла от них и уникальное фото Яна на крыльце родного дома.

В 1932 г. Стэн был арестован по делу Рютина и сослан в Казахстан в г. Акмолинск. Она поехала к нему — продолжать быть его поддержкой, согреть его своей любовью, заботой... 2 января 1934 г. супруги Стэн вернулись из ссылки в Москву. Стэн работал в Большой советской энциклопедии, Валерия преподавала немецкий язык в школе № 91. Они общались с деканом истфака МГУ Фридляндом, с П. Г. Петровским³¹, с которым познакомились в ссылке, с профессором МАИ Семеном Шором³² и ученым секретарем Института философии Щегловым. От любящей жены, с дачи в поселке старых большевиков на станции Отдых, на рассвете 3 августа 1936 г. Яна Стэна, подняв с постели, увезли навсегда. В лагерях она потом встретила художника Бориса, который рассказал ей, как семнадцатилетним видел Стэна перед решающим заседанием суда. Ян, по его словам, сказал: «Вы молоды. Вам страшное не грозит...».

Люблю картину Репина «Спасение святым Николаем Мир Ликийским Чудотворцем трех невинно осужденных». Три возраста изображены художником на картине в ожидании смерти: Юноша, мужчина лет сорока, в расцвете сил, и старец. Юноша сошел с ума, не в силах принять несправедливость и отнятие только расцветающей жизни. Лишь старик сияет взором и почти танцует от ликования, слыша отмену приговора святым Николаем... А на переднем плане в максимальном напряжении молитвы и желания встретить смерть достойно, на коленях под секирой замахнувшегося палача мужчина лет 38–40, не слышит ничего вокруг происходящего, не слышит ни отмены приговора, ни юноши с заплутавшей от ужаса речью, ни старца с его ликующим возгласом благодарности Богу. Когда я, взрослая, размышляла над последними известными семье словами Яна юному тогда художнику Борису перед судом, мне все более ощущались в них его мысли о воздаянии — не сомневалась никогда в именно его способности выйти от ума к мудрости, к глубокому, росшему с годами покаянию за может и единственный личный неправедный даже для революционера поступок — участие в подавлении Кронштадтского мятежа.

Валерия Львовна была арестована 20 июля 1937 г. Содержалась в Бутырской тюрьме. На допросах она не дала показаний о враждебной деятельности мужа, которых от нее настойчиво добивались. Валерию Львовну обвинили

³¹ Петровский Петр Григорьевич (1899–1941) — советский политический деятель. Репрессирован.

³² Шор Семен Юрьевич (1905–1937) — советский историк. Репрессирован.

в том, что она, «являясь соучастницей в контрреволюционной деятельности своего мужа, не донесла о его деятельности». Ее отправили в Потьму, в Темниковский лагерь на 8 лет. В 1941 г., находясь там, сумела закончить курсы медицинских сестер. В лагере вела себя очень достойно, перевыполняла норму, получаемым за это допайком, будучи малоежкой, подкармливала тех, кто с трудом переносил недоедание, в санчасти смело отстаивала каких-то вымотанных работой, нуждавшихся в медпомощи людей... Узнали многое от Анны Михайловны Бухариной-Лариной, до которой такие характеристики знакомой ей по прошлой жизни Валерии Львовны Стэн доходили лагерными пересечениями. Про нее ходила фраза: «Закаляйся, как Стэн».

С Валерией и Яном в Москве жила, росла, воспитывалась ее дочь от первого брака Ольга Евсеевна Раппопорт, моя будущая бабушка. Когда арестовали отчима, Яна, а затем ее мать, Ольга в прямом смысле оказалась на улице, каждый день проживала как последний. После ареста Валерии Львовны она, слава Богу тогда отсутствовавшая дома, вернулась к опечатанной двери. Ее двоюродная сестра и тезка в квартиру свою с родителями ее не пустила. Оля ей это простила, и они общались, но рана того мгновения и последовавшего времени одиночества и незащищенности осталась бедой в истории семьи. Она долго скиталась и в конце концов, может, и через год пришла к депутату Центрального райсовета г. Москвы, последнего места своей прописки. А им в то время был актер МХАТа, непревзойденный И. М. Москвин. Его секретарь, мудрая и добрая женщина, спасла Ольге жизнь, а нам с мамой — возможность народиться: к ее совету, на счастье, прислушалась уже столько всего пережившая юная девушка, потерявшая к тому моменту многих из своих сверстников, друзей, детей советской научной, творческой и партийной элиты — они сгинули после арестов целых семей или сомнительных смертей и самоубийств их родителей. Так сгинул и юноша Сережа Каменев, в которого, я слышала, Ольга была влюблена — сын очень вовремя умершего командарма Сергея Сергеевича Каменева, еще «успевшего» уйти восхваленным газетами партийным товарищем, но ошельмованного посмертно. «Вам надо выбрать жилплощадь, которой никто не позавидует», — сказал ангел-хранитель нашей семьи словами неравнодушной чиновницы, хорошего человека. И Ольга выбрала пятиметровую вытянутую комнатку за кухней на Зубовском бульваре, где и уцелела от доносов сограждан, коих продолжал портить «квартирный вопрос».

В декабре 1937-го был арестован и родной отец Ольги, с юных лет пламенный революционер, принципиальный юрист — омский прокурор Евсей Лазаревич Раппопорт. Раппопорт был очень неудобной фигурой для работников

НКВД. Вместо того чтобы преследовать «контрреволюционеров», он осмеливался не только давать указания чекистам, но и возбуждать против них уголовные дела и дисциплинарные преследования, за что его не раз одергивал Вышинский. Он был арестован в Москве, куда он был вызван Вышинским на очередной «разнос», а затем этапирован в Омск. Раппопорт не был сломлен в тюрьме. Уголовное дело в отношении Раппопорта было прекращено 8 июля 1939 г. А через 5 дней после его освобождения, 13 июля 1939 г., родилась моя мама, Елена, которую ее бабушка Валерия Львовна всегда очень любила, хотя узнала ее 8-летним подростком. Раппопорт уехал сразу в дальний городок на Украине Каменец-Подольский работать на заводе, не заезжая ко второй жене и дочери, чтобы их не подставлять. Участвовал в Великой Отечественной войне, после войны работал в Ташкенте. В 1957 году на поминках отца в Ташкенте Ольга познакомилась с сестрой по отцу, Наташей, которая была младше ее на 27 лет.

Мама, тогда маленькая рыжая хулиганистая дошкольница, в раннем детстве жила у сестры Валерии — Анны Львовны, талантливой фтизиатра, возглавлявшего туберкулезный санаторий в Битце. Ее муж, мудрый, добрейший, печальный Михаил Натанович Гельперн, также врач, потерял в Вильнюсском гетто всех своих родных. В жилой избе для руководства на территории туберкулезного санатория во время войны вместе с моей мамой и дочерью Гельпернов Валей жили и малолетние племянницы Юля и Рита от погибшего на войне брата Валерии и Анны — Хонолы. В санатории лечилось и вылечилось благодаря врачебному и организационному таланту Гельпернов много детей разного возраста, в том числе коминтерновских как, например, дочь и сын Бела Куна. Дочь Валерии Ольга всю жизнь дружила с дочерью Бела Куна Марго. Анна Львовна Гельперн в годы, проведенные Валерией в лагерях, постоянно поддерживала ее посылками. Однажды ездила к ней в Сибирь. Дочь Анны Львовны помнила, как тетя Валя стояла, встречая их троих с матерью и Ольгой, на холме в сделанной ее руками вышиванке с голубым и синим, почти гжельским рисунком!

20 июля 1945 г. Валерия Львовна освободилась из Темниковского лагеря. После этого она выехала в Тарусу, где жила первые два месяца, потом добилась разрешения жить у сестры в Битце. Устроиться на постоянную работу не могла. Поэтому давала частные уроки немецкого языка и некоторое время ухаживала за одной из своих знакомых в качестве медсестры. Кроме того, последние два года перед повторным арестом она занималась частной практикой по массажу и одновременно училась в фельдшерской школе им. Клары Цеткин. Думаю, что Валерия не верила, что Ян уцелел, но все же еще наде-

ялась. Ведь его «десять лет без права переписки» прошли к тому моменту, и он ниоткуда не вернулся. Она знала, что его последняя статья «Философия» в Большой советской энциклопедии была цинично, «в особо извращенной форме» присвоена Митиным. В 1949 году у прабабушки был какой-то тяжелейший психологический, похоже даже психический, суицидальный кризис. Или из-за окончательного осознания потери обожаемого человека, или, может быть, властная Анна Львовна, у которой она, вероятнее всего, жила до следующего ареста, могла уничтожить или, хуже того, потребовать от нее самой уничтожить архив Стэна. Не исключено, что и его великий труд, являвшейся их общим «ребенком», тем, ради чего они встретились в этой жизни, помимо ее великой любви... Валерия Львовна лежала в больнице им. Ганнушкина, получила инвалидность 2-й группы.

В. Л. Стэн была повторно арестована 15 декабря 1950 г. Она содержалась во Внутренней тюрьме МГБ СССР. От нее вновь добивались показаний против покойного мужа. Спрашивали с кем и о чем он разговаривал. Она отвечала, что знакомые общались с мужем в его кабинете, а муж не любил, чтобы она при этом присутствовала, и содержанием разговоров с ней не делился. «Анти-советские» настроения мужа она категорически отрицала. По постановлению Особого совещания при МГБ СССР от 20 января 1951 г. она получила новый срок и 7 февраля 1951 г. была отправлена в лагерь. 12 июля 1954 г. она была освобождена из лагеря. 21 октября 1954 г. написала письмо Генеральному прокурору Руденко с требованием реабилитации ее и мужа.

После реабилитации 1956 года прабабушка жила на Фрунзенском валу. Утром она здоровалась с фотопортретом Яна, стоявшим на самом главном месте в комнате коммуналки на Фрунзенском валу, или на даче, когда она переезжала туда на лето. Не проходило дня, чтобы она не говорила о нем, не цитировала, не воскрешала Яна, пусть в тысячный раз, какими-то запомнившимися ей его оценками.

Валерия Львовна берегла и многим показывала свою главную святыню, сигнальный экземпляр тома Большой советской энциклопедии со статьей Яна «Философия», выпущенный до его ареста. После ареста в статье, подписанной уже Митиным, в тираже издания появился дополнительный абзац, в котором поносились как «враги народа» и сам Ян, автор статьи, и его учитель Деборин, его друг Карев и другие коллеги в деле развития талантливой молодой марксистской философии. Чудом сохранившийся сигнальный экземпляр, в котором статья была подписана еще именем Стэна, был в буквальном смысле ее оружием и помог ей, соратнице мужа, одержать важнейшую для нее в ее жизни победу. Он стал основным аргументом в ее борьбе за честное имя и

научный престиж возлюбленного мужа, в результате которой Митин был предан заслуженному развенчанию и позору. Когда прабабушка, сохраняя свою независимость, сколь могла долго жила отдельно от родных (нам разрешалось ее навещать), к ней в доверие втерлась некая Тамара, которая, как позднее выяснилось, была приятельницей Генриха Волкова³³, ученика Митина. Через некоторое время после ее неожиданного отхода от бабушки в доме уже не могли найти сигнальный экземпляр БСЭ. И вскоре появилась статья Генриха Волкова с фразой, провоцировавшей на предоставление неопровержимых, но уже украденных доказательств в старом споре: «*по утверждению жены Стэна, статья “Философия” была написана им*»³⁴.

Когда прабабушку реабилитировали и выдали ей участок взамен конфискованного при аресте, в том же поселке Кратово, в дачном кооперативе старых большевиков «Красный бор», который был последним адресом их супружеского счастья и трагической разлуки с Яном, то она совместно с сестрой Анной построила там в 1957–1958 гг. дом. Валерия подарила сестре Анне и ее семье половину дома и участка в благодарность за посылки в лагерь, за помощь дочкам брата и ее внучке.

Прабабушка совершенно не доверяла уже больше советской власти, слушала «Немецкую волну» и также другие «вражеские голоса» по своей «Спидоле», к которой никому не разрешалось прикасаться, чтобы не уронить. В ее частной жизни «Спидола» становилась таким же инструментом правды, как до этого сигнальный номер БСЭ. А ее рассказ о выходе из лагеря начинался с неизменного «когда Сталин сдох...».

В дачном поселке «Красный бор» она любила гулять по улицам Комиссарова и Кооперативной, считая прогулку в сосновом бору лучшим оздоравливающим и антидепрессивным лекарством. И каждый раз с яростью и крепкими эпитетами плевала, проходя мимо калитки дачи «проклятого Константинова», сталинского «академика», который вместе с «подонками и доносчиками Юдиным и Митиным» приложил руку к гибели ее Яна. Гуляя, навещала своих друзей. Нередко заходила со мной в гости на участок Аголов³⁵, которые с ними в счастливую пору там соседствовали, и всегда подолгу беседовала с грузинской парой — старого большевика Сосо и его жены, живших теперь в этом доме. Еще мы с бабой Валею ходили к Юсилевичам, к дочери историка

³³ Волков Генрих Николаевич (1933–1993) — советский философ.

³⁴ Волков Г. Н. Вознесение: О том, как Сталин сделался великим философом // Советская культура. 1988. 7 июня.

³⁵ Агол Израиль Иосифович (1891–1937) — советский философ. Репрессирован.

Максакова³⁶, к сыну Антонова-Овсеенко³⁷. Они говорили о политике, сравнивали информацию разных «Голосов», «проверяя правильность...». Я, понятное дело, вплотную занималась на их участках, с разрешения ее друзей, позабытой крупной и самой вкусной земляникой, темной, с туманчиком переспелости и самым волшебным благоуханием из дачного детства. Захватывала она меня и к хлебосольным и талантливым Спиркиным³⁸. Спиркин был автором популярного учебника по философии — вероятно, он ценил Яна.

Но самым дорогим человеком из молодости была для нее Нюсенька, Анна Михайловна Бухарина-Ларина, любимая всеми в нашей семье. Они много общались. У нас же на бабушкиной даче были написаны и многие главы ее воспоминаний «Незабываемое». Огромная работа, которую тайно произвела эта хрупкая и лучащаяся женщина, — большая драгоценность в царстве исторической правды. Она пыталась и прабабушку не только подробно расспрашивать об эпохе, когда она сама — дочь старого большевика Ларина, друга Бухарина, была еще совсем юной, но и включить в такой же писательский подвиг. Но старшей подруге, которая щедро делилась с ней тем, что помнилось, достаточны оказались собственные преодоления.

После ареста мужа, в лагерях и после выхода из заключения, а также всю последующую жизнь, когда вернулась и была еще, даже и до глубокой старости, исключительно красивой женщиной, которой не раз предлагались достойные партии, она оставалась ему верна. Супруга-помощник, секретарь, переводчик, вдова, удивительная, вдохновляющая многих видевших ее и слышавших о ней закалкой, силой воли и благородством в лагерях... До глубокой старости поражала многих красотой лица и стройностью фигуры. А боль, страдания, потери пытались и позднее, на воле сломить ее возвращавшейся депрессией, бессонницей после тех многодневных допросов при свете без сна... Но, заев геркулесом горсть таблеток, она — рецепт рассказанный ею дочери — принимала ванну, душилась прекрасными духами и шла гулять — долгие прогулки, волевым усилием подняв себя... Закаляйся, как Стэн!

Из последнего года жизни Валерии Стэн — примерно, август 1986-го — когда я ухаживала за прабабушкой на даче. Она начинала все чаще что-то забывать, отключаться, сидеть с отсутствующим взглядом. Порекомендовали колоть церебролизин, восстанавливающий, поддерживающий память. Уколола

³⁶ Максаков Владимир Васильевич (1886–1964) — советский историк.

³⁷ Антонов-Овсеенко Владимир Александрович (1883–1938) — советский политический деятель. Репрессирован. Сын: Антонов-Овсеенко Антон Владимирович (1920–2013) — основатель Государственного музея истории ГУЛАГа.

³⁸ Спиркин Александр Георгиевич (1918–2004) — советский философ.

очередной, вижу глаза начинают включаться, как будто зажигаться светом изнутри, осмысливать происходящее вокруг.

— Бабуля, ты не прочитаешь стихи?

И она начинает читать свое заветное и программное, очень длинное и всего с одной запинкой «Наследники Сталина» Евтушенко с всегдашним кульминационным взлетом: «Как из наследников Сталина — Сталина вынести?» В этом стихотворении чтимый ею наш поэт и гражданин рассказывает о том важном для поколения шестидесятников и всей страны моменте общественного самоосознания, когда после разоблачающих преступления сталинщины XX и XXII съездов КПСС из мавзолея Ленина выносили тело Сталина. Валерия, к сожалению, не написала своих мемуаров о Яне, но подарила ему свою, ничем и никем неистребимую любовь и преданность навсегда. Верю, они встретились там, где царит всепобеждающая любовь.

Бабушка Валя ушла 26 декабря 1986 года. Скорее всего, ей было 88 лет. Она изменила на два года дату своего рождения при получении паспорта, чтобы быть младше Яна! Моя прабабушка много пережила на своем веку и, может быть, не знаю точно, не была религиозна. Но ушла тихо на Рождественской неделе в окружении дочери и внучки. Я в тот вечер была с мужем в Доме композиторов на вечере Молодежного музыкального клуба у Г. С. Фрида³⁹, где молодой Башмет играл что-то отстраненное, тайно знающее, высокое и печальное на своем Божественном Альте — вестнике Небес. Именно тогда, слушая эту музыку Вечности, я была пронзена уверенностью, что Бабушка сейчас уходит...

[Личный архив И. Е. Мясковской]

Список источников

Авторханов А. Г. Технология власти. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1976. 809 с.

Деборин А. М. Воспоминания // *Вопр. философии*. 2009. № 2. С. 113–133.

Кирпотин В. Я. Ровесник железного века. М.: Захаров, 2006. 842 с.

Корсаков С. Н. Становление Института философии и судьбы философов при сталинском режиме // *Наш философский дом*. М.: Прогресс-Традиция, 2009. С. 95–195.

Корсаков С. Н. Страничка из истории философских проблем физики в СССР: Эдуард Фрицевич Лепинь (1893–1937) // *Философия науки и техники*. 2019. № 1. С. 76–89.

³⁹ Фрид Григорий Самуилович (1915–2012) — советский композитор.

Корсаков С. Н., Черняев А. В. Сто лет изучения истории русской философии в Институте философии РАН (статья первая) // Русская философия. 2021. Вып. 1. С. 109–125.

Ларина А. М. Незабываемое. М.: Вагриус, 2002. 442 с.

Митрохин Л. Н. О прошлом и настоящем // Вопр. философии. 2002. № 9. С. 20–53.

Ойзерман Т. И. Из бесед с Л. Н. Митрохиным // Как это было: Воспоминания и размышления. М.: РОССПЭН, 2010. С. 117–188.

Резник В. Д. Люди двадцатых годов // Звезда. 1991. № 5. С. 179–204.

Сандлер А. С., Этлис М. М. Современники ГУЛАГа. Магадан: Магаданское книжное издательство, 1991. 557 с.

Стэн Я. Э. Статьи и выступления по философии. М.–СПб.: Максимум, Миръ, 2015. 288 с.

Шапиро Ю. В. Воспоминания о прожитой жизни. М.: б. и., 2006. 459 с.

Архивы

Архив РАН — Архив Российской академии наук;

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации;

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории.

References

Avtorkhanov, A.G. (1976) *Tekhnologiya vlasti [Power Technology]*. Frankfurt-na-Mayne: Posev.

Deborin, A.M. (2009) ‘Vospominaniya’ [‘Memories’], *Voprosy filosofii*, 2, pp. 113–133.

Kirpotin, V.Ya. (2006) *Rovesnik zheleznogo veka [Age of the Iron Age]*. Moscow: Zakharov.

Korsakov, S.N. (2009) ‘Stanovleniye Instituta filosofii i sud’by filosofov pri stalinskom rezhime’ [‘Formation of the Institute of Philosophy and the Fate of Philosophers under the Stalinist Regime’], in *Nash filosofskiy dom [Our Philosophical Home]*. Moscow: Progress–Traditsiya, pp. 95–195.

Korsakov, S.N. (2019) ‘Stranichka iz istorii filosofskikh problem fiziki v SSSR: Eduard Fritsevich Lepin’ (1893–1937)’ [‘A Page from the History of Philosophical Problems of Physics in the USSR: Eduard Fritsevich Lepin (1893–1937)’], *Filosofiya nauki i tekhniki*, 1, pp. 76–89.

Korsakov, S.N., Chernyayev, A.V. (2021) ‘Sto let izucheniya istorii russkoy filosofii v Institute filosofii RAN (stat’ya pervaya)’ [‘One Hundred Years of Studying the His-

tory of Russian Philosophy at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (First Article)'], *Russkaya filosofiya*, 1, pp. 109–125.

Larina, A.M. (2002) *Nezabyvayemoye [Unforgettable]*. Moscow: Vagrius.

Mitrikhin, L.N. (2002) 'O proshlom i nastoyashchem' ['About Past and Present'], *Voprosy filosofii*, 9, pp. 20–53.

Oyzerman, T.I. (2010) 'Iz besed s L.N. Mitrokhinym' ['From Conversations with L.N. Mitrokhin']. *Kak eto bylo: Vospominaniya i razmyshleniya [How it Was: Memories and Reflections]* Moscow: ROSSPEN.

Reznik, V.D. (1991) 'Lyudi dvadtsatykh godov' ['People of the Twenties'], *Zvezda*, 5, pp. 179–204.

Sandler, A.S., Etlis, M.M. (1991) *Sovremenniki GULAGa [Contemporaries of the Gulag]*. Magadan: Magadanskoye knizhnoye izdatel'stvo.

Shapiro, Yu.V. (2006) *Vospominaniya o prozhitoj zhizni [Memories of the Lived Life]*. Moscow: no publ.

Sten, Ya.E. (2015) *Stat'i i vystupleniya po filosofii [Articles and Speeches on Philosophy]*. Moscow; St. Petersburg: Maksimum, Mir.

Информация об авторе: С. Н. Корсаков — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН. Адрес: Российская Федерация, 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Information about the author: S. N. Korsakov — DSc in Philosophy, Leading Research Fellow at the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Address: 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.05.2022;
одобрена после рецензирования 09.06.2022;
принята к публикации 12.06.2022.

The article was submitted 01.04.2022;
approved after reviewing 09.06.2022;
accepted for publication 12.06.2022.

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 2. С. 234–246.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2022. Vol. 5, no. 2. P. 234–246.

Рецензия на книгу / Book Review

УДК 008

doi:10.17323/2658-5413-2022-5-2-234-246

ПРЕДНАМЕРЕННОСТЬ СУДЬБЫ

Рецензия на книгу: Светлана Левит. Мир человека, в слове явленный:
Бытие человека в культуре. — Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных
инициатив, 2022. — 624 с. (Серия «Культурология. XX век»)

Валерий Ильич Мильдон

Всероссийский государственный институт
кинематографии имени С. А. Герасимова,
Москва, Россия, vimildon@mtu-net.ru

Ссылка для цитирования: Мильдон В. И. Преднамеренность судьбы // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 2. С. 234–246.
<https://doi.org/10.17323/2658-5413-2022-5-2-234-246>.

Academic Life. Reviews

PREMEDITATION OF FATE

Book review: Svetlana Levit. The World of Man, Revealed in the Word: The
Existence of Man in Culture. — Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian
Initiatives, 2022. — 624 p. (Series “Cultural Studies. XX century”)

Valery I. Mildon

All-Russian State Institute of Cinematography named after S. A. Gerasimov,
Moscow, Russia, vimildon@mtu-net.ru

For citation: Mildon, V.I. (2022) ‘Premeditation of Fate’, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 5(2), pp. 234–246. (In Russ.).
doi:10.17323/2658-5413-2022-5-2-234-246.

© Мильдон В. И., 2022

Эпиграфом к книге выбраны слова К. Леви-Стросса: «XXI век будет веком гуманитарных наук или его не будет вовсе» (с. 19).

Светлана Яковлевна Левит многое сделала для того, чтобы прогноз сбылся, чтобы история человечества не закончилась XX веком.

Сколько бы метафорических смыслов ни содержало утверждение французского мыслителя, в нем есть и прямой: именно в XXI столетии (частично, разумеется, и в XX, и в XIX: историческое движение, о чем бы ни шла речь, не укладывается в границы строгой хронологии) эти науки подтвердили свою абсолютную необходимость, ибо формируют гуманитарное сознание — универсальное явление всемирной культуры. Можно говорить, что она движется в этом направлении, и дальнейшее «воспитание человечества» [Гердер, 1977, с. 6], его умственное и нравственное развитие невозможны без этого сознания, предполагающего отношение к индивидуальности как уникальному явлению органического мира, начиная от первых признаков жизни на Земле.

Об этом сказано давно. Аристотель писал: «От нас зависит, быть нам добрыми или дурными» [Аристотель, 1983, с. 105]¹. Через два с лишним тысячелетия немецкий философ подтвердил: «Как древний мир, в общем, есть мир родовых образований, так мир **новый** есть мир **индивидуумов...**» [Шеллинг, 1966, с. 447].

Эти соображения можно рассматривать как смысловые эпиграфы к рецензируемому труду С. Я. Левит.

В первом разделе («От идеи культуры к науке о культуре») повествуется о многосторонней работе автора как издателя, благодаря энергии которого (объем изданного в течение 30 лет наводит на мысль о нарастающей, а не

¹ Здесь и далее в цитатах полужирным шрифтом выделены слова, подчеркнутые мной. — В. М.

убывающей с каждым годом энергии) отечественный читатель познакомился с книгами западных мыслителей, многие в прежние времена были попросту недоступны даже любознательным умам. Всё это издавалось в нескольких сериях: «Лики культуры» (основана в 1992 году); «Книга света» (1997); «Российские Пропилеи» (1998); «Культурология. XX век» (1999), «Summa culturologiae» и «Humanitas» (обе — 1999); «Зерно вечности» (2000); «Письмена времени» (2004). Кроме того, в ноябре 2013 года организована выставка «Гуманитарное знание: к 20-летию серийных изданий ИНИОН РАН». Выставку сопровождала конференция, материалы которой опубликованы в книге [Гуманитарное знание и вызовы времени, 2014]. Тираж книги уничтожил пожар в ИНИОН, но она доступна в Интернете.

Во втором разделе («Космос культуры: работы разных лет») автор предстает в качестве исследователя, мыслителя. О ком только ею не написано: Державин, Ломоносов, Жуковский, Пушкин, Боратынский, Фет, Блок, А. Белый, Гершензон, Вейдле. В этом перечне, очевидно, преобладают имена поэтов, объяснение чему напрашивается само, если знать, что автор тоже поэт — изданы два поэтических сборника [Левит, 2013; 2018]. Об «Эоловой арфе» П. С. Гуревич написал, что С. Левит «стенографировала роптания сердца. В книге нет взрывов страсти, мятежности, трагических ситуаций. Но есть акварельная картина мира, в которой присутствует всё — любовь и расставание, стук судьбы в дверь, мир горних звуков, соловьиные песни и клёкот птиц» [Гуревич, 2013]. А в рецензии на второй сборник С. С. Ступин добавил: «Эрудиция профессионального культуролога не диссонирует с опытом чувства поэта» [Ступин, 2019]. Ну а увлечения польскими поэтами — К. Галчинским, Я. Ивашкевичем, Ю. Тувимом; переводы одного из классиков польской поэзии Л. Стаффа? Однажды я позвонил С. Я. Левит и сказал, что еду в Краков, и она радостно прочитала мне по-польски несколько строк Л. Стаффа, может быть потому, что некоторое время тот жил в Кракове. Спрашивается: как в одном лице непротиворечиво уживаются разные облики: организатора культурных сил, исследователя, мыслителя, поэта? Самый полный ответ: уживаются! Но это не всё. Она увлекалась вокалом, пела старинные русские романсы, после окончания музыкальной школы собралась в музыкальное училище на отделение хорового дирижирования. Ее учителя музыки Э. С. Смирнова и Л. Я. Кириллова частенько, как вспоминала С. Я. Левит, говаривали: «Не знаем, кем ты будешь, но ты человек искусства» — нечаянный парадокс строчек платоновского «Пира»: «...Из всех видов творчества выделена одна область — область музыки и стихотворных размеров, к которой и принято относить наименование “творчества”. Творчеством зовется только она, а творцами-поэтами только те, кто ей причастен» [Платон, 1990–1994, т. 2, с. 154, 153].

Похоже, так и произошло, эстетика (занятая изучением художественного творчества, и, не исключено, вмещалась музыка) привела ее на философский факультет МГУ, там она увлеклась философией культуры и впоследствии создала энциклопедии — «Культурология. XX век» (1998), «Культурология: Энциклопедия» (2007), «Summa culturologiae. Энциклопедия»: в 4 т (2021).

В статье «О видимой преднамеренности в судьбе отдельного лица» А. Шопенгауэр писал, что мужчины и женщины, предназначенные друг другу, безошибочно угадывают это предназначение; такие пары, как правило, не расходятся до конца дней. Если же один из супругов умирает, оставшийся хранит ему верность, мотивируя, по обыкновению, стандартно: он (или она) по-прежнему со мной. Конечно, оба «не заимствуют» один у другого родственные психические структуры, речь идет о совпадающих душевных типах, о некоем «избирательном сродстве» — обо всем том, чего заранее никто не может предугадать. Шопенгауэр называет такое положение «доказуемым фатализмом» [Шопенгауэр, 1910, с. 178].

Этим «фатализмом» определена жизнь и автора этой книги, ибо эстетика, заманившая С. Я. Левит на философский факультет, читалась, как это видно из предлежащего труда, в сочинении ею стихов, увлечениях вокалом, поэтическими переводами, мыслях о дирижировании, изучении философской мысли Запада и России. Как в юности и молодости она стремилась к организации звуков, так в зрелости всё же стала «дирижером» — организатором, главным редактором и автором совершенно новых в отечественной интеллектуальной жизни упомянутых выше тематических серий и проектов.

Итак, второй раздел «Космос культуры» открывает статья, посвященная 150-летию со дня рождения М. О. Гершензона. И хотя этому имени возвращена прежняя, а теперь, может быть, и бóльшая известность, сказанное автором не кажется повторением. Действительно, он принадлежит к тем, кто заложил основы отечественной культурологии (Вяч. Иванов, А. Белый, Г. Федотов, Ф. Степун, Г. Флоровский — разумеется, неполный перечень). Именно это обстоятельство в деятельности своего героя кажется (и справедливо) автору первостепенным, в особенности для современного состояния отечественной науки о культуре как явлении, а не узкопрофессиональном занятии: «...История духовной жизни нашего общества, по мысли М. О. Гершензона, находится на низком уровне: “Всё свалено в кучу — поэзия и политика, творческие умы и масса, мысль и чувство, слово и дело”. Объяснение этому он находит в том, что историки изучают общество как некую абстракцию, тогда как “общество не ищет, не мыслит, не страдает; страдают и мыслят только отдельные люди”» (с. 437).

Г. Флоровский был прав, называя Гершензона мастером *индивидуального анализа*, то есть жизни отдельных людей. К этому наблюдению я добавил бы: именно благодаря такому анализу общество перестает быть абстракцией и приобретает конкретный вид, сохраняющий значение до сих пор в качестве исторического источника, а не только свода биографических материалов индивидуальных жизней, как и произошло с книгами Гершензона о П. Я. Чаадаеве и В. С. Печерине: перед сегодняшним читателем предстало не только русское общество XIX столетия, но угадываются и черты нынешней жизни. И произошло это благодаря индивидуальному анализу, включающему детали повседневности. К слову сказать, так построил В. Ф. Ходасевич мемуарный очерк о самом Гершензоне, воспроизведя такие черты его личного быта, что в них просвечивает время конца 1910-х — начала 1920-х годов.

С. Левит не оставила в стороне известное эссе 1920 года «Переписка из двух углов» между М. Гершензоном и Вяч. Ивановым — свидетельство настроений «отечественной интеллигенции в годы духовного кризиса». «В переписке <...> ощущается охваченность авторов интересами переживаемой ими эпохи великих потрясений, не только политических и экономических, но и духовных, отмеченных кризисом <...> культуры» (с. 443).

Содержание этого текста столетней давности всё еще тревожит умы никуда не девшимся сознанием кризиса культуры. Из него Вяч. Иванов предложил выход: «Есть в ней [культуре] нечто воистину священное: она есть память не только о земном и внешнем виде отцов, но и о достигнутых ими посвящениях. Живая, вечная память, не умирающая в тех, кто приобщается к этим посвящениям» [Иванов, 1994, с. 121].

«Живая память не только о земном и внешнем виде отцов» всегда поддерживает интерес к проблемам культуры, в каком бы положении та ни находилась. Другой поддержки нет, вся надежда лишь на культуру: она одна устойчива, что бы ни происходило в мире, пока он существует. Именно в таком духе отвечает Вяч. Иванов отчаявшемуся М. Гершензону: «Ты, который мечтал освободиться от философских систем, знаний, искусства, ты вернулся ко всему этому и так же прочно держишься этого, как и я...» (с. 445).

Отдельные страницы статьи о Гершензоне С. Я. Левит отводит его статьям о творчестве Пушкина и Лермонтова, прежде всего, конечно, Пушкина. «Гершензон формулирует *имманентную философию* Пушкина» (с. 454), вскрыв «неосознанные усмотрения, которыми определяется характер его идей, окутанных художественной плотью» (там же).

Именно неосознанными усмотрениями и занимается исследователь, после чего они осознаются и переходят в разряд аксиоматических.

«Идеи Гершензона казались современникам <...> произвольными, искусственными, пораженными субъективистским психологизмом, но в свете современных научных поисков, позволивших обнаружить архаические, мифологические пласты в литературе Нового времени, его мысли становятся во многом актуальными» (с. 457).

Этому наблюдению автора нечего возразить, остается лишь прибавить: архаические пласты обнаружены не только в литературе, но в психологии, в поведении людей, а это, вне всякого сомнения, изменило прежние представления о самом феномене человека. Мы теперь знаем, что он бесконечен, пока жизнь вдохновляет его; что над всеми его антропологическими признаками господствует вдохновение. Пушкин так и сказал: «Мы рождены для вдохновения...» Сказано, конечно, о поэте (стихотворение «Поэт и толпа»), но человек и есть поэт, иначе он — одна из многочисленных животных разновидностей, и этому знанию о человеке мы обязаны именно гуманитарным наукам.

В статье «А. М. Кузнецов и “Умозрение в звуках” М. В. Юдиной» С. Левит пишет о 8-томном издании литературного наследия М. В. Юдиной — «крупнейшего музыканта и мыслителя XX века» (с. 469).

Слов нет, выдающееся издание, и его инициатор, А. М. Кузнецов, оставил по себе незабываемую память не только потому, что еще живы посетители ее концертов, — ее письма, по его мнению, могут быть отнесены «к литературным памятникам минувшей эпохи» (с. 470), поскольку «собрано, откомментировано <...> всё литературное наследие» (с. 478) выдающегося музыканта и педагога.

«В последнем разговоре со мной, — заканчивает статью С. Я. Левит, — он [А. М. Кузнецов] поделился радостью — перечитал “Улисса” Джойса, пронизанного неоренессансной идеей абсолютного превосходства человека по сравнению с обществом. И советовал мне последовать его примеру» (с. 478).

В течение всех тридцати лет титанической (другого слова не подберешь) работы по развитию гуманитарного сознания соотечественников упомянутое «превосходство человека» было фундаментом этого сознания и ее деятельности.

Вернусь к статье Шопенгауэра. Обнаруженная им преднамеренность судьбы предполагает совпадения в жизнях незнакомых прежде людей, о чем те с изумлением узнают, сблизившись и рассказывая один другому о своей жизни. Но есть и другой тип преднамеренности — невольно избираемый из многих вариантов путь в жизни. Сам человек об этом может не догадываться, но оглядывая прожитое, убеждается, что к этой жизни он был предназначен. Подобный «автобиографизм» читается в занятиях С. Я. Левит культурологией, о

чем она, пока не взялась за этот предмет, едва ли задумывалась. С этой точки зрения пафос внутренней жизни автора, недоступный наблюдателю извне, может прочитываться не только в ее стихах или в изданных ею трудах западноевропейских мыслителей, но и в ее собственных исследованиях.

Об этом, в частности, свидетельствует анализ творчества М. В. Ломоносова и Г. Р. Державина как первых русских философских лириков. На мой взгляд, следовало только сказать об их отличиях. Лирика Ломоносова несет явные признаки церковной проповеди (что было унаследовано Гоголем в его «Выбранных местах из переписки с друзьями» и осталось незамеченным В. Г. Белинским в его знаменитом «Письме к Гоголю»).

Совсем иное — Державин, ближайший предшественник Пушкина, который пользуется некоторыми строчками из его стихов: «Скользим мы бездны на краю» (Державин) — «И бездны мрачной на краю» (Пушкин). Державин первым в нашей лирике изобразил переживание человеком смерти как психологический аналог космологическому процессу: «И звезды ею сокрушатся, / И солнца ею потушатся, / И всем мирам грозит она». Он же сказал о Боге: «Я есмь, конечно, есть и Ты!» А ведь это значит, что без меня нет и Тебя, Державин же добавил: «Я связь миров повсюду сущих, / Я крайня степень вещества, / Я средоточие живущих...».

«Я» — главный герой его лирики, и не будет преувеличением сказать, что им начата традиция «я» в нашей литературе, «абсолютного превосходства человека по сравнению с обществом», как сказано выше, и в этом я нахожу внутренний пафос самой С. Я. Левит, «доказуемый фатализм», по словам Шопенгауэра, ее судьбы. Она была предназначена к тому, что составило смысл и назначение ее жизни, о чем узнала, окунувшись в эту деятельность.

Сказав, что исследователь не упомянула разницы между Ломоносовым и Державиным, я не упрекнул автора: мое замечание вызвано его рассуждениями, побудившими сравнить поэтов, и неизвестно, пришло бы на ум такое сопоставление без упомянутых замечаний С. Я. Левит.

То же могу заметить о ее рецензии на статью С. Франка о Тютчеве, сразу оговорив согласие с наблюдениями рецензента, — не упомянута лирика Н. Заболоцкого, имя которого не однажды появляется на страницах обзриваемой книги, ибо он, несомненно, ближайший Тютчеву русский лирик минувшего столетия (кстати, так выразился К. Чуковский в одном из писем поэту: «Пишу Вам с той почтительной робостью, с какой писал бы Тютчеву или Державину»)². К тому же сама рецензент пишет: «Природа для Тютчева — ком-

² Из вступительной статьи Никиты Заболоцкого к сборнику [Заболоцкий, 1989, с. 9].

плекс живых сил, страстей, чувств; в ней есть любовь, свобода, душа, “в ней есть язык”» (с. 495).

Сказанные о Тютчеве слова целиком применимы к лирике Заболоцкого, достаточно процитировать: «Читайте, деревья, стихи Гезиода!» А стихотворение Тютчева «О чем ты воешь, ветер ночной <...> Понятным сердцу языком / Твердишь о непонятной муке...» близко натурфилософскому трагизму строчек из «Начала зимы» Заболоцкого: «Я наблюдал, как речка умирала <...> И если знаешь ты, / Как смотрят люди в день своей кончины, / Ты взгляд реки поймешь...»

Когда говорят о поэтике художественного произведения, то, кажется, предмет настолько очевиден, что стоит сказать «поэтика», сразу ясно, о чем идет речь. С. Я. Левит пользуется этим общераспространенным понятием в статье о поэтике В. А. Жуковского, но вводит еще одно значение, мало, а то и вовсе не распространенное, — «поэтика творчества», предполагающее законы творчества как процесса, не подконтрольного поэту-творцу, не осознаваемому им, хотя и переживаемому как вдохновение. Так и говорил Платон о поэтах в диалоге «Ион»: «<...> Бог отнимает у них рассудок и делает их своими слугами, божественными вещателями и пророками, чтобы мы, слушая их, знали, что не они <...> говорят столь драгоценные слова, а говорит сам бог и через них подает нам свой голос» [Платон, 1990–1994, т. 1, с. 377].

У каждого поэта это происходит по-своему, и всё же непреложное правило гласит: в творчестве творец не может служить ничему, даже самому себе. Оно не в его власти, иначе он перестает быть творцом. Как раз это имел в виду А. Фет: «...Не знаю сам, что буду петь, / Но только песня зреет!»

Так понимает это явление и С. Я. Левит, цитируя слова Руссо, упоминаемые Жуковским в одном из писем: «...il n’y a de beau que ce qui n’est pas [прекрасно лишь то, что не существует]; это не значит: *только то, что не существует*; прекрасное существует, но его *нет*, ибо оно <...> является нам единственно для того, чтобы исчезнуть; чтоб <...> оживить и обновить душу — но его ни удержать, ни разглядеть, ни постигнуть мы не можем...» (с. 512).

Под руками Жуковского, комментирует С. Я. Левит, «возникает новый поэтический язык и особая *романтическая философия*, связанная с идеей двоемирия, в противовес реальности...» (с. 514).

Возразить нечего, идея двоемирия родилась едва ли не вместе с человеком, и потому его творение в Книге Бытия описано дважды: «И сотворил Бог человека **по образу Своему** <...>» (Быт. 1:27); «И создал Господь Бог человека **из праха земного** <...>» (Быт. 2:7).

Романтическое действительно противостоит реальности. Исследователь права. Но это реальность «праха», извечная философия, возникшая вместе с че-

В. К. Кантор, Г. Э. Великовская, С. Я. Левит, В. И. Мильдон, П. В. Соснов

ловеком, и «романтизм» — столь же извечное гуманитарное мировоззрение, как бы ни менялись исторические эпохи. А. А. Бестужев-Марлинский в рецензии (1833) на роман Н. Полевого «Клятва при Гробе Господнем» заметил: «Надобно сказать однажды навсегда, что под именем романтизма разумею я стремление бесконечного духа человеческого выразиться в конечных формах. А потому я считаю его ровесником души человеческой...» [Бестужев, 1991, с. 137].

Сен-Жон Перс «повторил» слова русского писателя в ответном слове после вручения ему Нобелевской премии по литературе в 1960 году: «Поэт жил в человеке пещерном, он остается жить и в человеке атомного века, ибо он неотъемлем от самого человека <...> Когда рушатся мифологии, божественное находит в поэзии прибежище, а может быть, и грядущее пристанище» [Перс, 1996, с. 251].

Да, «поэт» — синоним «человека», его неотъемлемый признак, и преобладающая антропологическая черта. Он один не помещается в пределы бесконечного физического мира, и до сих пор нет убедительных аргументов, подтверждающих, как из мира органической природы возник человек, переставший «находиться под влиянием естественного подбора в том, что касается его физической природы <...>. Среда, его окружающая, утратила уже над ним ту могущественную власть, которую мы признаем над всем остальным органическим миром». Он — «существо **новое и совершенно особое**, не подчиняющееся великому закону, тяготеющему неотразимо над всеми остальными органическими существами» [Уоллес, 1878, с. 344, 354].

С. Я. Левит и В. К. Кантор. Институт научной информации
по общественным наукам РАН. 2013

Попутно замечу: В. Гумбольдт согласен, что анатомически человек мало отличается от обезьяны, но он владеет членораздельной речью, а это — пропасть между ним и природой. Через сто лет эти наблюдения подтвердил французский антрополог, рассуждая, как возникла на Земле жизнь, «органическое из химического, живое из предживого»: «Подобную метаморфозу не объяснить простым непрерывным процессом. К этому особенному моменту земной эволюции следует отнести созревание, **перелом, рубеж, кризис** крупнейшего масштаба — **начало нового ряда...**» [Тейяр де Шарден, 1987, с. 72].

Приведенные высказывания можно рассматривать сжатым изложением романтизма в качестве мировоззрения, а не только и не столько как одного из художественных течений. Рецензируемый труд — еще одно свидетельство такой возможности.

Сколько бы высокопарным ни показалось нижеследующее, но вся 30-летняя деятельность С. Я. Левит безоговорочно подтверждает: «божественное», упомянутое французским поэтом, никуда не делось и не денется, пока существует белый свет. Одна из серий, ею основанных, названа «Книга Света», и доброжелатели автора удачно переименовали серию в «Книги Светы» (с. 12). Действительно, эти книги — «свет, разлитый Светой» над соотечественниками; помогающий им осознать и укрепиться в сознании, что человек — индивидуальное, а не коллективное существо и что — повторю слова Фомы Аквинского — «первая причина нехватки благодати **от нас самих**» [Фома Аквинский, 2012, с. 634].

Наконец, последнее: «В России в начале [XX] века был настоящий культурный ренессанс. Только жившие в это время знают, какой творческий подъем был у нас пережит, какое веяние духа охватило русские души» [Бердяев, Русская идея, 1990, с. 237]. И мыслитель был прав, когда целую главу автобиографической книги так и назвал: «Русский культурный ренессанс XX века»: «Эта пора была одной из самых утонченных эпох в истории русской культуры» [Бердяев, Самопознание, 1990, с. 153].

Начало XXI века будущий историк так не назовет, однако, вне всякого сомнения, в качестве одного из ярких признаков этого времени отметит «книги Светы»: не всё потеряно, и нельзя исключать нового творческого подъема.

Список источников

Аристотель. Собрание сочинений в четырех томах. М.: Мысль, 1983. Т. 4. 830 с.

Бердяев Н. Русская идея // О России и русской философской культуре. М.: Наука, 1990. С. 43–271.

Бердяев Н. Самопознание. М.: СП «ДЭМ»; Международные отношения, 1990. 334 с.

Бестужев А. А. О романе Н. Полевого «Клятва при Гробе Господнем» // Декабристы. Эстетика и критика / сост. и примеч. Л. Г. Фризмана. М.: Искусство, 1991. С. 133–187.

Гердер И. Идеи к философии истории человечества / пер. и примеч. А. В. Михайлова. М.: Наука, 1977. 703 с.

Гуманитарное знание и вызовы времени / ред. и сост. С. Я. Левит. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. 480 с. (Университетская книга).

Гуревич П. С. Музыка надзвездная // Филология: научные исследования. М., 2013. № 3. С. 283–288.

Заболоцкий Н. Столбцы и поэмы. Стихотворения. М.: Художественная литература, 1989. 352 с.

Иванов В. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. 427 с.

Левит С. Сад нездешних песнопений: [стихотворения]. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 160 с.

Левит С. Эолова арфа: [стихотворения]. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 128 с.

Перс Сен-Жон. Избранное. М.: Русский путь, 1996. 256 с.

Платон. Собрание сочинений в четырех томах. М.: Мысль, 1990–1994. 4 т.

Ступин С. «Я чувствую, значит, я существую». Рец. на книгу: Левит С. Сад нездешних песнопений // Кольцо А. 2019. № 118 (Журнал Союза писателей).

Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М.: Наука, 1987. 239 с.

Уоллес А. Р. Естественный подбор. СПб.: Тип. Ф. Сущинского, 1878. XVI, 508, VI с.

Фома Аквинский. Сумма теологии / пер. с лат. под ред. Н. Лобковица, А. В. Аполлонова. М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2012. Т. IV: Первая часть второй части. Вопросы 68–114. 688 с.

Шеллинг Ф. Философия искусства. М.: Мысль, 1966. 496 с.

Шопенгауэр А. Полное собрание сочинений: в 4 т. / в пер. и под ред. Ю. И. Айхенвальда. М.: Изд. Д. П. Ефимова; Тип. Вильде, 1910. Т. III.

References

Aristotel' (1983) *Sobranie sochinenii v chetyrekh tomakh. Tom 4* [Collected Works in four vols. Vol. 4]. Moscow: Mysl'.

Berdyayev, N. (1990) 'Russkaya ideya' ['Russian Idea'], in *O Rossii i russkoi filosofskoi kul'ture* [About Russia and Russian Philosophical Culture]. Moscow: Nauka, pp. 43–271.

Berdyayev, N. (1990) *Samopoznanie* [Self-Knowledge]. Moscow: SP "DEM"; Mezhdunarodnye otnosheniya.

Bestuzhev, A.A. (1991) 'O romane N. Polevogo "Klyatva pri Grobe Gospodnem"' ['About the Novel by N. Polevoy "The Oath at the Holy Sepulcher"'], in *Dekabristy. Estetika i kritika* [Decembrists. Aesthetics and Criticism]. Compilation and notes by L.G. Frizman. Moscow: Iskusstvo, pp. 133–187.

Foma, Akvinskii (2012) *Summa teologii. Tom IV: Pervaya chast' vtoroi chasti. Voprosy 68–114* [Sum of Theology. Vol. IV: The First Part of the Second Part. Questions 68–114]. Transl. from the Latin, ed. by N. Lobkovits, A.V. Apollonov. Moscow: Knizhnyi dom LIBROKOM.

Gurevich, P.S. (2013) 'Muzyka nadzvezdnaya' ['Music is Stellar'], *Filologiya: nauchnye issledovaniya* [Philology: Scientific Research], 3, pp. 283–288.

Herder, I. (1977) *Idei k filosofii istorii chelovechestva* [Ideas for the Philosophy of the History of Mankind]. Transl. and notes by A.V. Mikhailov. Moscow: Nauka.

Ivanov, V. (1994) *Rodnoe i vselenskoe* [Native and Universal]. Moscow: Respublika.

Levit, S. (2013) *Eolova arfa: [stikhotvoreniya]* [Aeolian Harp: [Poems]]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ [Center for Humanitarian Initiatives].

Levit, S. (2018) *Sad nezdesnikh pesnopenii: [stikhotvoreniya]* [The Garden of Unearthly Songs: [Poems]]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ [Center for Humanitarian Initiatives].

Levit, S.Ya. (ed.) (2014) *Gumanitarnoe znanie i vyzovy vremeni* [Humanitarian Knowledge and Challenges of the Time]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitar-

nykh initsiativ [Center for Humanitarian Initiatives]. (Universitetskaya kniga [University Book]).

Perse, Saint-John (1996) *Izbrannoe* [Selected]. Moscow: Russkii put'.

Platon (1990–1994) *Sobranie sochinenii v chetyrekh tomakh* [Collected Works in four vols] (4 vols). Moscow: Mysl'.

Schelling, F. (1966) *Filosofiya iskusstva* [Philosophy of Art]. Moscow: Mysl'.

Schopenhauer, A. (1910) *Polnoe sobranie sochinenii: v 4 tomakh. Tom III* [Complete Works: in 4 vols. Vol. III]. Translated and edited by Yu.I. Aikhenval'd. Moscow: Izd. D.P. Efimova; Tip. Vil'de.

Stupin, S. (2019) “Ya chuvstvuyu, znachit, ya sushchestvuyu”. Retsenziya na knigu: Levit S. Sad nezdesnykh pesnopenii' [“I feel, therefore I exist.” Book Review: Levit, S. The Garden of Unearthly Chants'], *Kol'tso A* [Ring A], 118. (Zhurnal Soyuz pisatelei [Journal of the Union of Writers]).

Teilhard de Chardin, P. (1987) *Fenomen cheloveka* [The Phenomenon of Man]. Moscow: Nauka.

Wallace, A.R. (1878) *Estestvennyi podbor* [Natural Selection]. St. Petersburg: Tip. F. Sushchinskago.

Zabolotskii, N. (1989) *Stolbtsy i poemy. Stikhotvoreniya* [Columns and Poems. Poems]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

Информация об авторе: В. И. Мильдон — доктор филологических наук, профессор кафедры эстетики, истории и теории культуры Всероссийского государственного института кинематографии имени С. А. Герасимова (ВГИК). Адрес: Российская Федерация, 129226, Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 3.

Information about the author: V. I. Mildon — DSc in Philology, Professor at the Department of Aesthetics, History and Theory of Culture, All-Russian State Institute of Cinematography named after S. A. Gerasimov. Address: 3 Wilhelm Pick Str., Moscow, 129226, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.05.2022;
принята к публикации 05.06.2022.

The article was submitted 29.05.2022;
accepted for publication 05.06.2022.

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 2. С. 247–252.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2022. Vol. 5, no. 2. P. 247–252.

Рецензия на книгу / Book Review

УДК 821.161.1

doi:10.17323/2658-5413-2022-5-2-247-252

О КНИГЕ А. К. ГЕРЦЫК «ЖИЗНЬ НА ОСЫПАЮЩИХСЯ ПЕСКАХ»

Сост. Т. Н. Жуковская. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. 592 с.

Ангелина Артемовна Акимова

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва, Россия,

angelina.a.akimova@gmail.com

Ссылка для цитирования: Акимова А. А. О книге А. К. Герцык «Жизнь на осыпающихся песках» // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 2. С. 247–252. <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2022-5-2-247-252>.

Academic Life. Reviews

ABOUT THE BOOK OF A. K. GERTSYK “LIFE ON THE CRUSHING SANDS”

Angelina A. Akimova

National Research University

“Higher School of Economics” (HSE University),

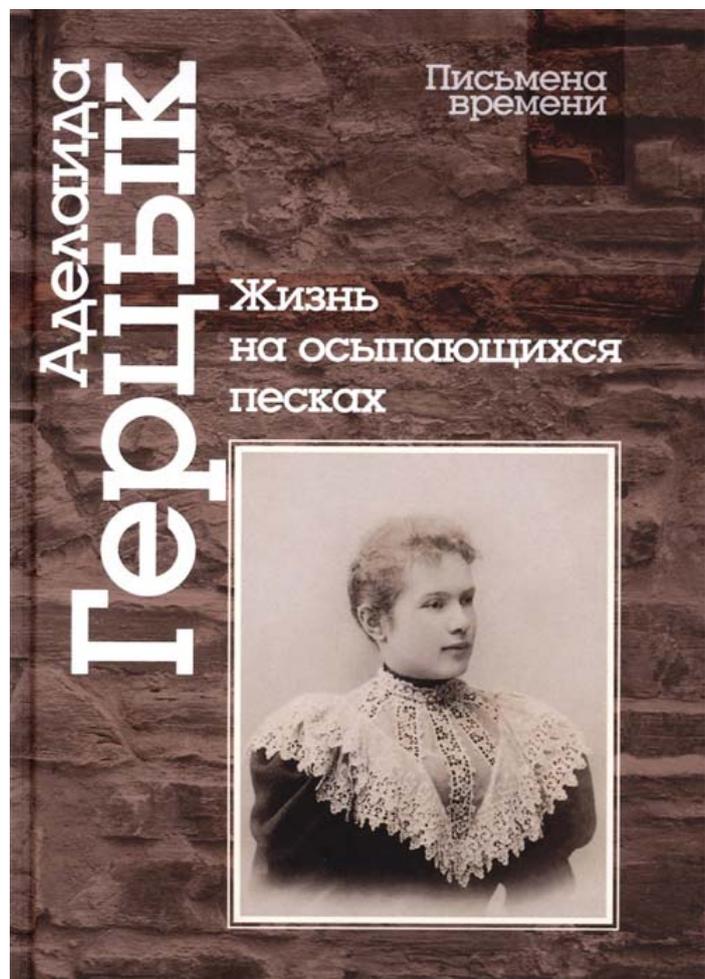
Moscow, Russia, angelina.a.akimova@gmail.com

For citation: Akimova, A.A. (2022) ‘About the Book of A.K. Gertsyk “Life on the Crushing Sands”’, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 5(2), pp. 247–252. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2022-5-2-247-252.

Сестры Герцык — Аделаида и Евгения — являют собой ярких, хотя в некоторой степени и не самых «гремящих на устах», представительниц Серебряного века, вобравших в себя его дух и переживших особое время русской культуры. Будучи не просто знакомыми, но состоящими в довольно тесном контакте с громкими именами своего времени, они находились в эпицентре его бурлящей культурной жизни. Младшая из сестер, Евгения, оставила свои «Воспоминания», старшая же, Аделаида, подарила нам ценное и, более того, оцененное современниками поэтическое и прозаическое творчество. Т. Н. Жуковская, внучка Аделаиды Герцык, составила сборник ее стихотворений, эссе и писем периода 1914–1925 годов.

Представленный сборник открывается предисловием Т. Н. Жуковской, в котором она штрихами набрасывает то, с чем читателю предстоит столкнуться далее, — историю человека, семьи, эпохи. Жуковская вписывает А. Герцык в общий исторический и культурный контекст ее времени через людей, оказавшихся довольно близкими поэтессе, — Н. А. Бердяева, Вяч. И. Иванова, С. Н. Булгакова, М. А. Волошина, и вместе с тем последовательно восстанавливает жизненный путь Аделаиды Герцык вплоть до последних ее дней, прибегая к отрывкам из писем и архивных документов. В качестве послесловия публикуется статья Н. К. Бонецкой «Под знаком Софии». Связывая личную и «эпохальную» истории, Бонецкая представляет нам образ Аделаиды и ее сестры, рассматривая их в качестве «феномена» своего времени: в них мы видим и синтез влияний основных духовных исканий Серебряного века, и торжество личного духовного пути: «Аделаида в конце концов пришла к христианской простоте — терпению, смирению, молитве за всех» (с. 563). Послесловие Бонецкой будто закольцовывает книгу, продолжая начатую Жуковской работу по воссозданию уникального жизненного пути Аделаиды

Герцык в его переплетении с основными вехами времени и общей, витавшей в воздухе мыслью.

Основу сборника составляют стихотворения, прозаические произведения и письма Аделаиды Герцык. В стихотворениях поэтессы можно особо отметить влияние духа символизма — они пронизаны тайной, загадкой, «иным». Лирическая героиня А. Герцык воспевает мир души, порой не находя себе в нем места, потому мы встречаем следующие строки: «Я растеряла свою душу // В низинах бытия...», «Не во храме — в преддверии // Место мое...» и постоянном вопрошании «Где я?». Однако в более поздних стихотворениях прорываются открытые лирической героиней в ее ночных озарениях надежда, твердость и уверенность: «Какая радость снять оковы // Сомнений, робости, забот!». Общее настроение стихотворного цикла 1914–1925 годов органично встраивается в последующие прозаические произведения и письма Аделаиды Герцык, проливая свет на определенные повторяющиеся мотивы ее поэтического творчества. Более того, некоторые из стихотворений обретают конкретные время, место и предваряющие их жизненные обстоятельства или душевное состояние поэтессы. Некоторые из них мы впоследствии встречаем в письмах Аделаиды, а цикл стихотворений «Подвальные» оживает в связке с «Подвальными очерками», написанными по воспоминаниям о заключении зимой 1921 года.

Прозаические произведения, включенные в сборник, открываются очерком «История одной дружбы», который является переводом писем немецкой писательницы Беттины Brentano к ее подруге Каролине ф. Гюндероде с предисловием и комментариями самой Аделаиды Герцык. В одном из писем к И. Н. Розанову (1903) А. Герцык оставляет следующее замечание о переводе: «<...> прежде всего надо проникнуться возможно глубже чувством, волнением или образом, породившим оригинал, и затем уже, не заботясь об излишней точности в передаче слова, не гонясь за известным количеством строк — передать это впечатление, пользуясь теми ресурсами, которые для этого дает родной язык» (с. 221). Так, чем-то образ Беттины пленял А. Герцык — возможно, своей живостью, чуткостью к миру, тонкостью его восприятия и способностью глубокого погружения не только в свои, но и в чужие чувства и образ мысли. Всё это Аделаида Герцык демонстрирует и в своей художественной прозе. В собрании прозаических заметок автобиографического характера «Мои блуждания» А. Герцык в меньшей степени сконцентрирована на себе, чем на фигурах мелькающих в ее жизни людей, будь то случайно замеченная на улице нищая, сестра подруги детства, изживающая свое горе, или друг, с которым Аделаида ведет разговоры не вслух, но про себя, изнутри. Разговор с другим и созерцание другого оказываются ключом героини к самой себе, образы ее мысли и жизни

оттачиваются встречами и разговорами с людьми. Этим встречам и разговорам вовсе не обязательно быть «реальными», важен сам акт обращения к другому. Это может быть и воображаемая самой Аделаидой женщина, разговоры с которой разворачиваются внутри ее фантазии и оказываются записанными в тетрадь: «Беседа с другим успокаивает, задерживает, главное — дает возможность не расти духом, опустить завесу над далью, над глубиной, над дном мира. Радостно быть слабой, не ведущей, на другого возложить знание и силу, но этого нельзя в одиночестве» (с. 156).

Кажется, что разговор с другим в какой-то степени является и формой эскапизма, связывающей с миром ниточкой, не позволяющей уйти в «даль». Вместе с тем складывается впечатление, что для Аделаиды Герцук обращение к другому стало не способом куда-то уйти или убежать, но попыткой прийти к себе и открыть глубину мира наиболее безопасным образом, что особенно характерно для «Подвальных очерков». Выше уже была упомянута история этого прозаического произведения Аделаиды Герцук: пережив в 1921 году тюремное заключение в Судаке, длившееся около месяца, в 1924 году она возвращается к этому краткому, но насыщенному периоду своей жизни и записывает воспоминания о нем, «чтоб это отошло от меня, чтоб не жило больше в душе, требуя себе оправдания и раскрытия» (с. 474). В «Подвальных очерках» еще более заметно внимание Аделаиды Герцук к личной истории другого человека. Собирая по ниточкам истории своих заключенных соседей, она складывает личное горе каждого в некоторое общее страдание. В письме сестре Евгении Аделаида пишет: «Очень странно; я ничего, ни одного слова не пишу о себе (все оч^{<ень>} объективно), но все время узнаю не только о себе, но о жизни, о смысле ее, о вечной правде» (с. 458). Эта единственная мысль дает нам ключ к прозе Аделаиды Герцук — ее отправной точкой является не «познай самого себя», но преобразованное «познай другого», и именно так открываются ею общее и вечное. По этой причине ее интересуют письма Беттины, а в произведении под названием «Мои блуждания» она описывает в первую очередь не свои блуждания, но блуждания людей, с которыми ее сталкивала жизнь и кто перед ней открывался.

В общую картину мирозерцания Аделаиды Герцук встраиваются ее письма того периода. Это еще более интимное обращение к другому человеку (в данном случае — к членам семьи и близким друзьям), через которое довольно явно проступает образ А. Герцук уже не как лирической героини, но как человека. Именно в письмах обостряются и оживают отраженные в стихотворениях и художественной прозе душевные поиски и переживания Аделаиды Герцук. Основные фигуры, к которым адресованы представленные в сборнике

письма, — В. С. Гриневич, А. М. Петрова, М. А. Волошин, М. О. Гершензон и его жена М. Б. Гершензон, а также Евгения Герцык и другие члены семьи. Всё собрание опубликованных писем можно условно разделить на две части: письма 1914–1921 и 1922–1925 годов.

Содержание первой части писем вращается прежде всего вокруг известных событий русской истории и попыток их осмысления. В начале это определенная приподнятость духа и предчувствие свершающегося великого. Так, в письме М. А. Волошину (1914) А. Герцык пишет: «кажется ли вам, что мир приблизился к концу, что можно умереть от ужаса, если б он не перебивался порой чувством восторга, — кот. испытываем мы все, видя и ощущая пробуждение России, призвание, избрание ее, глубоко сознавая, что она просыпается от долгого сна, и что грядущая культура будет религиозной и будет русской» (с. 228). Аделаиде непонятно отсутствие этого чувства у адресата ее письма, она же им переполнена. С таким же чувством А. Герцык принимает и свершающееся внутри России, говоря о «сказочных, незабываемых, безумных» днях (с. 276), окрашенных апокалиптическими тонами, но несомненно пророчащих великое. Однако уже к концу 1917 года в письмах Волошину проскальзывают мысли о «погибании», и далее (в письме А. М. Петровой) — о «переломе» внутри самой Аделаиды, увидевшей в происходящем «постепенное уничтожение и гибель» (с. 280).

В последующих письмах проступают всё более четкие очертания разочарования и предчувствия несчастья, и всё больше Аделаида уходит в совсем другое пространство. Мы не встречаем уже восторженных размышлений «о судьбах родины», она погружается в область личного: говорит о жизни бытовой, литературе, творчестве. В 1922 году А. Герцык, всё это время проживавшая в Судаче вместе со своей большой семьей, вынужденно переезжает в Симферополь с мужем и двумя сыновьями, что порождает вторую часть писем — «родным в Судач». Тяжелые жизненные обстоятельства и пространственная отдаленность от семьи определяют содержание этих писем. Теперь в основном они вращаются вокруг бытовых вопросов, связанных порой не с жизнью, а с выживанием. Возникает ощущение, будто Аделаида полностью погружается в вопросы жизни «внешней», в быт и хлопоты, и, вероятно, в описываемых ею условиях жизни невозможно иначе. Только изредка встречаются проблески сожаления и тоски: «Стараюсь бодриться и делать все, что нужно, и, конечно, весь день проходит преисполненный маленькими делами, но неумолчно в глубине тоскующий голос: не это важно, не об этом надо жить...» (с. 391). Но так редко эти проблески, потому что «нет времени (а может быть, и разума), чтобы осознать это» (с. 430). Спасительной оказывается для А. Герцык мысль об ис-

купления страданием, о жизни будто на проверку своего смирения, кротости и терпения. На некоторое время этой мысли хватает, но ближе к 1925 году — году смерти Аделаиды Герцык — всё больше проскальзывают строки о том, что «внешняя» жизнь ее поглощает и совсем позабыта жизнь «внутренняя». Однако иногда она находит отдохновение в литературных занятиях и в общении, которое так ценно А. Герцык для открытия в себе «внутренней» жизни, в том числе с отцом Сергеем Булгаковым, «Ялтинский дневник» которого опубликован в приложении к книге.

Удачное построение сборника текстов Аделаиды Герцык, обрамленного глубокими исследовательскими замечаниями и наблюдениями о ее жизни и творчестве, позволяет читателю сформировать довольно целостное представление. Личная история жизни А. Герцык, последовательно представленная через жанровое разнообразие ее текстов, каждый из которых задает новый виток построения ее образа, встраивается в общее чувство эпохи и в канву судеб современников поэтессы. Именно это открывает читателю цельную и детальную картину, с одной стороны, определенного времени, с другой — определенного человека в лице Аделаиды Герцык.

Информация об авторе: А. А. Акимова — стажер-исследователь Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4.

Information about the author: A. A. Akimova — Research Assistant at the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.05.2022;
принята к публикации 25.05.2022.

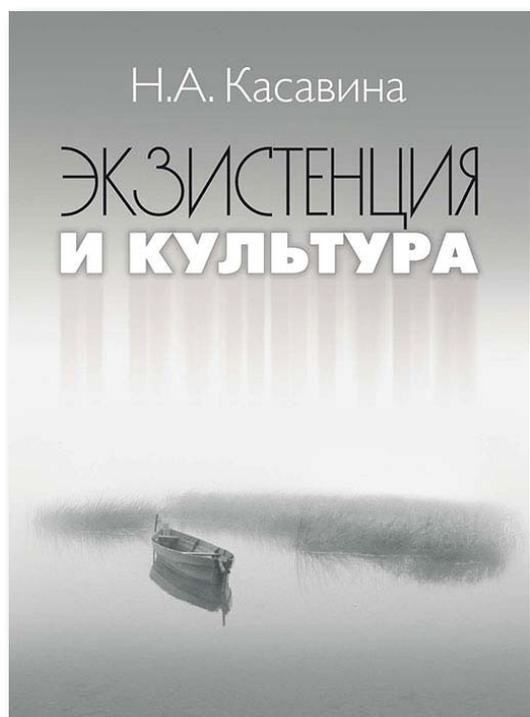
The article was submitted 22.05.2022;
accepted for publication 25.05.2022.

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 2. С. 253–255.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2022. Vol. 5, no. 2. P. 253–255.

ЗЕРКАЛО ГУТЕНБЕРГА

Редакция журнала «Философические письма. Русско-европейский диалог» представляет читателю новые книги, вышедшие в 2021–2022 годах

Касавина Н. А. **Экзистенция и культура**. — М.: Издательство «Весь Мир», 2022. — 438 с.

Книга посвящена исследованию феномена экзистенции как сферы переживания человеком собственной ситуации в мире, пограничности существования, самопонимания субъекта и его самоопределения по отношению к смыслам и ценностям культуры. Культура предстает как пространство конструирования личностью своего бытия, его субъектный горизонт, в котором разворачивается личная история. Экзистенциальный опыт понимается как основа концептуализации непрерывности жизненного пути, имеющая рекурсивную природу. Предлагается трактовка влияния

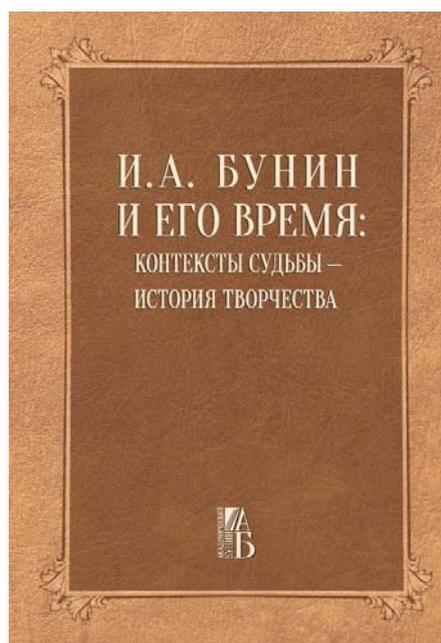
экзистенциализма на современную культуру, в центре которого — поворот социально-гуманитарных наук к смысложизненным составляющим человеческого бытия. Реконструкция культурных особенностей экзистенции дополнена обращением к произведениям мировой художественной литературы. Результаты исследования позволяют расширить горизонт философии науки и культуры, включив в него значительный пласт тематики, связанной с проблемой экзистенциального опыта.

«Записки из подполья» Ф. М. Достоевского в культуре Европы и Америки / Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук; отв. ред. Е. Д. Гальцова. — М.: ИМЛИ РАН, 2021. — 1024 с.

Коллективная монография ««Записки из подполья» Ф. М. Достоевского в культуре Европы и Америки» посвящена малоизученным аспектам западного восприятия повести. Российские, европейские и американские авторы проводят анализ переводов «Записок из подполья» на европейские языки, а также их философской, литературной, литературоведческой, театральной и кинематографической рецепции. В Приложении дан не публиковавшийся

ранее текст первой в мире театральной инсценировки повести — «Подпольный дух» («L'Espritsouterrain», 1912) А.-Р. Ленормана (на французском и русском языках) и архивные материалы М. де Унамуно и Ж. Пудж-и-Ферретера, предисловия к ранним переводам и др. Издание сопровождается библиографией переводов и рецепции повести в Европе и Америке. Книга адресована как специалистам, так и широкому кругу читателей. Опубликовано в рамках программы РФФИ, посвященной 200-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского.

И. А. Бунин и его время: контексты судьбы — история творчества / отв. ред.-сост. Т. М. Двиглятина, С. Н. Морозов; ред. А. В. Бакунцев, Е. Р. Пономарев. М.: ИМЛИ РАН, 2021. — 1040 с. — (Академический Бунин; 3)

Коллективная монография включает в себя материалы, представленные на двух юбилейных международных научных конференциях, посвященных 150-летию со дня рождения И. А. Бунина и прошедших в ИМЛИ РАН и ИРЛИ РАН. Кроме того, в книге помещены публикации новых архивных источников, а также переводы иноязычных статей о И. А. Бунине. Ряд разделов сопровождается иллюстрациями, впервые вводимыми в

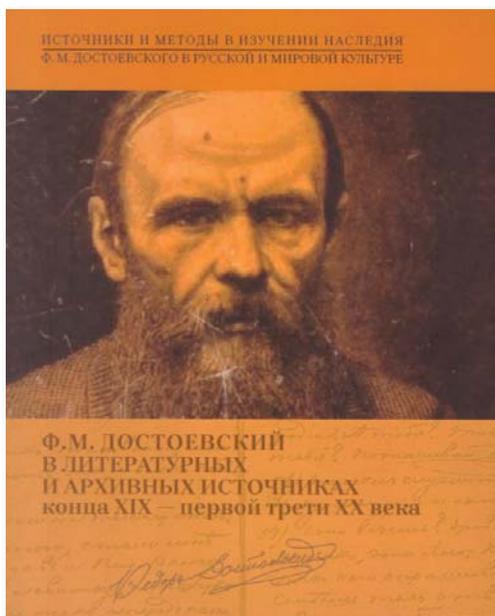
исследовательский оборот. Этот труд знаменует собой очередной этап подготовки к созданию научного Полного собрания сочинений писателя.

Философские поколения / Сост. и отв. ред. Ю. В. Синеокая. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. — 1232 с.

Эта книга — особый документ истории философии в России, групповой автопортрет отечественных философов середины XX — начала XXI столетия, летопись московского философского сообщества, рассказанная участниками описываемых событий от первого лица. Исследование философских поколений важно для восстановления человеческого контекста развития философии, вне которого многое останется непонятным. Путь познания от поколенческого типа к текстам не менее важен, чем привычный путь от текстов. Понятие «философское

поколение» может быть использовано как ключ к интерпретации истории философии. Поколенческий подход позволяет изменить привычную оптику, сфокусировать внимание исследователей на экзистенциальных, личных связях внутри профессионального сообщества, что проясняет взаимовлияния ученых, определяющие рождение и развитие философских идей. Издание приурочено к столетию Института философии РАН, создание которого положило начало институционализации философских исследований в России, и иллюстрировано фотопортретами авторов времен их вхождения в профессию.

Ф. М. Достоевский в литературных и архивных источниках конца XIX — первой трети XX в. / Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук; ред.-сост. Е. А. Андрущенко, В. М. Введенская, М. В. Козьменко. — М.: ИМЛИ РАН, 2021. — 386 с.

Статьи сборника посвящены литературной критике о Достоевском в эпоху Серебряного века, становлению и первым шагам отечественного достоевковедения в 1910–1920-е гг., осмыслению философских и психолого-психиатрических дискурсов о писателе 1890–1920-х гг.

Научный электронный журнал
Философические письма. Русско-европейский диалог
2022. Т. 5, № 2

ISSN: 2658-5413

Журнал основан в 2018 году.
Периодичность: 4 раза в год

Учредитель и издатель — Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Адрес: Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77 – 77668 от 17 января 2020 года

Главный редактор *В. К. Кантор*
Зам. главного редактора *М. С. Киселева*
Ответственный секретарь *А. А. Доронина*
Шеф-редактор *С. М. Малков*
Научный редактор *О. А. Жукова*
Серийное оформление *П. П. Ефремов*
Верстка *И. Ю. Кротов*
Корректор *М. В. Нагришко*

Публикуемые материалы прошли процедуры рецензирования
и экспертного отбора.

Адрес редакции: Российская Федерация,
105066, Москва, ул. Старая Басманная,
д. 21/4, стр. 1, каб. 217
Телефон: +7 (495) 772-95-90 доб. 12786
E-mail: philletters@hse.ru
Сайт: <https://phillet.hse.ru>

Номер вышел в свет
24 июня 2022 года.